

УРАЛЬСКИЙ

Следопыт

4

ИЮЛЬ
1958

И. Пчельников. Домна

УРАЛЬСКИЙ Следопыт

№ 4 · И Ю Л Ь · 1958

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ДЛЯ ДЕТЕЙ И ЮНОШЕСТВА.
ОРГАН СВЕРДЛОВСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
И СВЕРДЛОВСКОГО ОБКОМА ВЛКСМ.

В НОМЕРЕ:

ОДНОЙ ДОРОГОЙ
Кл. Рождественская

О ДРУЗЬЯХ-ТОВАРИЩАХ

ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА
К 25-летию Уралмаша

СТРЕЛЯЮЩИЙ УГОЛЬ
Б. Цывьян

ГОРОД В ГОРАХ
С. Буньков

СЛАВНЫЕ ИМЕНА

КОГДА ПОДХОДЯТ С ДУШОЙ
Арк. Талан

НЕПТУН ПОСЕИДОНСКИЙ
Перевод с польского

РАССКАЗЫ У КОСТРА

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШУРЫ
Светлана Шелехова

СЛЕДОПЫТЫ
Л. Румянцев

СЛЕДОПЫТЫ СООБЩАЮТ

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО КНИГАМ

*Прислушайся утром, с постели вставая,—
Из дальнего края, таежного края,
Оттуда, где горные встали отроги,
Доносятся зовы далекой дороги.*

*Упрямые зовы, знакомые зовы.
Одно только слово. Одно только слово,
Но в нем беспокойство, порыв и тревога:
— В дорогу! В дорогу! В дорогу! В дорогу!*

*Зовет оно смелых, умелых и стойких
На новые земли, на новые стройки.
Мы будем работать, от зноя сгорая,
Судьбу обновляя таежного края.*

*Мы будем покрыты цементною пылью,
В сказанье войдем легендарною былью.
В дорогу, товарищ, на новые земли!
Где коршуны в небе безоблачном дремлют.
Скучать не придется по дальнему дому:
Мы взрежем плугами пласты чернозема.*

*Товарищ,
Прощайся с родимым порогом,
Ты слышишь,—
Зовет нас
Дорога!
Дорога!*

Свердловское Книжное Издательство
1958

Одной ДОРОГОЙ

Кл. РОЖДЕСТВЕНСКАЯ
Рис. В. Васильева

13. ЧЕРНЫЙ СПИСОК

В доме Жигулевых наружно все было, как прежде: с утра до вечера шел привычный круговорот домашних хозяйственных дел. Но не было во всем этом главного стержня: энергичной направляющей руки — руки отца.

Дети говорили меж собой мало и понижая голос, точно в доме был тяжело больной. Со страхом и болью смотрели они на мать, которая после похорон вдруг разом отшатнулась от родного дома, от всего того, что совсем недавно

целиком поглощало ее; отшатнулась даже от них, от своих детей.

Нередко к Жигулевым заходили Борис, Варя Морошкина или кто-нибудь из семьи Ширинкиных. С их помощью было вывезено с покоса и сметано в сарай сено.

И дети и гости безуспешно старались отвлечь, рассеять чем-нибудь Марфу Калиничну. Когда утром впервые после долгого перерыва ворвался в дом Жигулевых басистый рев заводского гудка, Марфа Калинична вздрогнула, вся переменялась в лице и не двинулась с места,

Окончание. Начало см. в № 2 и 3.

пока не замолк гудок. Будто втяв в увидела она перед собой Ивана Андреевича: как, торопясь, натягивает он сапоги, рабочий пиджак, смятую старенькую фуражку. И долго после того не могла она без дрожи слышать утренний повелительный гудок.

К исходу катился август. В один из церковных праздников по зову партийного комитета собралось на кладбище несколько тысяч человек. Над могилой Жигулева развернулся траурный флаг. И здесь, среди бесчисленных деревянных крестов, рассеянных под березами и липами, удалось, наконец, сказать всему Пригорью правду о жестокости самодержавия, ту правду, которую не привелось произнести в день похорон.

Марфа Калинична не ждала этого митинга. Не думала она, что народ еще хранит память об Иване Андреевиче. Страстные, гневные голоса выступающих, скорбные слова похоронного гимна перевернули все в ее груди. После тяжелых дней бессонного оцепенения та безмерная глыба горя, которая ни днем, ни ночью не давала ей дышать, начала как будто размягчаться, рассасываться.

Это было началом выздоровления. Яша и Зоя, с острой внимательностью улавливавшие настроение матери, обрадованно переглянулись между собой: мать вернулась, мать опять была с ними!

Яша все свое девятирублевое жалованье до копейки отдавал матери. Жили только на эти деньги. Существенным подспорьем были корова и огород. Но пшеничный хлеб уже не ели. Сахар к чаю брали с оглядкой. О какой-либо новой одежке или обуви и не мечтали. Мать про себя заглядывала в будущее — оно было без просвета. Еще долго ждать Михаила, нескоро встанет Яша на ноги. Саша? Когда-то его выпустят.

Август пролетел незаметно, без видимых перемен на заводе. Но изменения невидимые, внутренние произошли почти в каждом рабочем. Кровавая расправа на Крутояре не прошла бесследно.

После похорон Жигулева завод не работал еще две недели. Это был суровый безмолвный ответ народа, готового идти в бой.

На тайной цеховой сходке решено было просить прибавки чернорабочим, чтобы тем, кто получает меньше полтинника, накинули гривенник, а, кто свыше, тому пятак. Переговоры с начальником

цеха поручили вести Борису и чернорабочему Косте Меньшову, смелому, но неречистому парню лет семнадцати.

— Вы там будьте пожежливее, — напутствовал их Захарыч, — не задирайтесь зря. Начальство есть начальство. Обходительностью можно скорее добиться.

У начальника цеха сидел в конторке десятник, грузный, болезненный с виду человек. При входе Абросимова и Меньшова они многозначительно усмехнулись и прервали разговор.

— А, ходатаи пришли за униженных и оскорбленных. Проходите, проходите, — сказал начальник и, выходя из-за стола, засунул в карман куртки лежавшую перед ним бумажку. — За пяточками и гривенниками пожаловали или еще зачем?

— Я что-то не понял вас, — сказал Борис, несколько смешавшись от столь неожиданного начала.

— Не понял? — веселая ироническая усмешка пробежала по бритому лицу инженера. — Я говорю: пришли пятаки да гривенники выпрашивать на бедность.

— Просить, Григорий Васильевич, а не выпрашивать, — поправил Борис. — Вам, вероятно, кто-то сегодня сообщил?

— Нет, я еще вчера знал. У нас разведка работает отлично. Вы еще только подумаете, а мы уже знаем.

— Что ж, — заметил Борис смиренным голосом, — наш разговор с вами, выходит, будет коротким.

— Да, объяснения излишни. Мне известно не только это. Но и кто у вас прокламации пишет, кто технику мастерит. Все известно. Вот вы где у меня... — инженер похлопал по карману куртки.

Борис на миг встретился с взглядом Кости Меньшова, и тот прочел: «Будь наготове! Я сейчас выкину одну штуку».

— О сходке вы могли узнать, — заговорил снова Борис с подчеркнутым уважением в голосе, — это я допускаю, кто-нибудь ненароком проболтался. А больше... тут, Григорий Васильевич, разрешите не поверить...

— Думаешь, сочиняю?

— Кажется. Вы уж извините меня.

Инженер коротко хохотнул в ответ. Усевшись на край стола, он вытащил из кармана небольшой листок, исписанный карандашом, и помахал им перед самым носом Бориса.

Ни один мускул не дрогнул в лице Бориса. Ни одним взглядом не дал он понять Меньшову, что надо делать.

— Что это у вас на руке ползет, Григорий Васильевич?— почтительно, с невинным видом спросил, наклоняясь, Борис и мгновенно развернул плечо, ударил начальника по сгибу руки. Тот вскрикнул, рука разжалась. Меньшов не растерялся: изловчившись, подхватил листок, опротясь выбежал из конторки и помчался, не разбирая дороги. Поравнявшись с Захарычем, стоявшим у станка, он на ходу сунул ему бумажку и, выдохнув: «Спрячьте!», понесся без оглядки дальше. В токарное отделение ворвался багровый от бега десятник. Он преследовал Меньшова. За десятником бежал Борис. Одним махом проскочив вперед, Борис пнул пустой ящик под ноги десятнику, и тот, споткнувшись, плашмя растянулся на полу, а, когда, чертыхаясь, поднялся, в цехе не было ни Меньшова, ни Бориса.

Немного погодя в одном из отдаленных и запустелых мест заводского двора собралась вокруг Захарыча группа членов партийной организации. Борис явился позднее, когда злополучная бумажка была уже изучена и люди, хмурясь, тщетно гадали, кто мог бы настрочить донос.

— Ну, ребята,— сияя, заговорил он, подставляя ветру вспотевшую спину,— меня только ноги выручили. Я не бежал, а мчался, как архангел Гавриил от черта. А Костяк оттуда вылетел пулей. Я ему только подмигнул. Он раз!— и был таков. Ну, кого там записали?

— Да почти все наши в списке. Указано, кто какую политическую работу выполняет.

— А я?

— Ты в первую голову. Идешь третьим сверху.

Борис долго вглядывался в почерк. Кладывалось впечатление, что кто-то писал левой рукой.

— Чего, ребята, гадать,— сказал Захарыч,— по всему выходит, что орудует кто-то из наших. Будем осторожны.

Предатель среди них! Это было страшнее черного списка. Одно имя держал Борис на уме, размышляя о случившемся. Из памяти не выходил разговор Ягушева с Яшей Жигулевым насчет тайника. Вообще, вся история со шрифтом была окутана какой-то глубокой, подозрительной тайной.

Чем больше раздумывал Борис, тем больше проникался уверенностью, что надо

немедля допросить Ягушева, любым способом дознаться до истины.

На утро по заводу разнеслась весть: кто-то в ночную смену поймал Ягушева, запятнал его газовой смолой и вытолкнул в проходную. Захарыч рассердился, узнав, кто это сделал.

— Но мы же с толком сделали,— говорил ему, оправдываясь, Борис, рядом с которым, смущенно посмеиваясь, стоял Костя Меньшов.— Прежде сами измазались в саже, как черти. И допрос учинили в темном местечке. Вертелся он долго, но в конце концов признался. Черный список дал он. Спрашиваю: «А кто выдал Сашку Жигулева?»— Молчит. «Говорил, гнида!»— Молчит. Тогда Костя схватил метлу, обмакнул ее в газовую смолу: «Вот тебе клеймо на вечную жизнь!» И вытолкали...

Старик Ширинкин продолжал хмуриться.

— Эту сволочь надо было на суд народа вытащить, чтобы все знали и чтобы другим подлецам было неповадно. А вы втихую. От тебя, Борис, я не ждал.

— Мы же хотели по-хорошему,— чуть не взмолился Меньшов,— как требуют интересы дела. Но рука не стерпела. Он, как червяк, у нас в ногах извивался. Думал, мы его укокошим. Я его не шибко и мазнул. В лоб метил, но промахнулся. По щеке маленько проехало.

Захарыч махнул рукой. Ругай не ругай, дела не поправишь.

Ягушев больше не появлялся на заводе: той же ночью он куда-то уехал.

Когда Марфа Калинична узнала от Бориса, что случилось в цехе, она долго не могла успокоиться.

— Ох, ребята, какую гадюку мы сами, оказывается, приваживали к дому,— говорила она со страхом.— И кто бы мог подумать! В глаза тебе глядит и тебе же петлю вьет. А я-то, дура, уж покаюсь, не прочь была за него Зоюшку замуж выдать. Намеки он не раз подавал к тому. Думаю, сватов пошлет, ну, и с богом.

Зоя до слез сконфузилась от слов матери, а Борис пробормотал:

— Ну, уж, Марфа Калинична, выбрали кого...

Яша, глянув на него, вдруг захохотал оглушительно, и вслед за ним невольно рассмеялись и остальные.

Случай с Ягушевым стал уже забываться, когда новые более крупные события всколыхнули все Пригорье.

14. КТО ВИНОВАТ?

Администрация Пригорского завода всегда грубо и пренебрежительно обращалась с рабочими. Но с осени издевательства и унижения перешли привычные границы. Особенно свирепствовал главный управитель завода. Он без всякого стеснения пускал в ход кулаки, штрафовал и увольнял рабочих. События на заводе начались с того, что главный управитель без всякого повода уволил двух чернорабочих и в тот же день приказал сломать и выкинуть вон самодельные столики, за которыми рабочие обедали.

Тогда произошло то, чего не хотел и не мог одобрить партийный комитет. Группа рабочих учинила свой суд над управителем — вывела его из завода.

В то же утро «выведен» были мастер Крапивин. Гроза формовщиков не успел даже выругаться. На его голову накинута мешок, а затем посадили в перемазанную глиной тачку. Скрипя, тачка покатила через проходную. След замели метелками молодые ребята. Среди них был и Яша Жигулев.

Вскоре после этих происшествий появился приказ горного начальника:

«Ввиду nepозволительного поведения рабочих в отношении администрации цехов, нахожу продолжение работ невозможным. Почему завод закрывается

сегодня с трех часов дня впредь до распоряжения высшего начальства».

К вечеру в Пригорье прибыла полсотня казаков, а через день — рота солдат.

* * *

Завод не работал уже третью неделю, и никто не знал, когда его пустят. Одинокие и малосемейные начали разъезжаться по ближним заводам и рудникам. Многосемейные не решались тронуться. У кого был огород, корова, тужили меньше. Выручали картошка, капуста и молоко.

Жигулевы крепились. Но Марфа Калинична, нарезая к обеду хлеб, всякий раз виновато замечала:

— Помаленьку ешьте, ребята, на картошку больше налегайте.

Собираясь на базар, со вздохом пересчитывала она скудные сбережения. Покупая муку, вела длительный торг из-за каждой копейки.

Как-то раз Марфа Калинична встретила на базаре с женой Окентича — Аграфеной Петровной, которая моталась у воев с мукой. Разговорились.

Отвлекаясь от своих горестей, Марфа Калинична слушала ее с сочувствием и жалостью.

— Шесть девок, по куску — так шесть

кусков,— жаловалась Аграфена Петровна,— шибко трудно такой табунок кормить. Сама-то уж не ем, слезами сыта. Знать бы, что в голодный год входим,— запастись бы с лета грибов, ягод. А я не подумала. Домашность заела.

— А ты бы зашла к нам, Петровна, у меня и капуста есть — две кадки больших насылила,— и огурчики.

Но та смахнула с лица слезы.

— Стыдно, девушка, по чужим дворам скитаться. И у тебя не в излишке. Ведь в тысячу раз горше моего положение. У меня хоть какой, да все-таки мужик есть. Иногда кричу на него: «Что ты политиков поддерживаешь? Гляди, в какую яму опять попали из-за них!»

Неподалеку, у лабазов, сидел согбенный старик с посохом в руках. Прислушавшись к разговору, он сказал:

— Зря, Петровна, ругаешь своего мужика. Смотри, какое дело господа содеяли! Пустили по миру тыщи народу. А в чем народ провинился?.. Ты, Петровна, видала меня раньше, знаешь, какой я был белый да полный. А теперь гляди, какой я стал стручок! Всю силушку из меня завод выпил. Не ругай политиков: они для народа стараются, за правду бьются...

Встреча с Аграфеной Петровной и стариком вселила в душу Марфы Калиничны тревогу за будущее семьи. Народ начал голодать. Та же участь надвигается и на них. Долго ли продержишься на одной картошке и капусте? Старые, отцовские, сбережения уже на исходе. А что дальше?

Вскоре она притащила откуда-то огромный узел с грязным бельем. С этого дня в кухне постоянно слышалось ширканье мокрого белья в корыте.

Марфа Калинична брала белье у двух торговцев, державших бакалейные лавки на Большой дороге.

— Ох, ребята, как они блаженствуют, не то, что мы,— говорила она, приходя от лавочников,— давеча гляжу: на столе целая гора шанег, пирожков, с шанег масло льется. Тут еще большой пирог, видно, с рыбой и витушек два листа. Барыня вышла, стала белье пересчитывать. И хоть бы одну витушечку мне сунула: отведай, мол. Нет, и не подумала. Уж так мне хотелось вам принести...

— Ты не вздумай у них попросить,—

сказал как-то Яша.— Пусть они подавятся витушками. Мы знаем, откуда у богачей этих деньги: народ обсчитывают, вот и деньги.

Мать посмотрела на сына удивленно.

— Вон как заговорил парень!— сказала с тревогой в голосе.— Молчи ты, молчи! Как без лавочников проживешь?

— А так!— с дерзким вызовом в голосе засмеялся Яша.— Без богачей-то и начнется хорошая жизнь. Сами на себя будем работать.

— Ты кому-нибудь не брякни это с простой души...

— Я решил, мама, по какой дороге Саша пошел, и я по той пойду. И ты, мама, не отговаривай.

Марфа Калинична понурилась у окна. Пришло то, что она давно предчувствовала втайне и чего всегда страшилась: на опасную дорогу вступил и младший сын.

Спустя несколько дней Марфа Калинична отправилась к Аграфене Петровне. Несла ведро картошки. Думала передать тайком от Окентича, не удалось.

— Вот это зря,— укоризненно встретил ее Окентич.— Ссориться будем, Марфа Калинична. Тащи назад.

— Да ведь у меня своя. Что ты, Василий Окентич!

— Не спорь. Не возьму. Живет без мужика и нас еще кормить хочет. Давай садись. Хочу тебя порадовать. Комитет наш разбогател маленько и особо нуждающимся дает способность. Ты в списке помечена.— Окентич расстегнул ворот рубахи, снял с шеи небольшой пузатый мешочек.— Капитал у сердца держу. Получай два с полтиной и здесь вот распишись. Грамотная?

Марфа Калинична вся так и всколыхнулась при виде серебряных рублевиков.

— Ой, да что это! Ровно с неба пали.

— Пожертвования. С миру по нитке — голому рубашка.— Окентич побрякал монетами и озабоченно проговорил:— Пятнадцати человекам взялся разнести, а, пожалуй, всем сегодня не сумею. Ноги что-то разломило, к ненастью, видно.

— Может, я? Куда надо-то?

Окентич посмотрел на Марфу Калиничну испытующе. Понимала ли она, что это немудреное, на первый взгляд, дело исходит от партийного комитета? Но даже если и не понимала, то все равно дороже дорогого было ее из сердца вы-

рвавшееся желание поработать для общего блага.

— Только слушай,— предупредил он, отсчитывая деньги,— зря не заходи, заделье какое-нибудь придумай. На случай. Вот список на пять человек. Передавай деньги в большой тайности, чтобы ни одна душа не видела. Сумеешь?

— Ну, да как не суметь...

Провожая Марфу Калиничну во двор, Окентич сказал:

— Яша, дружок мой, как поживает?

Пооди, по заводу соскучился? Нет? Да и я не особо, а на душе гребтит. От заводу — наше единственное пропитание. Говорят, начальство само хлопочет, чтобы завод открыть. Срочные, вишь, заказы пришли откуда-то, а работать некому. Их, значит, поджимают. И к тому же боятся. Слух ведь на месте не лежит, а как искра, мечет во все стороны... Наши, кто переехал на другие заводы, тоже, я думаю, не молчат. Тлеет, тлеет, и большое пламя может полыхнуть. Чуешь?

15. ВЫДЕРЖИМ И ЭТО

Яша не скучал о заводе. С некоторого времени другое поглощало все его внимание: кружок, книги, лекции. Жажда знаний, не удовлетворенная в детстве и затем придушенная непосильной работой в литейной, вдруг пробудилась в нем с необычайной, как страсть, силой.

Узнав, что в городском краеведческом музее каждый вторник бесплатно читаются лекции по истории культуры, они с Петюшкой бежали за три версты, чтобы там, в полутемном зале музея, забившись в угол, впитывать ученую речь, смысл которой не всегда доходил до сознания. Неутешительный вывод («Ты что-нибудь понял?» — «Нет». — «И я нет!»),

вначале сильно их обескураживший, потом стал смущать меньше и даже, как ни странно, веселил, задорил обоих.

В своем кружке все было значительно проще, яснее. Студент из города, серьезный скромный парень, которого все звали товарищем Матвеем, не щеголял ни ученостью, ни иностранными словами. Его не стыдно было спросить о том, чего не понял. Да и рядом сидели такие же, как Яша, заводские ребята, едва-едва одолевшие два-три класса церковноприходской школы.

На одном из занятий студент ликующим, приподнятым голосом сообщил о том, что по всей стране остановились железные дороги и тем самым приостано-

вилась вся торговля, промышленная и государственная деятельность. Он сказал также, что забастовала и местная железная дорога. Губернатор в ответ издал приказ: против скоплений народа на улицах пускать в ход оружие без всякого стеснения.

— Но ход истории никто уже не в силах остановить: ни губернатор, ни сам царь. Вся Россия встала на борьбу,— сказал студент и, умеряя жестом возбужденный говор, воскликнул:— А теперь, товарищи, споем «Варшавянку»!

Когда Яша пришел домой, Зоя, открыв дверь, ошеломила его неожиданной вестью: завод через три дня начнет работать, но принимать будут не всех, а, как объявил горный начальник, только достойных.

— Был Окентич,— шептала Зоя,— так он опасается и за себя и за тебя: могут не принять...

— Это почему?— спросил Яша и вспомнил мастера Крапивина с надернутым на голову мешком, длинную метлу, которой он заметал след от тачки.

Наутро Яша был на заводе. В цеховой конторке сидел новый мастер, бритый мужчина, средних лет, в шляпе и пестром галстуке. К его столу длинной, медленно движущейся лентой выстроилась очередь. Мастер не знал никого из литейщиков, но перед ним лежал список с какими-то пометками, и пометки эти решали участь человека.

Когда дошла до Яши очередь, мастер, заглянув в список, сказал:

— Вам, молодой человек, придется погулять.

— Отказ, значит? За что?

— Вам лучше знать. На мастера насаживали? Было? Разговор исчерпан. Кто следующий? Подходи!

Ропот, вспыхнувший было при первых словах мастера, тотчас заглох под его ледяным взглядом.

Отказ огорчил Яшу. Где, кроме литейной, мог устроиться он, малолетний, не имеющий никакой специальности?

Мать, вопреки ожиданию, ни в чем не упрекнула Яшу. Вначале только с горестью вскрикнула: «Охти мне, какое несчастье!» Потом, видя, что он сам сокрушен выше меры, стала его успокаивать:

— Ну, что поделаешь? И не такой удар снесли, выдержим и это. Будем уж

как-нибудь изворачиваться. Что больно-то убиваться?

Мать говорила и говорила, чтобы хоть как-нибудь подбодрить сына, а он молча кусал губы, чтобы не разреветсяя.

Вечером Борис немного развеселил Яшу:

— Меня тоже забраковали. Ростом, говорят, не вышел. Подрости велят. Я говорю: «Пожалуйста, очень вам признателен за добрый совет». И Окентича, понимаешь, тоже зацепили. В общем, житуха самая распрекрасная. Но ты, Яшка, не вешай нос. Не то теперь время. О забастовке слышал? Всероссийская! Ну, вот. На завод мы с тобой вернемся, будь уверен.

* * *

С вечера зарядил мелкий холодный дождик, и среди ночи с потолка вдруг закапало, сперва чуть-чуть, потом все чаще и чаще, так что пришлось подставлять ведра и тазы. Мерный стук капель не давал никому уснуть.

Утром Яша, обследовав чердак, забрался на крышу и, найдя расщелины между листами проржавленной кровли, присел около трубы, озирая открывшийся перед ним широкий горизонт. С дальнего угора по узкой лестнице спускалась группа мужчин. Один из них стал на что-то указывать руками в ту сторону, где высился Крутояр. Яша взглянул на гору и застыл ошеломленный. На Крутояре развевался флаг. Красный флаг! Флаг, то трепеща, обвинялся вокруг высокого древка, то смелым рывком развертывался во всю свою длину и, словно наслаждаясь свободным полетом, открывал пылающий багрянец ткани.

Не помня себя, Яша скатился вниз. Первым его намерением было бежать на Крутояр, но, пройдя немного по улице, он остановился в изумлении. Где-то нестройно, но совершенно отчетливо пели:

На бой кровавый,
Святой и правый,
Марш, марш вперед,
Рабочий народ!

Песня звучала громко, открыто. Не чуя под собой ног, Яша устремился на этот далекий, горячий зов. Большая дорога была запружена народом. Все о чем-то возбужденно говорили, спорили, спрашивали:

— Я, как увидел красный флаг, прямо оторопел, думал, мне блазнит...

— А я тебе русским языком говорю, получен манифест от царя, и он пишет, что дает всем свободу: свободу слова, свободу печати и еще какую-то свободу...

— Не может того быть, чтобы сам царь...

— Ну, спроси, спроси, если не веришь...

— Это его всероссийская забастовка доконала. Хитрый Митрий.

— Подожди, кричит кто-то...

Посредине дороги бежал молодой человек с непокрытой головой и, высоко вскидывая правую руку, кричал охрипшим голосом:

— Граждане, в город! Политических освобождать! В город, в город!

Возглас, восторженно подхваченный сотнями голосов, пронесся из конца в конец. В отдалении взмыло знамя, и людской поток, заполняя всю ширь улицы, залитой жидкой грязью, начал сворачивать к Зеленым горкам, ведущим в город.

Колонна пригорцев двигалась медленно. Когда показалась городская набережная, ряды выровнялись. Кто-то впереди запел сильным голосом: «Вставай, проклятьем заклеименный...» Стоявшие на тротуарах люди махали платками, шляпами и кричали:

— Привет пригорцам!

— Граждане! — прокричал кто-то. — К тюрьме пойдем. Долой самодержавие! Да здравствует свобода!

Многоголосый одобрительный гул прокатился в ответ, и знамена, колеблемые ветром, стали удаляться от губернаторского дома. Яша не шел, а плыл в бурлящем людском потоке. До желанной встречи оставалось совсем немного. Каждый шаг приближал его к брату. Еще миновать один квартал, и вон за тем поворотом покажется, наконец, сад с черными голыми липами, а за ними желтое угрюмое здание, обнесенное забором, со сторожевыми вышками по углам.

Головная часть колонны прижалась почти вплотную к тюремным воротам, и людской поток, растекаясь по всему свободному пространству, стал замедлять ход. Яша, выдвинув вперед плечо, стал яростно проталкиваться вперед. Его мяли, бранили, больно наступали на ноги, но он ничего не видел, не слышал, не чув-

ствовал. Упрямо, с отчаянной решимостью пробирався он сквозь тесно сомкнувшиеся ряды. Там и тут раздавались предостерегающие выкрики:

— Граждане! Не напирать! Соблюдайте порядок.

Стоявшие вдоль тюрьмы рабочие, сцепившись за руки, едва сдерживали людской напор. Ожидание длилось нестерпимо долго. По лицу Яши струился пот.

Наконец с лязгом открылась дверь. Кто-то вскочил на чурбак, и, по мере того как выходили из тюрьмы люди, человек, напрягая голос, объявлял фамилии освобожденных. И после каждой фамилии голос его тонул в громовых криках «ура!» Люди запрокидывали головы, чтобы хоть на краткий миг увидеть того, кто снова возвращался к жизни. Восторженно крича что-то, освобожденные взлетали высоко вверх, обратив к народу свои лица.

— Жигулев Александр, сын погибшего от рук царских палачей Ивана Жигулева!

Яша, с невыразимым трепетом ожидавший только этого возгласа, с криком «Саша! Саша!» ринулся в кипящую гущу народа.

Все дальнейшее он уже плохо помнил. Кого-то он чуть не сшиб с ног, обо что-то сам больно ударился, потом кто-то энергичным рывком вытолкнул его из жаркого водоворота. И вот Саша уже рядом с ним стоит, обхватив его рукой, с которой свисает узелок с вещами. Подле — Борис Абросимов, красный, потный, точно из бани. Тут же топчется Варя Морощкина с белым шарфиком на плечах. Вокруг стеснились знакомые и незнакомые лица. Все что-то разгоряченно говорят, обнимаются, трясут Саше руку, смеются радостно.

Неподалеку, в плотном кольце людей, виднеется Андрей Ждан в сбитой на макушку старой кепке. Лицо его с еще более выдавшимися скулами обросло черной густой щетиной. Он весело смеется чему-то, глаза его блестя.

Народ, между тем, не задерживаясь более, двинулся дальше, на окраину города, к пересыльной тюрьме, чтобы освобождать других политических заключенных. Александр махнул рукой Ждану, и шумной гурьбой они пошли вместе, не разбирая дороги. В Пригорье Борис и Ждан куда-то незаметно исчезли.

16. ВСЕ ВМЕСТЕ

— Ч то-то, девки, так у меня бурлит сердце,— говорила дочерям Марфа Калинична,— будто бежать мне куда-то надо, а куда—сама не знаю. И где Яшка? Куда он запропал?

Увидев в окно знакомую высокую фигуру среднего сына, она с радостным изумленным вскриком сорвалась с места.

— Да, девки, кто идет! Кто идет!

Александр вошел в избу, ниже, чем нужно, сгибаясь под притолокой. Скинув пальто, остановился среди кухни, осматриваясь. От его взгляда не ускользнули темно-зеленые протечи на потолке и груда чужого белья возле корыта, поставленного на табуретки.

Он перевел глаза на стоявшую рядом Зою. О, как вытянулась сестра за лето, повзрослела как! Розовая, остроглазая и чуть робеющая под его изучающим взглядом. Вся светясь изнутри тихой и не вполне уверенной радостью, мать, маленькая, сухонькая, кружилась около него, что-то приговаривала, о чем-то спрашивала и что-то оживленно рассказывала, а он стоял перед ней, большой, сильный и в то же время беспомощный в попытке выразить ей как-то свою нежность. Несмелым, почти боязливым движением она дотронулась до его плеча и счастливо рассмеялась.

— Не верю еще. Себя за палец ущипну — больно. Не во сне, значит.

Пока Александр переодевался, Зоя успела прибрать кухню, разжечь самовар. Шустрая Манюрка торопливо щепала лучину для таганка, на котором уже стоял большой чугунок с картошкой.

Только собрались сесть за стол, ввалились гости: Борис, Ждан и Окентич. Марфа Калинична смущенно переглянулась с Зоей: чем угощать? Сегодня, как на грех, она не пекла хлеба, в доме были одни ржаные сухари.

— Вот, друзья мои, самое лучшее на свете кушанье,— весело сказал Александр, водружая на стол блюдо с дымящейся разваристой картошкой.— Ну, а хлеб нам совсем не обязателен.

— А это что?— Окентич, засунув руку за пазуху своего просторного пиджака, вытащил ковригу ржаного хлеба.— Вы там на тюремных харчах, я смотрю, отвыкли от хлеба, а мы нет. Живем не скудно, берем муку попудно. Вот и глядим: скоро ли съедим... Конечно, не мешало бы к картошечке чего-нибудь...

— Но, но,— прервал Борис и, хлопнув себя по карману, жестом искусного фокусника вынул бутылку с красной головкой, а затем поставил на стол еще и три бутылки пива.

— Смекалистые ребята нынче пошли:

знают чего требует душа для веселья,— сказал Окентич, посмеиваясь.— Ну-ка, покопайся в своей кладовушке, не найдется ли там закусочка?

Борис с тем же видом человека, творящего чудеса, вытащил откуда-то две селедки.

— Вот так друзья-приятели!— неожиданно раздался с порога низкий добродушный голос Морошкиной.— Затеяли пир на весь мир, а мне ни гу-гу. Ладно, ладно...

— Варвара Семеновна, только что хотел за вами бежать. Клянусь бородой губернатора,— говорил Борис, с шуточной галантностью раскланиваясь перед библиотекаршей.

Варя принесла с собой большой букет темно-красных георгинов и астр. Подавая его Александру, сказала с нарочитой торжественностью:

— Бывшему узнику на память. От библиотеки.

С приходом Вари Морошкиной оживление возросло. Зоя, воспользовавшись суматохой, забежала за печку и, порывшись в сундуке, нарядилась в свое единственное праздничное платье — из розового поплина, с тремя рядами мелконьких оборок на шумящем широком поделе.

— Невеста!— восхищенно сказала Машенька, когда сестра с застенчивой улыбкой вышла к свету.

Варя, подбежав, порывисто обняла Зою.

— Если бы ты знала, как я сегодня счастлива! — прошептала она ей на ухо.

Скоро лица у всех покраснелись, голоса зазвучали громче. Варя, тайком сунув Яше деньги, послала его еще за пивом. Марфа Калинична угощала Ждана:

— Попробуйте молочка. Ведь давно не едали.

Ждан решительно мотал головой.

Варя, уловив момент, когда Борис опять с той же нарочитой галантностью обратился к ней, сказала со смехом:

— Видите, Марфа Калинична, он здесь кавалер как кавалер. А если бы видели, что было в городе. Идем мы с Марьей Ивановной Федюниной, вы ее, наверное, знаете,— она фельдшерницей в приемном покое служит, ох, и отчаянная баба,— вот идем с ней, ведем губернатора по дороге, она с одного бока, а я с другого.

— Как ведем?— испуганно переспросила Марфа Калинична.

— Ведем очень просто. Взяли его, голубчика, под руки, придерживаем, чтобы он не ускачил от нас, хотя он в ту минуту ни на что не был способен. Шел, как полумертвый. Мы смучились с ним. Нам на крыльях лететь хочется, а он, как черепаха, тащится. Без пальто, в сюртуке одном, без галош. Желтыми штиблетиками по грязи теп-шлеп, теп-шлеп. Меня смех разбирает, Борис же — будь он неладен — идет позади нас вдвоем с каким-то железнодорожником. Несут красное полотнище с надписью «Долой самодержавие!» Полотнище прямо над головой губернатора. И вот Борис этот — ишь, ухмыляется! — мне все ноги обступал. А обернуться мне нет никакой возможности: под руку иду с его высокопревосходительством.

— Варвара Семеновна, так я же вам знаки этим подавал, чтобы вы так нежно не прижимали к сердцу руку губернатора. Неприлично же! — откликнулся Борис.

— А мама, знаете, как перехитрила полицейских! — выпалил вдруг Яша, давно жаждавший прибавить что-то к общему веселью.

— Да что ты, что ты выдумываешь? — испуганно остановила его Марфа Калинична.

Но ей не удалось отказать.

— Не знаю, как вам и рассказать,— начала она негромко,— Василий Окентич мне в пять мест велел сходить. На бумажке адреса записал. Я бумажку и деньги завязала в узелок и пошла. С собой еще очки взяла и кофточку раскроенную. Думаю, если что, так у меня заделье будет. А уж темнеть стало. Ну, в двух домах очень хорошо обошлось. Чужих никого не было. Я отдала хозяевам деньги, они расписались на бумажке. Спасибо сколько наговорили. Пошла в третий дом к Меньшовой Анне Ивановне. Далеко идти. Захожу во двор. Собаки нет. Открываю избу. Хозяйка в кухне, на шестке что-то варит, в чугунке. Говорю: «Здравствуйте!» Только это сказала, выходят из горницы два полицейских. У меня ноги подломились. В капкан попала! Сейчас будут меня обыскивать и бумажку в кармане непременно ущупают. Господи батюшка! Больно я в ту пору напугалась, по мне ровно иней прошел. Потом что-то так мне стало горько,

злость какая-то появилась, и с мыслями собралась вдруг. Говорю хозяйке смело так, будто бы век с ней знакомы,— а я ее ни разу даже нигде не встречала,— говорю: «Анна Ивановна, я к тебе с кофточкой. Скроила и сметала, надо примерять». И разворачиваю перед нею материю. Хозяйка, баба умная и очень обходительная, сразу ко мне: «Садись, садись, Петровна. Я тебя давно поджидаю. Рукава-то как выкроились? Хватило ли материала?» Говорю: «Хватило, и вот еще остаточки на заплатки». Ну, полицейские видят: пришла какая-то старушонка, разговоры бабьи, домашние, взглянули на кофточку и утянулись опять в горницу. А я в тот же миг бумажку швырк в огонь. Кофточку хозяйке на плечи накинула, говорю громко, чтобы они там слышали: «Вот эту проймочку надо, пожалуй, ниже отвести и еще выточку на спине сделать». Она мне тоже отвечает соответственно. Шепчу ей, подавая деньги: «Это пособие от комитета». Она сжала так мою руку, на глазах слезы. Рада! А как мне уходить, полицейские опять вышли, глазами так и шарят: что я завертываю в платок. Я при их глазах кофту свертываю, говорю: «Дня через три, Анна Ивановна, сошью, не сумлевайся». И пошла. На улице за угол завернула, а там бегом, да бегом...

Марфа Калининна неопределенно улыбнулась. Потом прибавила задумчиво:

— На меня храбрость какая-то нашла. Гляжу на них, и мне нисколько не боязно. Думаю, не успею бумажку в огонь бросить, во рту изжую и проглочу. Небольшая бумажка.

С волнением и гордостью слушал Александр свою мать. Не ожидал он от нее такой быстрой, верной догадки, не ждал такой твердой решимости постоять за общее дело.

В этот день внезапной и удивительной встречи никому не хотелось думать ни о чем тяжелом, и Варя, и Борис, и Окентич, умевшие усмотреть забавное в самых тяжелых обстоятельствах, старались, как могли, чтобы смех не умолкал ни на минуту. Смех, как солнечный луч, словно рассеивал безрадостный сумрак, так долго царивший в доме Жигулевых.

В разгар веселья дверь неожиданно раскрылась, и на пороге выступила рос-

лая фигура Шукачева. Все выжидательно уставились на непрошенного гостя. Марфа Калининна засуетилась, подставляя ему стул. Шукачев, прямо ни к кому не обращаясь, спросил, нет ли у кого царского манифеста.

— Есть,— сказал Ждан, вынимая из пиджака листок.— Только я не могу вам дать с собой. Здесь, если хотите...

— Здесь, так здесь,— протяжно проговорил Шукачев и, придвинув стул поближе к окну, надел очки на свой длинный бугристый нос.

— Умственно составлено, умственно.— Шукачев свернул листок и подал Ждану.— В церкви, наверно, будут вычитывать. Царь, он все видит, все знает. Он видит, что в народе опасная смута разлилась, бесчинства пошли, и на сердце его скорбь и печаль о нас, грешных...

— Да, теперь он заговорил другим языком,— спокойно заметил Ждан, сузив глаза.

Шукачев, как бы не слыша его слов, продолжал:

— Сам от великой души своей свободу нам даровал: «Возьмите, только не употребляйте во зло».

— Ну, это, конечно, не так,— твердо и опять очень спокойно возразил Ждан.— Свободу не царь дал, а народ вырвал у него из кровавых лап.

— Что мне с тобой, антихристом, разговаривать,— Шукачев с достоинством поднялся с места.— Кабы ты был добрый человек, а то смутьян и безбожник. Всю жизнь смутьянишь. Собираешь вокруг себя молодых ребят и кружишь им пустые башки.

Шукачев неторопливо, не глядя ни на кого, натянул на голову суконный теплый картуз и, не прощаясь, вышел.

Ждан добродушно рассмеялся:

— Разозлился старый пень. Не по губе пришлись мои слова...

* * *

С приходом Александра на душе у Марфы Калининны стало легче, спокойнее. Но волнение за него не утихло. И, чем дальше, тем волнений и беспокойства было больше. Тюрьма не охладила сына, не свернула его с прежнего пути.

Александр уходил из дому, когда хотел. Иногда говорил ей, куда, но чаще отмалчивался или отшучивался. Не желая сердить его, она перестала допытываться.

вать. Но стороной, случайно кое-что узнавала о нем от Яши, от Вари Морошкиной, из разговоров Бориса и Ждана. Теперь его товарищи частенько заходили к ним. Временами горько ей бывало от мысли, что из нечаянных обрывков чужих разговоров, строит она догадки о делах своего сына.

В конце октября Марфа Калинична узнала от самых верных людей, что Александр и много других парней и даже пожилых рабочих, вроде Осокина, ходили в город с красными флагами и чуть лицом к лицу не столкнулись с черносотенцами. Рабочие повернули в проулок, а черносотенцы погнались за ними. Была, говорят, стрельба с обеих сторон. Из разговоров Александра с товарищами мать поняла, что сын стрелял тоже и даже одна пуля скользом тронула его кепку. Скользом, а если бы чуть пониже? Сам подставляет голову под пулю. И товарищи его — такие же бесшабашные, отчаянные, особенно этот Борис Абросимов. Ходят всегда вместе, ровно друг без друга жить не могут. Революеры откуда-то себе достали и с ними не расстаются. По воскресеньям уходят в лес пристреливаться и потом, вернувшись, спрятать без конца, какой револьвер лучше бьет.

Однажды услышала, как они после чтения вслух какой-то мудреной книжки запели хором, грозно выпевая каждое слово:

Мы разрушим вконец
Твой роскошный дворец
И оставим лишь пепел от трона,
И порфиру твою
Мы отыдем в бою,
И разрежем ее на знамена.

Потом Яша сказал ей:

— Это, мама, знаешь что? Похоронная песня Николаю последнему.

Она не нашлась, что ответить парню, совсем вышедшему из берегов, только в сердцах замахнулась на него. Он со смехом отскочил в сторону.

Первого ноября заревел заводской гудок. Как странно было слышать его после месячного перерыва! Все, от мала до велика, с волнением впивали басыстый повелительный голос. Гудок звал на работу, которая давала хлеб.

Снова грохотом и звоном металла, сотрясающими ударами тысячпудового парового молота наполнились дымные полутемные цехи, снова с щипающим ше-

лестом заколыхались ремни трансмиссий над станками, нестерпимым зноем задышали снова вагранки, рождая сверкающий огненный поток по канавам, и задорными свистками кукушек огласился заводской двор.

Все как будто было по-прежнему. Но рабочие уже другими глазами смотрели на окружающее и, скрываясь от недоброго взгляда, вели свои сокровенные дела, упрямо стремясь к одной цели. Совет рабочих депутатов, разогнанный перед июльской забастовкой, возродился опять. Администрация завода, учитывая новую обстановку, не решалась чинить Совету препятствия и не осмеливалась тронуть его председателя — Андрея Ждана. Заводоуправление выжидало удобного момента, чтобы расправиться с жокаками. Начальство было уверено, что этот момент не за горами. С благословения губернатора и при его прямой поддержке гуляла по городу черная сотня. Петербургский Совет рабочих депутатов посажен в тюрьму. В Москве почтовикам не разрешили организовать свой профсоюз.

Но и рабочие тоже знали и видели, что царизм начал наступление, что он хочет вырвать те жалкие свободы, которые объявил манифест. Истинный смысл событий им был ясен, и они недоумевали, почему агитаторы, приезжавшие из города, не призывали народ готовиться к вооруженному восстанию. И рабочие спрашивали Ждана: «Докуда нас будут просвещать? Уж голова не вбирает. Все «то» да «потому». Пора что-то делать».

Поведение некоторых членов губернского комитета социал-демократической партии уже давно вызывало у Ждана недоверие. На словах они присоединились к решениям третьего съезда, а на деле что-то колдуют непонятное: посылают для агитации явных меньшевиков, жмутся до предела, когда попросишь денег на вооружение, и явно стараются замолчать решения съезда. Их неопределенная уклончивая тактика оживила и местных меньшевиков. Слышнее стал их голос, и не проходило ни одного собрания без резких разноречий по ряду самых неотложных вопросов.

Ждана до глубины души возмущали заявления меньшевиков, что народ политически не созрел, не готов еще к восстанию, что надо, как и прежде, вести одну только агитацию и пропаганду.

— А где мы? Что мы?— говорил Ждан членам партийного комитета.— Плетемся за рабочим и уговариваем его, как школьника: «Не шуми, посиди тихононько, послушай еще главу из истории французской революции». Ведь так получается. Скажите, чего мы ждем? Сигнала? От кого? Губернский комитет не шьет не порет. Ну, и черт с ними. Мы сами должны начать подготовку. Сами! Третий съезд партии когда еще выдвинул лозунг вооруженного восстания? В апреле. А сейчас что? Конец октября. Пять месяцев прошло. А мы все говорим, говорим...

Ждан с сумрачным видом начинал свертывать сигарку.

— Меня что тревожит больше всего? Нет у нас связи ни с кем. Вот Куртым, Гондырь, Гремяха — большие заводы. Я уверен, там что-нибудь затевается, убежден, а что мы знаем? И что они о нас знают? Надо, чтобы по всей стране в одно примерно время розгорелся пожар. А связи у нас нет. Агитаторы губернского комитета должны были бы эту связь налаживать, они должны бросить всем клич. Но все равно... Будем готовиться.

Вскоре в Пригорье началось формирование боевых дружин. Для отвода глаз они назывались группами самообороны для охраны общественного порядка в поселке и в городе. Рабочую молодежь не надо было уговаривать: они сами рвались в дружины. Борис Абросимов отбирал самых отважных, самых стойких парней и, довольный, говорил Ждану:

— Ну и орлы у меня! В огонь и в воду!— но тут же добавлял озабоченно:— Как добыть оружие? Ума не приложу.

Тот же вопрос задавали руководители и других дружин: Александр Жигулев, Кузьма Коломийцев, Иван Бровкин, Федор Осокин и вожак эсеров Семенехин, немолодой азартный рабочий из прессывого цеха, сколачивающий свою дружину отдельно от большевиков.

Револьверы всех систем пока свободно продавались в городских магазинах, но комитет не располагал средствами. На деньги, собранные путем пожертвований среди горожан, куплено было всего одиннадцать револьверов. Несколько человек правдами и неправдами приобрели дробовые охотничьи ружья. Больше оружия не было.

Руководители боевых дружин, да и

сами дружинники неотступно искали выход.

Один маленький случай навел Совет рабочих депутатов на большое дело. Как-то Яша, держа в руках слесарный напильник, сказал брату:

— Вот бы отковать его на горне — хороший бы кинжальчик вышел.

Александр повертел напильник, прикидывая, что можно из него сделать и как. Парень прав, кинжал может получиться: оттянуть на горне этот самый напильник, потом отточить на наждачном колесе. А рукоятку можно хоть какую приклепать — костяную или деревянную.

— У тебя котелок варит,— с улыбкой сказал Александр,— но тут без горна не обойдешься.

— А я в кузницу к Суete сбегаю. Он Петьке хороший кинжальчик отковал.

Александр не одобрил намерения брата. Суета, известный в Пригорье кузнец-кустарь, даром делать не будет, да и небезопасно к нему с таким заказом обращаться.

Вечером Александр зашел к Ждану и Борису в их флигелек и в разговоре об оружии, к которому они постоянно возвращались все эти дни, сказал о выдумке Яши.

— Такая мысль давно у всех бродит,— заметил Борис.— Я недавно замечательный тесак видел у одного парня. Отковал на заводе и как-то ухитрился домой пронести. Что-то все-таки, Андрей, надо бы придумать. Если нет огнестрельного, то хотя бы холодное. Ну, куда с голыми руками сунешься?

Ждан сидел в привычной позе — опершись локтем на колено и держа в руке сигарку.

— А если так, ребята,— оживляясь, сказал он, прищутив свои умные темные глаза и словно вглядываясь вдаль,— выбрать подходящий момент, оповестить всех наших: иди сегодня на завод и куй себе что надобно... Причем обделать это дельце за одну ночь, чтобы начальство не успело и ворохнуть...

— А как вынесем? Если в проходной будет этот старый черт Михей...— сказал Александр, уже прикинувший в уме, где может быть главная задержка.

— Это не препятствие. Выберем такую смену, чтобы сторожил Лукич, а не Михей. Лукич против народа не пойдет: мужик честный. Чтобы уберечь его от

неприятностей, свяжем ему для вида руки и ноги. Одобряете такой замысел?

И впоследствии все случилось так, как они наметили. За одну ночь из завода вынесено было до пятидесяти пудов железа,— потом из него изготовили кинжалы, шашки, пики, тесаки, трости.

Яша сковал себе кинжал. В шуме и суматохе переполненной заводской кузницы он сам оттянул его на горне, сам отточил на наждачном точиле, взметающем золотистый сноп сухих искр, сам закалил его.

Засунув кинжал за голенище, он с невольным трепетом направился к проходной. А вдруг сторож начнет обыскивать, что тогда?

Сторож Лукич сидел, как слепой истукан, с завязанными глазами и руками, удвинув бороду в меховой воротник ту-

лупа. Люди, посмеиваясь, пробежали мимо него.

Дома Яша тщательно отполировал кинжал. Хотелось ему, чтобы клинок блестел, как бритва, и чтобы не было видно ни одной царапинки. Смастерив деревянные ножны и обклеив их зеленым коленкором, он пошел к Окентичу похвастаться.

— Я тоже сварганил себе,— сказал Окентич, после того как Яша вдосталь намахался перед его девушками своим самодельным кинжалом.— Ну-ка, мать, подай сюда мою штуковину.

Жена, порывшись за кухонным шкафом, вытащила толстую и длинную, в пять четвертей, пику.

— Вот я что смастерил,— говорил Окентич, лихо повертывая пику.— Мы, брат, с тобой зададим жару-пару.

17. ПИСЬМО ИЗ СЕВАСТОПОЛЯ

В конце ноября начался снегопад, и Пригорье, еще недавно столь хмурое и черное от грязи и заводской копоти, сделалось вдруг ослепительно белым и по-своему красивым. Жизнь Александра Жигулева текла в потоке простых обыкновенных дел, и ничто вокруг как будто не предвещало прихода грозных великих событий. «А может, ничего и не будет, и мы напрасно на что-то надеемся, ждем, готовимся»,— проносилось в голо-

ве Александра каждый раз, как он выходил на улицу, неизменно поражавшую его своей ужасной безмятежностью.

Впечатление это особенно усиливалось к ночи, когда Пригорье, рано гасившее огни, погружалось в полный мрак и тишину, изредка нарушаемую пьяной песней или лаем собак. Это чувство глубокой нерушимости и безмолвного тайного ожидания не покидало его и дома.

Был поздний час. За окном шумела

вьюга, кидая в стекла горсти снега, в трубе глухо и жалобно подвывало. Машинка вдруг пугливо прислушалась, округлив свои большие глаза.

— Стучит кто-то.

Мать живо подняла голову.

— Кто бы это? Может, Миша?

Все эти дни она нетерпеливо поджидала старшего сына. В последнем письме он уже определенно извещал, что в декабре будет дома: год его призыва распускают.

Немного погодя стук повторился, теперь уже совершенно отчетливо. Но стучал кто-то несмело, осторожно, словно не был уверен, туда ли он стучит. И это встревожило всех: так не мог стучать свой человек. Зоя, прикинув к уличному окну, сообщила, что ничего не видно: сильно метет.

— Ты спрашивай, так-то не открывай,— сказала она, когда Александр взялся за шапку.

На улице мело отчаянно. Александра проквозило до дрожи, пока он возился с засовом. За воротами нетерпеливо переминался человек. Это был не Миша, но с письмом от Миши из Севастополя его товарищ. Александр ожидал увидеть моряка. Перед ним стоял человек в шинели и серой солдатской шапке. Щупленький, весь запорошенный снегом и, видимо, сильно промерзший.

— Вы кто Мише будете? — спросил солдат, вытянув письмо из каких-то своих тайников. — Брат? Я так и подумал. Саша? Он мне про вас много рассказывал.

— Что же мы стоим на ветру? Проходите в избу. Чайку! Еще что-нибудь соорудим для прогрева.

Солдат отрицательно помотал головой. — Спасибо. На поезд надо успеть. Сюда крюк дал ради письма. Вы сразу не показывайте его дома. Прочтите прежде сами.

— А что такое? — быстро спросил Александр, почуяв недоброе.

— Как сказать? — замялся солдат, и его посиневшее от холода лицо как-то искрилось. — С Мишей не все ладно. За решетку он попал.

Александр показалось, что метель разом утихла после этих слов. Не стало ни ветра, ни снега. Он видел лишь глаза, сверкавшие из-под заснеженной солдатской шапки, да слышал голос, отрывистый, приглушенный. Солдат рассказы-

вал очень коротко и почти бесстрастно. Только часто делал передышки, словно ему не хватало воздуха, и устало прибавлял перед тем: «Вот так». Александр не прерывал его речь ни одним словом и не шевелился, лишь вздрагивал иногда.

О волнениях на флоте — восстании на броненосце «Потемкин» и в Кронштадте — он, хотя и кратко, знал из случайно дошедших листовок. А вот о новом, большом восстании черноморских моряков и севастопольских солдат он до сего дня ни от кого не слышал.

Сейчас перед ним стоял очевидец и участник этих самых событий, солдат севастопольской саперной роты, целиком перешедшей на сторону восставших судов. Солдат видел, как в течение двух ночей полыхал подожженный снарядом могучий крейсер «Очаков», как расстреливали миноносец «Свирепый» и как бросалась в море его команда, когда изуродованное судно потеряло способность двигаться.

— Миноносец «Свирепый» держал красный флаг до последнего. Его три корабля расстреливали, и еще с берега били из десятидюймовых. Не знаю, как Миша выкарабкался, — рассказывал солдат. — Много людей потонуло. Вот так... В это же время окружили и морские казармы. Стреляли из орудий и из пулеметов. Я там был. Саперы с первого дня пошли за одно с моряками. Мы долго не сдавались. Потом нельзя стало. Сила! До двух тысяч человек арестовали. Подряд брали, всех. Меня выпустили по болезни. Кровь пошла горлом и на одно ухо оглох. Колотили нас здорово.

Зажмурившись, солдат с силой потер заросший темной щетиной подбородок. Справившись с волнением, заговорил опять:

— Мы с вашим Мишей вместе предлагали ехать домой. В одну сторону. Мне, правда, дальше — в Сибирь. Как нам выезжать, в тот день в аккурат моряки пошли освобождать «потемкинцев». Слышали, конечно, о них? Мы остались. Решили тоже драться, своей кровью добывать новую жизнь. Миша у вас очень, знаете...

Солдат удушливо закашлялся. С крыльца донесся встревоженный голос: — Саша, ты что так долго? Ведь простудишься.

— Я сейчас, сейчас, мама... И что же будет с Мишей, как вы думаете?

— Угонят на каторгу, — сказал солдат после долгого молчания.

Прощаясь, Александр неловко сунул солдату деньги, какие нашлись в пиджаке.

— Как вас зовут, товарищ? Вы так и не сказали...

И вот Александр уже один у ворот. Солдат, отойдя шага на три, сразу затеялся в метельном вихре.

— Ой, что ты так долго? Кто был? — спрашивает мать, когда Александр, весь продрогший, воротился в избу.

— Из нашего цеха человек. Звал его в комнату — не идет.

— А я подумала: вот бы Миша. Уж пора бы ему.

Александр тяжело опускается на рундук.

Мать и сестры уходят спать. Александр подает Яше знак: останься! Присев к столу, вынимает из кармана какой-то темный пакет и медленно начинает разворачивать. Его руки дрожат и словно чего-то боятся. Он достает письмо, потом еще что-то. Ленточка! Черная флотская ленточка с золотистой надписью «Свирепый». Яша с трудом подавляет крик. Он начинает, наконец, догадываться, с чем и откуда явился ночной гость. Письмо — небольшой, исписанный карандашом листочек, помятый, оборванный с краев. Яша вытягивает шею, и, склонившись над письмом, они читают про себя строку за строкой:

«Уведомляю вас, дорогие родители, что сижу в тюрьме и жду суда. Известно вам или нет, но я скажу, что четырех моих товарищей расстреляли, не ручаюсь также и за себя. А потому, дорогие родители, мои братья и сестры, не удивляйтесь, если в какой-нибудь газете будет написано, что я осужден на казнь или каторжную работу, но история оправдает черноморских моряков, как истинных сыновей русского народа. Нас сидит здесь больше трехсот человек, и это только матросов, да столько же солдат. И мы сидим не как убийцы и воры, нет! Сидим за то, что требовали прав не только для себя, а для каждого гражданина так, как просит вся Россия, и мы добьемся освобождения своею собственной рукой. Дорогие родители, братья и сестры, когда получите письмо, то не хороните его, а отдайте другим. Пусть читают и знают, что более четырехсот матросов и солдат севастопольских погибают не из личных

интересов, но за благо всего народа. И пусть никто не думает, что мы сдались. Красный флаг до последнего развевался на наших боевых кораблях. Народ рано или поздно сметет с лица земли этих кровопийц и драконов и прах рода Романовых развеет по ветру.

* Прощайте, мои дорогие. Я так и не повидался с вами. Александр и Яша, отомстите за черноморцев! Не бойтесь царских палачей! Всех в тюрьмы все равно не пересадят и не перевешают. Посылаю на память свою флотскую ленточку. Мне больше уж не носить бескозырки. Прощайте! Ваш сын и брат Миша».

Письмо и ленточка лежат посреди стола. Согнувшись, точно придавленный грузом, Александр, опустив глаза, потирает лоб. Яша неотрывно смотрит на ленточку, не смея ее взять. Она чем-то напоминает ему о той широкой черной ленте, которую Варя Морошкина положила на гроб отца.

— Какой тяжелый этот год для нашей семьи! — говорит Александр тихо. — Удар за ударом. Отец, брат. Ты не говори маме. Ленточку спрячь. Береги!

— Но ты покажешь письмо кому-нибудь?

— Обязательно. Ведь это голос всех черноморских моряков. Народ должен знать о них правду... Видишь, Яшка, — резко выпрямившись, говорит Александр, — видишь, уж не одни рабочие встают, но и флот, и армия. Вот теперь бы и подняться разом всем!

* * *

Письмо Михаила Жигулева на другой же день было размещено на гектографе с припиской о севастопольских событиях и стало зачитываться на собраниях тайных кружков. Письмо было подобно молнии, возвещавшей о приближении всенародной грозы.

— Больше медлить нельзя, — решил пригорский партийный комитет. — Надо отправлять человека в Ижевск за оружием.

В распоряжении комитета были небольшие средства. Губернский комитет выделил еще немного денег. Долго толковали, кого направить в дальний путь. В конце концов выбор пал на Бориса Абросимова. Парень смелый, ловкий, в трудную минуту не растеряется, а, главное, у него есть приятели в Ижевске.

Александр сказал Борису в день отъезда:

— Если дорогой или на месте узнаешь, что в Москве или в Петербурге идут бои, шли тотчас условную телеграмму.

— Условную? Например?

— Например? Гм. А в самом деле, какую же? Пиши: «Хлеб подешевел». И все. Мы уж будем знать.

Посмеявшись над своей немудрой выдумкой, товарищи распрощались.

Не прошло и недели со дня отъезда Бориса, как по всему Пригорью пронеслось из уст в уста: Москва объявила всероссийскую политическую забастовку. Это был сигнал к всенародной борьбе, это было началом вооруженного восстания пролетариата. Так понял Совет рабочих депутатов это долгожданное известие, так поняли все рабочие.

Наутро девятого декабря проревел гудок в обычный час. Рабочие были на своих местах, но никто не приступал к работе. В семь с половиной потухло электричество, и тотчас прерывисто загудел тревожный гудок. Через полчаса все на заводе остановилось. Начались митинги. Партийный комитет занялся вопросом: что делать в первую голову, кого и куда направить? Дел было много. Решили захватить оружие из керосинового склада, остановить поезд. Не успели обговорить все как следует, спустилась ночь.

Назавтра Пригорье зашевелилось рано. Поток людей устремился к заводу на митинг, откуда всей массой предстояло двинуться на вокзал. Большая толпа народа, главным образом молодых парней, вытянувшись в длинную черную цепочку, направилась по узкой тропинке к керосиновому складу.

Александр, уходя из дому, прицепил к поясу кобурю с револьвером. Яша с завистью проводил его. Брат решительно отказался взять его с собой в опасный поход. «Ничего,— утешил себя Яша,— остановка поезда— тоже не шутка». И, захватив кинжал и красный флажок, отправился на завод.

На крыше одного из цехов дежурили дозорные, чтобы вовремя дать сигнал о приближении поезда. Яша решил залезть туда же. Крутая железная лестница подвела его прямо к карнизу. На крыше дул пронзительный, сшибавший с ног ветер. Пригибая голову, чтобы не сорвало шапку, Яша ползком добрался до какого-то выступа и приник к стене.

В ожидании попробовал было перекинуться словом с дозорными, которые, нахохлившись, устроились возле трубы, но ветер отнес крик в сторону.

Какое-то темное пятно выползло из дальней морозной мглы и стало расти на глазах. Пропыхнул дымок в небе.

— Идет! — Яша, отчаянно перебирая зачоченными ногами и руками по твердому колючему снегу, пополз к лестнице.— Поезд! Поезд!

Теперь уже отчетливо видна была вся черная, тяжело дышащая громада приближающегося поезда, уже начали вздрагивать рельсы под ногами. Люди стояли на путях плотной массой. Паровоз, окутанный паром, остановился неподалеку от платформы. Люди бросились к нему. В окне будки испуганно метнулось и скрылось перемазанное копотью и мазутом лицо машиниста.

— Эй, что прячешься! — закричали ему.— Слезай и отцепляй паровоз!

Кто-то схватил и стащил машиниста вниз. Вслед за ним сдернули и помощника в длинной промасленной рубахе.

— Ура! — закричал Яша и вне себя от радости замахал флажком, привязанным к кинжалу. Стоявший на паровозе солдат угрожающе ткнул в его сторону штыком. Яша, смеясь, отпрыгнул подальше.

— Давай сюда воткнем палку с флагом. Вот будет здорово! — подбежав, зашептал ему Петюшка и потянул к стыку рельсов.

Минуту спустя на путях победно колыхался маленький красный флаг. Ребята ликовали. Но рано, слишком рано они радовались.

На путях шла беспорядочная суета. Кто ломом, кто камнем бил по рельсам, кто разбирал болты, кто яростно ломал переводную стрелку. Яша и Петюшка, схватив подвернувшиеся под руку колья, безуспешно пытались своротить рельсу. Им на подмогу подоспел Александр, только что вернувшийся с керосинового склада. Яростно, со всего маху всадил он под рельсу острый железный лом. Рельса дрогнула, зазвенела, снег комьями стал вываливаться из-под нее.

— Казаки! — прокричал кто-то сзади.

Все обернулись. К станции лавиной неслись конные.

— Тикайте, ребята! — Александр швырнул лом и кинулся к забору, вытаскивая на бегу револьвер.

Началась стрельба.

Как только затихла перестрелка и люди под напором казаков рассеялись кто куда, Александр, не заходя домой, направился к Ждану в его флигелек, чтобы поговорить о случившемся. День еще не перешагнул через середину, а на его счету уже записаны два больших, различных по исходу дела: удачный захват оружия на керосиновом складе и безуспешная, можно сказать, неудачная попытка остановить движение на этом участке железной дороги.

Столько людей привалило на полустанок и не сумели даже отцепить паровоз. Никто не решился стрелять в солдат: «Свой брат, зачем их трогать?» Доводило до бешенства сознание, что они сами проворонили телеграф. Туда в первую голову надо было кинуться и оборвать связь с городом. Ответственность за ошибки нес весь комитет в целом и, значит, он, Александр Жигулев, в той же мере, как и Ждан.

Рядом с Александром шагал, направляясь тоже к Ждану, Иван Ширинкин. Никогда не унывающий весельчак и балагур, редко сердившийся на кого-либо, Ширинкин на этот раз всю дорогу ворчал и ругался.

— Так и надо нас, дураков, учить, — говорил он, сердито поводя острыми серыми глазками. — Выскочили на путь, как угорелые. Чуть не час тыркались туда-сюда, и все без толку. Ну, а те, черти, сразу смекнули, что требуется. Нет, Сашка, ты мне хоть что говори, а мы просто идиоты, желторотые птенцы, кутята слепые...

— И еще кто? — Александру больше не хотелось говорить об этом. Что толку бичевать себя? Пустое занятие.

В избушке Ждана было дымно, и стояла та неприятная холодная сырость, какая обычно устанавливается в редко отапливаемых помещениях. Печь, которую Ждан только что растопил после долгих усилий, источала из всех щелей чугунной плиты тонкие струйки дыма.

— Эх, хозяин! — укоризненно сказал Ширинкин, заглянув в печку, и, найдя где-то в углу бутылку керосина, плеснул на подернутые пеплом угли.

Вскоре дым в комнате рассеялся, стало потеплее. Забурлил на плите старый прокоптевший чайник. Ждан выложил на стол все свои скудные запасы: ковригу

ржаного хлеба и связку сухой воблы на веревочке. Он рад был приходу товарищей. Без досады, даже как будто с удовлетворением, слушал он сердитую речь Ширинкина.

— Ладно, вперед будем умнее. Мы все забываем, что против врага врагом надо быть, — сказал Ждан, когда Ширинкин до конца излил свое раздражение. — Расскажите-ка лучше, как прошло у вас на керосиновом складе?

— Как? Хорошо прошло, — заговорил снова Ширинкин, оживляясь. — Сперва перерезали провода, часовых расставили от конторы до самого ключа. В общем, приняла все предосторожности, не то, что здесь, на вокзале. В контору ввалилось нас человек сорок-пятьдесят. Смотрим, сидит за столом бухгалтер, седенький такой старичонка в очках, и с самым благодушным видом распивает чаек, ложечкой этак помешивает. Мы поздоровались, говорим: «Мы к вам в гости. Разрешите присесть?» Он глаза выпучил на нас: что за нахальство? Мы тогда сразу: «Где оружие? Показывай!» — «Какое? Вы что?» — «Давай ключи!» — Он, понимаешь, даже тон не спускает. Говорит: «Нет у меня никаких ключей». Обыскали. Ключей нет в самом деле. Пошли к заведующему. У него квартира тут же, при складе. Он еще изволил почивать. Ну, разбудили его, не совсем, правда, вежливо. И вот, Андрей Казимирович, никогда не предполагал я раньше, что мужик, здоровый молодой мужик, может так перепугаться. Слова одного отдельно не может выговорить. Зубы так и чакают. Ключи нам отдал беспрекословно. Мы тотчас к ящикам, шкафам. Все перерыли. Нашли восемь смитов. Подступили к сторожам. Те как овечки. Забрали от них пять штук. На лесопилке нашли шесть. Уходим. Бухгалтер, ох, и ехидна, спрашивает: «А кто будет отвечать за утрату казенного имущества?» А Сашка наш — он, вы знаете, какой гордый, прямой! — Ширинкин с мягкой улыбкой мотнул в сторону Александра, рассеянно слушавшего его рассказ, — подходит к его столу и говорит негромко, но веско: «Отвечать будем мы, пригорские рабочие. Запишите в ведомости: «Взято двенадцать смитов на вооружение народа»...

— Так, — задумчиво подытожил Ждан и, обращаясь к Александру, спросил, кто получил оружие. Тот подал ему небольшой список.

Оставшись один, Ждан долго сидел, опершись локтем о колено и подперев подбородок.

Потом взял карандаш и начал набрасывать на листке план той части Пригорья, куда могут ворваться казаки: вокзал, завод, Большая дорога. Вечером назначен сбор дружинников в Народном доме. На их рассмотрение он и отдаст этот план с примерным обозначением боевых точек.

Александр и Ширинкин шли в это время с группой дружинников по улице, ведущей к вокзалу. Шли неторопливо, как бы прогуливаясь, но по сторонам смотрели зорко: не покажется ли где полицейский.

— Идет! — тихо, не повернув даже головы, сказал Александр, усмотрев, наконец, вдали идущего им прямо навстречу городского. Трое дружинников нырнули в ближайший двор, а Александр и Ширинкин с безразличным видом продолжали путь. Как только городской поравнялся, Александр круто повернул к нему. Ширинкин, приняв грозный вид, крикнул:

— Стой, чертов дух! Скидывай амуницию!

Александр сжал, как в клещи, правую руку городского, которой тот поддерживал шашку, а Ширинкин заломил левую. Из двора на подмогу бежали дружинники. Отстегивая от ремня шашку, Ширинкин приговаривал певучим тенорком:

— Хватит вам разгуливать, царские опричники, баста...

Дружинники явились в Народный дом чрезвычайно довольные: добыли как-никак три «селедки». Немного погодя подошли боевики из других дружин. С веселым задором показывали они друг другу свои первые боевые трофеи.

Совещание командиров боевых дружин открылось в самой отдаленной комнате. На табуреты, плотно придвинувшись к столу, сели восемь человек. Долго с сосредоточенным видом изучали они план, начерченный Жданом.

— Это пока наметка, — негромко говорил Ждан. — Давайте будем думать, как лучше расставить силы. Поезд, я полагаю, завтра проскочит без остановки. Но людей на всякий случай туда надо направить. Первые схватки начнутся, конечно, у завода. Туда, по-моему, следует поставить не одну, а две дружины — у малой про-

ходной и к пустому дому, что через дорогу. Одобряете?

— Они могут повернуть и выше Большой дороги, — заметил Александр, рассматривая план. — На углу бы, вот здесь, устроить засаду.

— Верно. Это я не учел. — Ждан начертил на листке еще красный кружок. — Теперь дальше. На Большой дороге устроим четыре засады: две у моста и две выше, в самом конце — у малой лестницы и у пруда. Хватит, как, по-вашему?

— А баррикады строить?

— На Большой дороге надо бы, очень надо. Я уж думал. Но ведь там что ни дом, то лавочник. Баррикаду возведем, силы и время ухлопаем, а к утру они все разломают.

— Караул поставим.

— Стоит ли? Лучше поберечь силы. Выше торговых кварталов неплохо бы что-нибудь соорудить.

Глаза Александра заблестели. В его воображении сразу встала гора толстых бревен, наваленных возле дома Шукачева и словно специально предназначенных для постройки баррикады. И тотчас он стал думать о том, как лучше ее соорудить и кого подобрать себе в помощники.

— Давай вместе строить? — спросил он шепотом сидевшего рядом Коломийцева. Тот рассеянно отмахнулся от него, весь поглощенный разговором, который шел в это время между Жданом и начальником эсеровской дружины Семенихиным.

— Ты пойми, — внушительно и спокойно говорил Ждан, обращаясь к высокому лет сорока человеку, — у моста будет очень трудно. Здесь мы должны взять их под перекрестный огонь, зажать с двух сторон. И вот скажи: смогут ли твои люди сдерживать напор? Я предлагаю более тихое место — у пруда. У тебя всего семь человек, возьми трех-четыре боевиков, от Жигулева хотя бы. У него пятнадцать.

— Не нуждаюсь, — раздельно и многозначительно сказал Семенихин.

— Ну, так, голова, в общем деле себя не ведут. Это не ответ. Можно все предприятие провалить.

— У меня есть соображения...

— Вот дьявол какой, — не выдержал Коломийцев, вскакивая с места, — еще какие-то соображения у него. Скажи прямо, с большевиками не хочешь знаться. Так или не так?

— Ты меня не поддевай на удочку, — сказал Семенихин, метнув вызывающий

взгляд из-под черных неровных бровей.— Я тебе не пескарь. Или моя семерка будет у моста без всякой вашей подмоги, или я выхожу из игры.

— Игры? — повторил Коломийцев, и его смуглое худое лицо побагровело от негодования. — Мы жизнь свою кладем под смертельный удар, а для тебя это игра?

Ждан с трудом потушил ссору. Не глядя на Семенихина, сказал сухо:

— Никто не посягает на вашу самостоятельность. Не хочешь подмоги, черт с тобой. Будете стоять у моста справа. Но смотри, народ с тебя спросит, если...

Отвернувшись от Семенихина, Ждан стал каждого поочередно расспрашивать о личном составе дружин и ее вооруженности. Коломийцев ворчал негромко:

— Вот уж действительно правда: большевистский кузнец железо кует, а эсеровская да меньшевистская лягуша лапу сует.

Вдруг кто-то спросил:

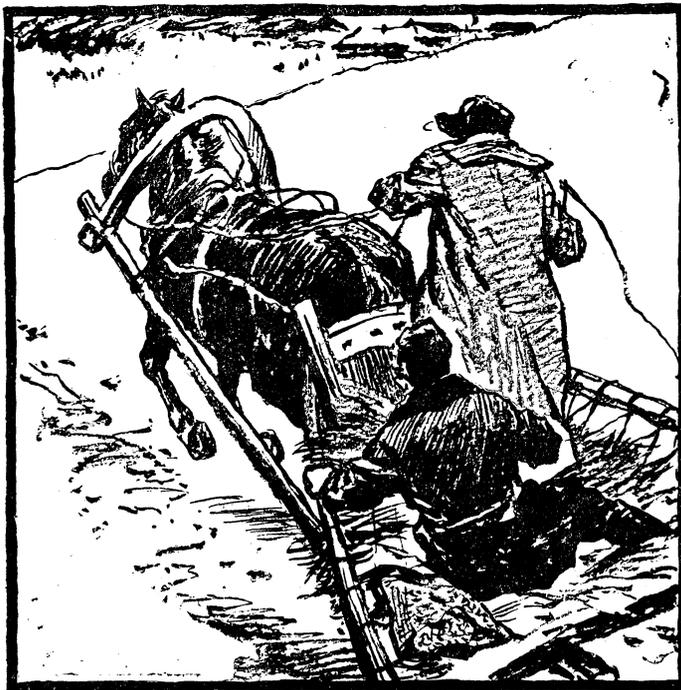
— А из столицы известия есть?

Ждан отрицательно покачал головой. Не знал он, что в этот самый момент в Народный дом бежал Яша с телеграммой в руке. В только что полученной телеграмме от Бориса Абросимова было три слова, которые вызвали в семье Жигулевых пугливое недоумение: «Москве хлеб дешевет». Первый сообразил Яша: «Мама, а ведь это может быть про другое. Прямо нельзя, так он другими словами». Мать всполошилась: «А верно, беги скорее к Саше. Тут тайность какая-то».

Яша влетел в Народный дом, когда Ждан вел беседу с дружинниками в большом зале. Протолкавшись к брату, Яша без всяких объяснений подал ему телеграмму. Александр схватил телеграмму с невероятной жадностью, едва бросив взгляд на строчки, кинулся к Ждану.

Спустя секунду тот, высоко подняв телеграмму и точно весь озарившись светом, сказал торжественным громким голосом:

— Товарищи, получено извещение: в Москве идут бои. Пролетариат сражается с правительственными войсками.

18. В САМЫЙ РАЗГАР

Борис Абросимов подъезжал к Пригорью. Мужик, нанятый в ближайшей деревне, гнал лошадь, не жалея.

Результатами поездки Борис был доволен: достал всего-навсего четыре карбина. И больше, несмотря на все хло-

поты, добыть не мог. На Ижевском оружейном заводе шло массовое увольнение из-за сокращения производства. За бортом оказались как раз те рабочие, через которых Борис рассчитывал достать оружие. На заводе к тому же был усилен

контроль — пронести тайно оружие стало почти невозможно. Агенты из других городов, съехавшиеся в эти дни в Ижевск, уезжали ни с чем. Сталкиваясь с разными людьми, Борис с особенной силой почувствовал быстрое нарастание революционных событий. Он узнал о только что прошедших забастовках в Ижевске и Воткинске, о крупных волнениях, которые начались на ряде уральских заводов и в городах, и о том, что одна за другой затихают узловые железнодорожные станции, присоединяясь к всероссийской политической забастовке. Что делается в Пригорье, он не знал, и эта неизвестность мучила его больше всего. В день отъезда Борис услышал от знакомого почтовика, что в Москве завязались бои, и поспешил отправить Александру условную телеграмму.

— Ну-ка, дядя, подстегни своего соколика, — крикнул Борис возчику.

Взвился кнут, и кошевка понеслась по хорошо укатанной дороге. Когда город остался позади, Борис оглянулся и закаменел: вдалеке, подле станционных путей, во весь опор скакал конный отряд. «К нам!» — мелькнуло в голове.

Не доезжая до полустанка, расплатился с возчиком, сбросил тулуп и, взяв подмышку мешок с карабинами, направился кратчайшим путем к Большой дороге.

Пригорье встретило Бориса полным безмолвием. Ни звука и ни души на улицах. Эта жуткая пустыньность словно вымершего селения могла означать лишь одно: все Пригорье поджидало врага и в настороженной готовности притаилось где-то.

Гулкий винтовочный выстрел вдруг резко спугнул тишину, а едва он смолк, прозвучало несколько револьверных выстрелов. Потом опять защелкали винтовки. Судя по звуку, стрельба шла в стороне станции и еще где-то влево от нее, вероятно, около завода.

— Абросимов!? Борис!?

Борис обернулся и увидел формовщика Бровкина. За его плечами висела старая берданка, на боку болталась шашка. В другое время Борис обязательно подшутил бы над его бравым воинственным видом. Сейчас ему было не до этого, и он забросал формовщика вопросами.

Наскоро удовлетворив любопытство Бориса, Бровкин, не слушая возражений, стал развязывать его мешок.

— Ой, карабинчики, миленькие вы

мои, — приговаривал он, забавно прискакивая и сиюсь вытаскивая из мешка кошму. — Боренька, друг, не ругайся. Я два, не больше. Ты знаешь, как они бьют? Сильнее грома. Винторезный ствол — сила.

Борис отнял второй карабин. Бровкин сердито сплюнул, потом довольно заулыбался.

— Шут с тобой. Я хоть бердану сброшу. Слышишь, как щелкают? Это Ждан и Осокин. Они, они это дерутся...

Борис чуть не бегом направился к Большой дороге. Выстрелы, то и дело хлопавшие в отдалении, подгоняли его. Изнемогая от усталости, завернул за угол и остановился в изумлении. Высокая, в человеческий рост, снежная плотная стена перегораживала переулок. Люди, неизвестно откуда выпавшие, с шумом и гамом окружили Бориса. Это была дружина Кузьмы Коломийцева.

Узнав, что он привез из Ижевска, Кузьма, как и Бровкин, тоже вцепился в мешок. Оружие пошло по рукам.

— Черти полосатые! — потерянно и возмущенно кричал Борис. — Куда вы все растащили? Кузьма, что ты смотришь? Меня же Сашка растерзает, если я ему ничего не принесу.

Коломийцев, сжалившись, подал команду:

— Ребята, кидай обратно! Один карабинчик мы все-таки, Борис, заберем. Давай патроны. Не жалея! Видал, какую мы баррикаду сгрохали? Толщина-то какая! Ни пуля, ни лошадь не возьмет. А Сашка Жигулев без баррикады остался. Он из бревен твоего отчима соорудил, ну, а тот, ты знаешь ведь его. Как только ребята ушли подремать, он всю их стену дочиста расшвырял и бревна себе забарабал. Вражина!

Борис нырнул в проход, оставленный с краю баррикады, и вскоре перед ним открылась широкая снежная пелена Потерянной улицы.

Дружина Александра Жигулева стояла в засаде с раннего утра. Перемерзнув, дружинники по очереди забегали в избу к Жигулевым, грели руки. Ожидание истомило всех. Нетерпение еще более возросло, когда стало очевидным, что на заводе и на вокзале начались первые схватки. Стрельба слышалась там довольно долго. Потом перекинулась влево, к дружине Бровкина. Немного погодя стихло и там.

Тесная кухонька Жигулевых была битком набита людьми, когда Борис Абросимов, как видение, предстал перед ними. Радостный возбужденный гомон, поднявшийся в первый миг встречи, сменился вскоре разочарованным возгласом: — И это все? Уж не мог больше привезти! Эх!

— Что «эх»? — рассердился Борис. — Скажите спасибо, что это достал. Поглядели бы вы, что там делается. Я четыре привез, но Кузьма и Бровкин у меня по дороге сцапали.

— Ну, и как будем делить?

— А что делить? — сумрачно отозвался Борис. — Один я забираю, это уж так точно.

Ему никто не возразил. Право Бориса на карабин было бесспорным. Второй достался Ширинкину.

— Я, Борис, еще бомбочку с собой прихватил, — говорил Ширинкин, засовывая в карманы обоймы с патронами. — Ту самую, помнишь? В каменной стене углубление есть небольшое, я ее туда удвинул.

В избу, запыхавшись от бега, влетела Зоя.

— Скажут, к нам скажут! Солдаты с ними! — И, увидев Бориса, растерянно замолчала. Ее свежее, разгоревшееся от мороза лицо вспыхнуло ярче пламени.

Роль дозорного, самовольно ею взятая, немного смущала Зою. Ладно ли она докладывает, не смешно ли у нее выходит? До сих пор дружинники хвалили ее за быстроту и определенность донесений, да она и сама сознавала, что им нужен вот такой вестник, как она.

— Иди, иди, да не суйся под пули, — проговорил Александр.

— Куда «иди»? Что ты! Ей с Марфой Калиничной убежать надо отсюда, — вострожно воскликнул Борис и, стуча прикладом, ринулся к выходу. Зоя проворно скользнула за ним следом.

Александр задержался у порога.

— Что же ты, мама, не одеваешься? Давай собирайся. Скорей, скорей...

— Уж будь, что будет, сынок. Вдруг Яша явится...

— Нельзя так рассуждать. Яшке раньше вечера не вырваться с завода. Ты о нас меньше всего тревожься. Мы сбежим в любой момент. Слышишь? — Мать нерешительно переминалась на месте. — Одевайся! Ну, мама.

— Все хочу спросить тебя, — торопли-

во заговорила она, — если все дороги забастовали, то Миша-то как доберется? Его, наверно, уж отпустили со службы.

— Доберется. Поезда с солдатами и продовольствием пропускаются без всякой задержки...

— Иди, иди, сынок.

Она перекрестила его вслед. С минуту постояла посреди опустевшей избы, рассеянно ее оглядывая. Что же делать? Все это утро она обслуживала дружину: ставила самовар за самоваром, поила чаем, нарочно затопила печку, чтобы люди могли обогреться. Сейчас ее заботы уже не были нужны... Внезапная мысль вдруг пронзила ее: батюшки! — если ранят кого, то чем перевязывать?

Она заметалась по комнате в поисках чистых тряпок. Кто-то затопал в кухне. Марфа Калинична испуганно оглянулась и обрадовалась, увидев доброе скуластое лицо Вари Морошкиной.

— Марфа Калинична, я за вами. Одевайтесь! Быстрее, быстрее! Они сюда скачут.

— А ты? Ты сама?

— Я тоже. Но у меня видите что... — Варя была с кожаной сумкой, набитой медикаментами и бинтами.

Ружейный залп, раздавшийся где-то совсем близко, потряс стены. Варя глянула в окно. По улице скакали казаки.

...Борис не успел прорваться к своей дружине. Небольшой казачий разъезд, отделившись от основного отряда, направился уже к пруду, минуя Большую дорогу. Бежать туда не было смысла. Кляня себя за промедление, Борис присоединился к дружине Жигулева.

Схватка у моста была жаркой, но короткой. Зоя, сбегав в последний раз на угол, который служил ей наблюдательным пунктом, сообщила, что казаки прорвались на мост, что их очень много и что за ними идут солдаты.

— Мы их встретим, — хладнокровно отозвался Александр. — Приготовься, товарищи!

Каменный дом, за которым укрывались боевики, был удобен тем, что стоял особняком от других домов и так вдавался в улицу, что давал возможность приткнуться за широкий его угол.

На улице появилось сначала до десятка конных. Первый залп заметно ошеломил врага: казаки не ждали здесь засады. Пока они озирались по сторонам, дружинники дали второй залп и немного погодя

третий. Шомпольные ружья, извергавшие пламя, устрашили лошадей. Они заметались, вскидывая заиндевшие морды.

— Еще, еще! — кричал Александр, придя в иступление, и посылал из браунинга пулю за пулей в ту непрерывно движущуюся, злобно гикающую и орущую массу, которая остервенело, в слепой ярости лезла на них. Порой ему казалось, что перед ним мечется один многоголовый зверь, сгубивший его отца, брата, тысячи людей. И этого хищника, лютого и беспощадного, Александр и жаждал поразить насмерть, навсегда покончить с ним.

— Спешились! — почти беззвучно проговорил Борис, обернувшись к Александру, и прочел в его взгляде то единственное решение, какое могло быть при данной обстановке: отступить и отступить немедленно... Но как? Небольшое пространство, отделявшее их от двора Жигулева, теперь оказывалось под прицелом десятка казацких винтовок. Схватив бомбу, лежавшую в коробке, Борис крикнул, быстрым взглядом охватывая весь отряд:

— Пора уходить, товарищи! — Он под-

нял бомбу и прибавил повелительно, уже тоном приказа: — Как метну, бегите! Первый Жигулев.

Прежде чем дружинники могли ему ответить, Борис выскочил из укрытия и, развернув во всю ширь плечо, кинул бомбу в самую гущу казаков. Он несся к воротам, ожидая, что вот-вот грохнет позади и раздадутся крики. Разрыва не было. У крыльца Борис перевел дыхание. Кто-то поспешно запирает ворота на железный засов.

— Не взорвалась. Ну, и черт с ней! Главное, отвлек внимание.

Дружинники скорым шагом отступали в огороды, чтобы из них выбраться на угор, к баррикаде Кузьмы Коломийцева. Вслед за ними, увязая по колена в снегу, уходила к соседям Марфа Калинична, где ее поджидала Манюрка, переправленная сюда еще накануне.

Уличные ворота уже сотрясались от громовых ударов прикладами, но не поддавались. Зоя, не утерпев, прикинула к шельке в заборе и отшатнулась: Шукачев, неизвестно откуда взявшийся, угловато кланяясь, подавал врагам топор.

19. ПОСЛЕ СХВАТКИ

Дружины Жигулева и Коломийцева, поджидая врага, стояли у баррикады до потемок. Когда ночной сумрачный туман начал окутывать далекие угоры, Ко-

ломийцев послал на разведку своего связного, пятнадцатилетнего парня с кривым тесаком на боку, и тот, давно ожидавший какого-либо поручения, мигом

помчался к Большой дороге. Немного погодя разведчик вернулся с ошеломляющим известием: казаки ускакали обратно в город.

— Не может быть! — вскричал Коломийцев, страстно жаждавший сразиться с врагом.

— Нет, верно, верно, — уверял связанной. — Я до места дошел, и нигде никого нет. Тихо как! Один дяденька встретился, он и говорит, казаки часа два как уехали, он сам видел. И еще, знаете, что он сказал? Кто стоял у моста с правой стороны, как отсюда идти, те нисколько даже не стреляли, а, как завидели лошадей, так и подрали, как зайцы. Один даже ружье бросил...

Коломийцев презрительно сплюнул в сторону. Он предвидел, что дружина Семенихина сдрейфит в последнюю минуту.

— А как ведь куражился: «У меня свои соображения!» Вот мизгирь.

— Ну, так что, товарищи, — сказал Александр, — спустимся на Большую дорогу, и если правда, то по домам...

Дружинники шли поодиночке, внимательно присматриваясь ко всему и прислушиваясь. На повороте с реки задул прямо в лицо острый ледяной ветер. Потирая уши, дружинники остановились у моста. Дальний конец Большой дороги терялся в пустынной темно-синей мгле. Несмотря на ранний час, вся улица казалась заснувшей. В наглухо зашторенных окошках лишь кое-где пробивались слабые огоньки.

Когда Александр вместе с Борисом пришел в свою избу, изрядно промороженную и разворошенную за время отсутствия хозяев, дома сидели пригорюнься мать и сестры. Яши не было. Не было дома, как узнала Зоя, успевшая обегать всех знакомых, ни Окентича, ни Ждана, ни Осокина, которые с утра ушли к заводу.

Александр, как мог, успокоил мать.

— Обождем еще, мама, — сказал он, скрывая тревогу. — Если к полуночи не прибежит, пойдем разыскивать. Беспокоиться пока нет оснований. — Нахмурившись, он задержал взгляд на разбитых окошках, утыканных изнутри подушками и половиками. — Здорово похозяйничали.

— А казаков я не виныю, — сказала Зоя, с непривычно сумрачным видом сидевшая в стороне. — Они народ подневольный: что им прикажут, то они и делают. Вот Щукачев — собака. Он по своей воле топор подавал...

— Какой топор? — спросил Александр.

— Свой, какой больше!

Когда Зоя сообщила о том, что увидела в шелку забора перед уходом из двора, Александр тотчас с решительным видом вскочил с места.

— Ну, эта подлость ему даром не пройдет. Борис, пойдешь со мной? Тогда давай одевайся. Кузьму возьмем: он, наверно, еще не спит. Зоя, ты тоже пойдешь с нами. Постарайся вызвать на улицу эту гадину, а мы уж будем наготове.

Зоя долго стучала в ворота Щукачева. На цепи неистово бесновалась собака. С крыльца донесся, наконец, грубый оклик: «Кто там?»

Зоя прокричала измененным голосом:

— Мне бы Семеновну. Отворите, Филимон Павлыч.

Едва калитка приоткрылась, Александр с силой распахнул ее и, шагнув через высокую подворотню, схватил старика за грудь.

— Стой, разбойник!

Разговор с Щукачевым был коротким. Увидев перед собой Жигулева, а за ним своего пасынка и дюжего Кузьму Коломийцева, он сразу догадался в чем дело.

Зоя заговорила первая:

— Вот здесь ребята наши. Скажите им, зачем вы топор подали казакам? Ответьте!

Щукачев удивленно забормотал:

— Топор? Какой? Ты что, девка, прекрестись. Я и на улице сегодня даже не вылазил...

— Ловко, и топор не давал и на улице не выходил... Богу молишься, а совесть последнюю потерял. Рожу-то твою я сама своими глазами видела у наших ворот, и топор видела, как подавал... Не отпирайся...

— Ребята, да что вы! Это плотник какой-то мимо проходил, им подал. Я в окно видел...

— И баррикаду не ты разломал? — спросил Александр, глядя ему в упор.

— Баррикаду? Да я, бог с тобой...

— Что ты с ним еще разговариваешь? — вскипел Коломийцев и, выхватив полено из близ стоящей поленицы, занес его над головой старика.

Щукачев заорал дурным голосом. На крыльцо выбежала жена и, упав на колени, взмолилась:

— Ребятюшки, пощадите его! Как я останусь одна без кормильца? Боренька,

уж пожалей его, ирода! Ради братьев прости.

Борис остановил Кузьму и презрительно взглянул на отчима:

— Твое счастье, мать заступилась. Но помни, Иуда, если еще раз пойдешь против своего брата — рабочего, пощады не жди.

20. ГДЕ ЖЕ ОСТАЛЬНЫЕ?

Яша ушел на завод рано утром вместе с Петюшкой. Они пошли туда не потому, что там, по всем предположениям, будет первая и жаркая схватка с казаками, а потому, что Ждан — сам Андрей Ждан! — сказал им накануне:

— Хотите быть связными? Тогда получите первое задание. Утром идите на вокзал и, как только подойдет поезд, мчитесь ко мне. Хорошо?

Такая задача им обоим пришлась по душе. Они были горды от сознания, что сам Андрей Ждан обратился к ним за помощью. Счастливые и трепещущие перед неизвестным, они отправились на вокзал, как только занялся рассвет.

— Вы что, ребятки, тут бегаєте? — спросил на вокзале один из дружинников, подойдя к Яше и Петюшке. — Здесь вам не место. Еще под пулю попадете.

Но, узнав, что они связные от Ждана, заговорил другим тоном:

— Вы бы хоть потеплее оделись. Поезд еще нескоро придет.

Когда вдаль показался поезд, все сгруппировались на платформе. Паровоз замедлил ход, с подножек вагонов прыгивали сол-

даты. Увидев их, Яша, а за ним Петюшка сломя голову помчались к заводу.

— А казаки? — спросил Ждан, на которого они наткнулись у ворот. Ребята переглянулись. Казаков они не видели.

— Сообщите Федору Павлычу, а я... Ждан, не договорив, нырнул в проходную. Немного погодя из заводского двора хлынул на улицу шумный поток людей. Само собой образовалось несколько вооруженных групп.

С вокзала донеслись первые выстрелы. Это дружинники встречали казаков, прибывших почти одновременно с местным поездом. Вскоре раздался чей-то крик:

— Казаки!

В проходной столкнулись два встречных людских потока. Яшу и Петюшку затерло в узком пролете. Кто-то сильным рывком протолкнул их дальше. Они очутились во дворе. Ждан, заметив издали связных, крикнул им что-то, как бы задерживая их на месте.

Казацкие винтовки трещали уже совсем близко. Перебивая их, раздавались то ружейные залпы, то частые одиночные выстрелы.

Но случилось то, чего никто не предвидел и не ждал. Во двор, спасаясь от преследований, заскочил кто-то из рабочих, весь в крови. За ним, воспользовавшись замешательством, изловчился прошмыгнуть полицейский с большим револьвером в руке. Метнувшись к воротам, он в мгновение ока приподнял щеколду, и широкие заводские ворота распахнулись.

С торжествующим гиканьем во двор въехал отряд конных. Дружинники Ждана и все, кто был застигнут здесь, на местах, рассыпались в разные стороны, стреляя на ходу. Яша залег за высокий заледеневший бугор, из которого торчали куски железного лома. Сбоку пристроился какой-то молодой дружинник в легком пальтишке, подпоясанном ремнем.

— Не высовывай голову! — грозно цыкнул он на Яшу и, привстав на одно колено, щелкнул курком револьвера.

Над ними уже грохотали винтовочные выстрелы. Но казаки стреляли не целясь, наугад. Им негде было развернуться.

Яша, неловко пригнувшись, глядел, дрожа от волнения, как рядом молодой черноволосый дружинник, весь напрягшись, нажимал острый неуклюжий боек курка. «Заело, черт возьми!» — сердито бормотал он, тщетно пытаясь повернуть барабан покрасневшими от холода пальцами. Юноша привстал немного, чтобы удобнее уложить револьвер, и в то же мгновение с коротким вскриком повалился назад. Яша застыл от ужаса. Дружинник лежал навзничь. Из-под спутанных черных волос, обнаживших белый чистый лоб, медленно вытекала, пропитывая снег, алая струйка.

Внезапно наступившее странное затишье вывело Яшу из оцепенения. Он выглянул из укрытия и не поверил своим глазам. Казаки уезжали со двора. Уезжали, пришпоривая лошадей, явно торопя друг друга. Вот скрылся тяжелый заиндевевший круп последней лошади, и ворота захлопнулись.

Люди начали вылезать из укрытий. Яша бросился искать Ждана. Он нашел его около кладовой литейного цеха, где на обломках досок недвижно лежал рослый парень в темно-бурых валенках. Нескольцо человек подле наскоро сооружали носилки. Ждан не сразу понял, куда и зачем зовет его Яша.

— Еще носилки! Быстрей! — крикнул он.

При виде раненого Ждан в один миг скинул на снег свое поношенное драповое пальто, пиджак и начал стягивать с себя косоворотку. Видно было, что в ту минуту, когда он, стиснув зубы, раздирал рубашку на длинные лоскуты, он не чувствовал холода. Обнаженный до пояса, с потемневшим, резко осунувшимся лицом, он быстрыми точными движениями ментально перевязал голову юноши.

— Пойдете к большой проходной, — отрывисто говорил он, помогая рабочим укладывать раненого на носилки. — В больнице обязательно проследите, чтобы сразу же оказали помощь. Будут артачиться — не церемоньтесь.

Когда носилки тронулись, раненый, не открывая глаз, сказал вятно, но с трудной, неестественной раздельностью:

— Револьвер мой приборите... Я потом уж... Отдайте кому-нибудь...

Ждан наклонился к нему.

— Мы еще повоюем, Костя! Поправисься.

Встретившись с горящим взглядом Яши, Ждан сказал, подавая ему револьвер раненого:

— Владей пока. Помни: от Кости Меньшова.

Люди один по одному начали стягиваться в ближайший цех. Никто определенно не знал, как они выйдут с завода, но каждый понимал, что сейчас не время пробиваться на улицу и что лучше пока быть здесь, в цехе, где им известен любой закоулок.

* * *

Цех имел два этажа, причем верхний отделялся от нижнего не сплошным потолком, а внутренней галереей. Крутая, довольно широкая лестница соединяла оба этажа. Люди, сдержанно переговариваясь, толпились наверху у окон и у перил. В наступившем полумраке лица были плохо различимы. В стороне отдельной кучкой стояли подростки.

— Они что сделали, черти? — сверкая глазами, говорил высокий худой парень, размахивая руками. — Скомандовали коням: «На бок», — и те легли, потому что ученые. И давай тогда в нас шпарить. Пальнут и спрячутся за лошадь. А мы как шли? Прямо, в открытую, без защиты. Степку Осокина как ударит в грудь... Отец его, ох, и дрался после того. В самый огонь лез. Едва сдерживали...

Приглядевшись к взрослым, толпив-

шимся у окон, Яша заметил Окентича и обрадованно рванулся к нему.

— Эх, чижик, и ты залетел в клетку, — с ласковой озабоченностью проговорил Окентич. — Потеряли нас дома. Старуха моя, поди, с ног сбилась: где мужик?

— А я-то с вами за какие грехи маюсь? — хмуро сказал пожилой мужчина с широкой окладистой бородой. — Я за получкой шел, чтобы крестьян рассчитать за возку дров. И мысли даже не было, что ужоу в такую кашу. Теперь как отсюда выбираться? Казаки, надо думать, гарцуют по улицам. Могут и сюда опять прискакать...

— С чего они сюда сунутся, — насмешливо переспросил чей-то голос, показавшийся Яше знакомым. Вспыхнувшая в полутьме спичка осветила длинный нос Ипата Трушкова. — Им здесь места мало для разгула. Они бы и не влезли, кабы не этот «шеститка». И как он сумел отпереть?

— Маху дали, — раздумчиво подтвердил Окентич. — Все в горячности делалось. Не предусмотрись... Кинжал-то с собой, Яша? О, да у тебя еще смит. Богатый! А я, чижик, не взял свою пику. Какой уж из меня вояка!

Темнота сгущалась все больше и больше. Морозный узор проступил на закопченных пыльных стеклах. Отсюда из окон виднелись каменное здание малой заочной и бревенчатый угольный сарай.

Яша направился на другой конец галереи. Вынужденная неподвижность его угнетала. Хотелось есть. Досадно было, револьвер в руках, а стрелять нельзя, да и пуль нет.

— Никак солдаты! — испуганно вскрикнул кто-то.

Все кинулись к чердачной лестнице. Яша на бегу налетел на что-то острое и, разбив колено, упал. А когда поднялся, на галерее уже не было никого. Снизу по лестнице, сотрясая ступени, поднимался тяжелый угрожающий топот. Яша растерянно озирался, ища, куда спрятаться. Взгляд упал на ящик, на котором лежала ленточная пила для расточки стали. Ящик был закрыт со всех сторон, с небольшой дверкой сбоку. В ночную смену подростки залезали в него поспать. Яша открыл дверку и ползком пролез в ящик. Отыскав щелку, замер в ожидании.

Солдаты поднимались кверху с противоположной от него стороны. Яша отпал от щелки и весь сжался в комок, когда

сапоги протопали мимо его убежища. Обойдя всю галерею, солдаты спустились вниз. «Уйдут», — успокоенно подумал Яша, слушая, как понемногу затихает топот ног. Внезапно что-то стремительно пронеслось к чердачной лестнице, и тотчас внизу вперебив закричало несколько полупьяных голосов:

— Эй, слазь, слазь!

Яша прильнул к щелке и скорее догадался, чем увидел, как взметнулся на чердак человек и, хлопнув западней, скрылся. Спустя минуту наверх с шумом и криком вбежали солдаты. Вспыхнул слабый огонек, и фонарь, покачиваясь, пополз вверх. Солдаты штыками начали приподнимать западню. Возня, тяжелое сопение заглушались треском разворачиваемого дерева. Внезапно сверху щелкнул выстрел, и солдаты, гремя сапогами по ступенькам, покатались вниз.

Оставшиеся солдаты задержались у перил, до Яши доносился их невнятный тревожный говор.

Минут через пять цех снова наполнился гулом, топотом множества ног, точно пригнали табун лошадей. Яша понял, прибыло подкрепление, и сейчас начнется новый приступ. И действительно, возня у люка возобновилась опять, но теперь она уже стала громче, решительнее. Вперемежку с треском разворачиваемого дерева с чердака раздавались ружейные залпы.

Яша на миг попытался представить себе, что творится там, на чердаке, в непроглядной жуткой тьме, откуда нет иного выхода, кроме как на крышу. И тут же подумал, что цех, наверно, уже оцеплен солдатами и, значит, быть на крыше в эту минуту еще страшнее, еще опаснее.

Огонь фонаря между тем подымался все выше и выше и вдруг, взметнувшись, пропал. За ним потянулся второй фонарь. Немного погодя пропал и он. Топот сапог участился, но стал глуше и наконец затих. «Залезли!» — подумал Яша, и сердце его остановилось. С чердака явственно донесся угрожающий повелительный возглас:

— Кто есть? Выходи!

И тотчас вслед за ним тишину раскололи четыре винтовочных залпа. Солдаты простреливали чердак. Не метаясь, палили они во тьму.

Не то стон, не то крик долетел до ушей Яши. Опять грохнуло несколько залпов, и даже началась какая-то чудовищная возня. Человеческие вопли заглушили тяжелый, равномерно повторяющийся стук.

Будто в пол били без остановки двухпудовой гирей. Вдруг откуда-то вырвался и затих, жалобно оборвавшись, пронзительный ребячий крик:

— Меня-то за что колешь?

Что было дальше, Яша не видел и не слышал. Когда открыл уши, крики доносились уже со двора. Крики дикие, нечеловеческие. Потом все смолкло. В цехе стало так тихо, что Яша боялся вздохнуть. Он долгое время не верил, что солдаты ушли совсем. Осторожно толкнул дверку ящика и, высунув голову, прислушался. Спустился вниз. В темноте смутно обрисовывались машины.

Так, прихрамывая, пробрался он к выходу. Толкнул плечом дверь — не открывается. Толкнул посильнее — не поддается никак. Очевидно, ее приперли чем-то снаружи. Постояв, Яша направился к другой двери, сбоку. Она тоже оказалась запертой. Оставалась третья дверь, ведущая в следующий цех.

Освоившись в темноте, Яша бесшумно скользил мимо машин. Не доходя шагов пять до черневшей впереди двери, Яша остановился. В углу, у стены, совершенно явственно проступали очертания человека. Сторож! И Яша решительно шагнул к нему.

Сторож вскочил, замахал руками, точно увидел перед собой страшный призрак.

— Откуда? Ты откуда? Кто такой?

— Пропусти!

— Уходи, откуда пришел. Видел, что здесь творилось? С меня Щукачев голову снимет, если узнает. Убирайся, сейчас же убирайся!

— Гонишь? Не рабочий ты человек после этого...

Яша повернул обратно. Стараясь не глядеть в сторону чердака, где, вместо западни, зияла черная пугающая дыра, он поднялся на дальний край верхней галереи. Ему казалось, что здесь, наверху, он будет в большей безопасности. В голове лихорадочно отстукивало: «Неужто пропал?». За окном белела крыша воронильного отделения, вплотную примыкавшая к стене цеха. Если туда выскочить? А как спрыгнуть на землю? И вдруг осенило: лестница! Та железная лестница, по которой вчера он забирался на крышу, она приткнута к самому карнизу.

Яша ощупал раму окна снизу доверху. С боков было не промазано, рама держалась на одних гвоздях. И гвозди сидели как будто неглубоко, но голыми руками

их не вытащишь. Яша пошарил по ближним верстакам в поисках инструмента и наткнулся на небольшой молоток.

— Только не шуми, только не шуми, — шептал Яша, начиная полегоньку расшатывать гвозди. Руки его дрожали, когда он вытащил первый. Последний гвоздь он выдернул одним рывком и тотчас судорожно схватился за покачнувшуюся раму. Морозный воздух опажнул разгоряченное лицо.

Бесшумно, не смея поднять голову, Яша выполз на крышу воронильного отделения, переметнулся через ее гребень и уцепился в заледеневший карниз крыши соседнего цеха, где была лестница. Миновал князек, пугливо кинул взгляд вниз. Там в глубокой тени стояли вагонетки, за забором открывалась снежная даль реки. Малая проходная оставалась сзади. Большая темнела влево, за цехами.

Вздрагивая при малейшем шорохе, Яша начал спускаться по лестнице.

Прячась в тени вагонеток, добрался до малой проходной и, приподнявшись на носки, заглянул в окошко будки. Прямо против него торчали солдатские штыки. Яша в ужасе отшатнулся, нырнув опять в тень вагонеток. Был еще один выход с завода — прямо на реку.

Опасливо оглядываясь и поминутно приостанавливаясь, Яша добрался до речных ворот. Там было темно, только небольшой огонек светился в сторожевой будке. Яша заглянул в оконце. Седой длиннородый старик сидел около плиты и пил чай. Это был Михай, самый вредный из заводских сторожей. Михай сидел в одном ватном жилете. Очевидно, в будке было жарко натоплено. Ближе к двери висел телефон, а на стене, за спиной старика, чернел большой ключ.

Яша не сразу зашел в сторожку. Шагнул было к двери и отпрянул назад: на решительный шаг не хватало сил. Передохнув, снова заглянул в окошко. Старик вытирал вспотевшее лицо синим холщевым полотенцем. Сильным рывком Яша рванул к себе примерзшую дверь.

Старик до ужаса перепугался, увидев перед собой парня с револьвером в руке. Он вскочил с чурбака, уронил полотенце и несвязно забормотал молитву.

— Дедушка, — сказал Яша, едва шевеля запекшимися губами, — отопри ворота.

— А, ты бунтовщик! — опомнившись, взвизгнул старик. — Крамольник! Я сейчас тебя к старшему обходному.

Он потянулся было к телефону, но Яша успел предупредить его. Загородив аппарат спиной, он с грозным видом поднял револьвер.

— Не выпустишь — пуля в лоб! — крикнул он отвердевшим голосом.

Старик задрожал.

— Выпустишь?

Старик затоптался на месте. Ощупью, не видя, стал шарить на стене. Руки его тряслись. Задыхаясь, он повторял:

— Сейчас, батюшко, подожди, родимый, подожди... сейчас.

Наконец он наткнулся на ключ. Яша пропустил его вперед. Перепуганный старик долго не мог всунуть ключ в замочную скважину.

— Минуточку, минуточку... — бормотал он вздрагивающим голосом. — Я сейчас, сейчас.

Отперев дверь, он с облегчением проговорил:

— Проходи, Христос с тобой. Иди с богушком.

21. ПЕРЕД УХОДОМ

Яша говорил один, а остальные, не спуская с него глаз, ждали, что он еще припомнит.

— Ты точно видел, что Ждан и Осокин заскочили на чердак? — допытывал Александр.

— Я не видел: темно же, — но все туда кинулись. Куда больше? Они все время там были, на галерее. Не могли выбежать. А Осокин за оградой остался. Куда он потом девался, не знаю.

— И били, говоришь, крепко?

Удвинувшись в тень, Александр стиснул руками колени и, закрыв глаза, несколько минут просидел неподвижно. Вот как, оказывается, завершился пятый день открытой борьбы... Весть Яши была ужасной. Захвачены две самые крепкие

дружины. Взят Ждан — вожак, душа восстановления. Взбодренный случайным успехом, враг завтра же двинет на Пригорье всю воинскую силу, жандармы начнут свирепствовать. Что делать сейчас, сию минуту?

«Как бы Ждан поступил на моем месте», — подумал Александр и, сосредоточившись, услышал, словно въявь, слова, спокойно и твердо сказанные: «Сберечь надо силы. И вновь готовиться к бою».

— Который час, Зоя? Уже второй? — Александр повернул к Борису свое исхудавшее, давно не бритое лицо, с покрасневшими от бессонных ночей глазами. — Трогаемся. Предупредить надо всех. Собирать уже поздно. Поодиночке придется. И к Варе прежде. Она сумеет многих оповестить. До рассвета бы добраться...

— Да куда, куда опять? — воскликнула Марфа Калинична и вдруг, все сразу поняв, побледнела ужасно и опустила на скамью.

Зоя подбежала к ней. Торопясь, стала спрашивать, что надо готовить в дорогу. Марфа Калинична переборолла себя. Плакать было некогда.

Яша во все глаза смотрел на брата. Он был ошеломлен и озадачен внезапным крутым поворотом. Саша и Борис уходят. Что же это такое?

— Ведь еще можно воевать, — сказал он дрогнувшим голосом.

— Если бы было можно! Отступить надо. Ну, Яшка, так нельзя, — мягко, с легким упреком проговорил Александр, заметив на глазах брата слезы. — Что ты, парень! Думаешь, мы убегаем? Ты видел, как дрались сегодня. Кто-нибудь струсил? Нет! Убежала только дружина Семенихина. Но мы на нее и не рассчитывали. А из наших никто не дрогнул. И сейчас, только кликну, выйдут все до единого. Но нас стало чуть не вполовину меньше. Идти завтра в бой, идти явно на полный провал, зачем? Сбереечь надо силы.

— Дело даже не в том, — заговорил Борис хриплым простуженным голосом, — не в том, что мало нас осталось, и не в том, что вооружены мы, как бабушкина гвардия. Связи у нас нет ни с кем, вот в чем самая главная беда. Мы как на островке, — он поднялся с места. Припадая на правую ногу, сделал два-три шага по комнате, остановился, прислушиваясь к боли. — Ничего, дорогу выдержу, а там где-нибудь отлежусь. Так ты понял, Яшка, что нам нельзя иначе? Понял? Мы отступаем, но не сдаемся. Скоро опять будет бой, последний бой!

Яша судорожно кивнул в ответ.

— Петюшку выпустят: он несовершеннолетний, — говорил Александр. — Окентича, я думаю, тоже долго держать не будут: старик. Ну, а... Ждан и Осокин... Нелепо как... Мама, прошу тебя, поддерживай Яшу. У тебя ведь нет другого пути, как только с нами. Верно, мама?

Марфа Калинична поспешно смахнула слезы и сказала сдавленным голосом:

— Держаться надо как-то друг за друга. Видно, всем нам одна дорога уготована.

— Да, одна дорога, — подтвердил Александр.

Борис, подсев к Яше, наставлял его, как держаться, если вызовут на допрос.

— Повторяй одно и то же: «Жил эти две недели в городе у тетки». Отвечай смело. А лучше дурачком прикинься. Смит и кинжал упрячь подальше.

Зоя что-то украдкой шепнула матери, и та сразу всколыхнулась.

— Боря, у тебя ведь дома, наверно, нет никакого запаса? Давай-ка, Зоенька, вон тот мешок. Картошки набери.

— Да для чего мне! Марфа Калинична! Зоя Ивановна! Побойтесь бога! — умоляюще останавливал Борис.

Александр надел пальто, шапку, вскинул на плечи мешок. Мать торопливо совала ему в карман еще какие-то узелки.

— Хватит, мама.

Он неловко обнял мать и остановился перед Яшей. Негромко сказал только ему одному:

— Не падай духом, Яшка! Слышишь? Наша все равно возьмет. — И крепко, как руку товарища, стиснул брату ладонь.

Борис, подойдя к Зое, привычной шуткой смягчил некоторую принужденность прощания.

— Ну, Зоя Ивановна, снарядили вы меня, как странника. Вы знаете, что я сделаю с картошкой? Продырявлю мешок и на поворотах буду его легонько встряхивать. По этой дорожке вы сразу и отыщите наше пристанище. — Он придвинулся к ней и, задержав в своей большой руке ее тонкие трепещущие пальцы, прошептал: — Зоя, я вас очень, очень уважаю. Не забывайте меня.

Александр стоял посреди кухни, надевал и снимал варежки. Сейчас сын был такой простой и такой понятный, что Марфа Калинична, не выдержав, опять припала к его груди.

Александр закусил губы. Он чувствовал, что в эту последнюю прощальную минуту мать обязательно вспомнит Мишу. Не хотелось ему лгать, но в то же время не мог он сказать правду, не мог обрушить на ее старую голову еще и это горе.

— Мише я напишу, — ответил он, полузакрыв глаза, — его не жди скоро. Могут и на службе задержать, и в дороге. А я, где устроюсь, сразу дам знать.

Александр решительно распахнул дверь. Сухой бодрящий мороз опалил его щеки. Поудобнее вскинув мешок, он зашагал по улице в ряд с Борисом. Многозвездное небо сияло над Пригорьем. Вдали, окутанный холодной мглой, высился Крутояр.

В. К. Блюхер

М. ГОЛУБЫХ, член КПСС с 1917 г., бывший начальник оперативной части главного штаба Южноуральского партизанского отряда, кандидат филологических наук.

РОЖДЕНИЕ ПОЛКОВОДЦА

Июль 1918 года. Гражданская война. Не клубится дым из высоких труб Белорецкого завода. На городских площадях и улицах, на полянах в лесах, прилежащих к городу, в избах и палатках, под телегами отдыхают семь тысяч бойцов — красногвардейские отряды шахтеров Челябинска и Баймака, металлургов Верх-Исетского и Алапаевского заводов, рабочих Троицка и Верхне-Уральска, бедняки-казаки и крестьяне.

Все они с зимы дрались против белогвардейских мятежников на Южном Урале. В конце мая белогвардейцы получили сильное подкрепление: на их стороне выступил мятежный чехословацкий корпус. Красногвардейским отрядам пришлось отступать. Отходя на север, многие отряды оказались в Белорецке. С ними пришло около трех тысяч беженцев: отцы и матери бойцов, их жены и дети.

Положение было очень тяжелое. Белые заняли Златоуст, Уфу, подходили к Ека-

теринбургу. Белорецк, лежащий в стороне от главных трактов и железнодорожных магистралей, оказался в окружении, в тылу контрреволюции.

В эти дни рабочие Белорецка сформировали добровольческий полк в полторы тысячи бойцов. Коммунисты и командиры отрядов собрались, чтобы решить вопрос: что делать?

С боем выходить из окружения, пробиваться на Екатеринбург — таково было общее мнение.

Выбрали главнокомандующего всеми отрядами — Н. Д. Каширина, преданного Советской власти офицера-фронтовика из казаков.

Через день партизаны перешли в наступление. Семь суток красногвардейцы вели бои в горах, медленно оттесняя врага к Верхне-Уральску. В трех верстах от города, на горе Извоз, белые создали прочную линию обороны.

Несколько дней шли кровопролитные

бои за Извоз. У красных партизан иссякли патроны. Установили патронный паек — десять патронов на сутки. И все-таки в решительном штурме высоты белые, у которых патронов было вдоволь, не выдержали. Извоз был взят. Белые покинули Верхне-Уральск, но восточнее города, на горах, установили свою артиллерию, которая держала под обстрелом город и переправы через Урал.

В это время пришла горькая весть о захвате белыми Екатеринбурга. Цель нашего похода отдалялась: части Красной Армии уходили на север. Что делать? У партизан израсходованы почти все патроны и снаряды. Главком Н. Д. Каширин ранен в бою за Извоз и вышел из строя. Белые снова накапливают под Верхне-Уральском силы, усиленно подвозят оружие и боеприпасы.

Снова собрались коммунисты отряда. Брат главкома И. Д. Каширин доложил обстановку. Все долго молчали. Наконец тишину прервал начальник штаба Верхне-Уральского отряда Енборисов.

— Положение безнадежное... Надо расходиться по домам...

— Нет и нет! — громко и решительно возразил ему чернявый плотный командир, вскочив с места. — Ни уныния, ни паники! Мы многое потеряли, но нельзя терять мужества. Уныние не свойственно нашей партии, и мы не должны ему поддаваться.

Оружия не сложим. Надо изменить способы борьбы с противником. Вот о чем надо думать.

Это был командир 1-го Уральского полка и приданной ему Челябинской батареи Василий Блюхер, рабочий, коммунист с 1916 года. На Урал он в ноябре 1917 года был послан Самарским ревкомом на помощь Челябинскому Совету. На борьбу с белоказаками уральцы посылали его под Оренбург, откуда он со своим полком и прорвался в Белорецк.

Он предложил идти на Богоявленский завод, потом пройти около Стерлитамака, пересечь железную дорогу близ Уфы и соединиться с Красной Армией в районе Кунгура. Этот путь позволит хоть немного раздобыть на заводах патронов и снарядов и выйти из окружения.

Действительно, под Белорецком партизанам противостояли крупные силы белых, а впереди, на Челябинском тракте,

Н. Д. Каширин.

В. К. Блюхер (х) среди командного состава 30-й дивизии.

повсюду стояли казаки и мятежники. А на западе открывались возможности для маневра. Там основные силы белых сосредоточивались в Уфе, а по пути к ней, на Богоявленском и Архангельском заводах, были отряды рабочих. С их помощью можно было пополнить боеприпасы.

План этот приняли. Главкомом объединенного южноуральского отряда выбрали В. К. Блюхера. Белогвардейскими войсками руководили старые, опытные генералы. Блюхер до революции был унтер-офицером. Но все знали его как стойкого коммуниста, нетерпимого к недостаткам своим собственным и окружающих. Бойцы знали храбрость Блюхера в бою, его умение разобратся в сложной боевой обстановке, принять правильное решение.

Настоящая фамилия Василия Константиновича — Медведев. Он сын крестьянина Ярославской губернии. Дед его в крепостные времена был старостой и получил от помещика за расторопность и ум кличку Блюхер — фамилию популярного когда-то прусского фельдмаршала. У некоторых членов его семьи в документах оказалось прозвище, вместо фамилии.

Блюхер стал главкомом южноуральского отряда, по существу, целой партизанской армии, действовавшей в тылу врага. Когда начали отходить из-под Верхне-Уральска, Енборисов сбежал. Примазавшийся к революционным отрядам карьерист в трудную минуту трусил.

Бойцы уходили на гору. Невзгоды, лишения и голод не сломили их боевого духа. В очень трудных условиях, с тяжелыми боями мы прошли почти тысячу верст по тылам белых. Уральцы разбили десять вражеских полков и под Кунгуром соединились с частями Красной Армии.

За этот героический поход, за мужество, за несгибаемую волю к победе Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет наградил В. К. Блюхера высшей революционной наградой — орденом Красного Знамени. Командир легендарного отряда получил орден № 1.

Впоследствии Блюхер командовал 30-й дивизией, сформированной из участников южноуральского похода, которая добивала колчаковцев в Забайкалье. Он командовал 51-ой дивизией, штурмовавшей Перекоп, в тридцатые годы командовал Особой Краснознаменной дальневосточной армией. Блюхеру было присвоено высшее военное звание — Маршала Советского Союза.

Л. ЛЕОНИДОВ

РОВЕСНИКИ

*Нынче праздник на заводе нашем
И двойное в сердце торжество:
Славный год*

*рожденья Уралмаша —
Это год
рожденья моего!*

*Стройка грохотала меж лесами
И была видна со всей земли!
Вместе с заводскими корпусами
Мы с друзьями быстро подросли,*

*На завод явились пареньками,
Велики спецовки и пимы!
И перед огромными станками,
Честно говоря,
робели мы.*

*Здесь, в цехах, рождаются заводы!
Не пройти в неделю по цехам!..
Но станки-гиганты за полгода
Подчинились дерзким паренькам!*

*Наши танки в бой пошли с Урала,
И прочнее не было брони,
Ведь она, наверное, металлу
Спутников космических сродни!*

*Зашагал Шагающий по свету,
Богатырь в десятки тысяч сил!
Молодела древняя планета
Там, где он с друзьями проходил!*

*Созданный рабочими руками,
Пусть идет он в дальние края.
Уралмаш с просторными цехами —
Ты судьба рабочая моя!*

ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА

Е. МАКАРОВ

Рис. М. Заводчикова

ФАКТЫ И ЦИФРЫ

ТАМ, ГДЕ СЕЙЧАС КОРПУСА УРАЛМАША, двести с лишним лет назад в глухой тайге одно время стояла железодельная фабричка. У озера Шувакиш курились сырдутные горны и поухивали молоты. Но перводобытчика железной руды вместе с женой и детьми «взавжив взял», т. е. закрепостил, какой-то барин, и дело захирело. Лес и болото снова стали тут безраздельными хозяевами.

В начале нашего века в этих местах проходили нелегальные маевки и сходки рабочих. В лесу раздавались горячие слова «товарища Андрея» — Я. М. Свердлова и других большевиков, которые звали наших дедов и отцов к борьбе за светлое будущее.

В июле 1919 года здесь кипел бой за освобождение Екатеринбурга от колчаковцев. А 15 июля 1928 года, в годовщину освобождения Урала, был заложен и ровно через пять лет пущен Уралмашзавод имени Серго Орджоникидзе — один из первенцев-гигантов социалистической индустриализации.

В ЛЕДЯНЫХ ШАХТАХ-КЕССОНАХ были установлены стальные мачты электролинии, которая пересекла Верх-Исетское водохранилище и дала энергию строительству, а затем цехам Уралмаша. Чтобы прочно установить мачты на дне водоёма, молодые строители Уралмашзавода смело решили лютой зимой делать кессоны вымораживанием. В толстом льду прорубали по льду, она замерзала, лед в ней снова вырубали, и так до тех пор, пока ледяной колодец не опускался до дна. В такой шахте и бетонировались опоры для мачт.

КИНОТЕАТР «ТЕМП» в районе Уралмаша увековечил в своем имени память о бурных годах строительства, когда слова «Даешь темпы!» были боевым лозунгом строителей социализма. Один из первых на Урале звуковых кинотеатров, «Темп» воздвигался в ударные сроки вместе с цехами завода и жилыми домами среди лесной чащи. В прошлом году он стал первым на Урале широкоэкранным кинотеатром.

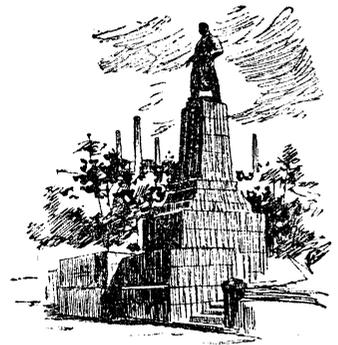
1 478 575 КУБОМЕТРОВ земляных работ, в основном вручную, было выполнено на строительстве завода. Это очень много. Но любой из 1700 сделанных на заводе электроэкскаваторов «Уралец» переворачивает столько же земли за год.

НА ТРЕТИЙ ДЕСЯТОК пошел счет шагающим экскаваторам-гигантам, которые выпустил Уралмаш за последние годы. Первый из них — ЭШ 14/65 — прокладывал Волго-Дон. Четырнадцать кубометров (примерно сорок тонн) грунта переносит в ковше стрела такого исполина, радиусом шестьдесят пять метров. Машина шагает легко, не вязнет даже в песке, она опирается на громадные плиты-башмаки, длиной в шестнадцать и шириной до трех метров.

Самый младший брат первого шагающего — ЭШ 25/100 — получает сейчас путевку в жизнь. Это самая совершенная и мощная в мире машина такого типа. Она будет перебрасывать ежегодно восемь миллионов кубометров, или двадцать с лишним миллионов тонн породы, угля, руды.

МАГИСТРАЛЬ ОТ МОСКВЫ ДО ПЕКИНА — и, пожалуй, не одну — можно построить из рельсов, что дает за год каждый рельсобалочный прокатный стан, выпущенный Уралмашем. Кроме них, завод создал десятки блюмингов для прокатки слитков, листовых, трубспрокатных и других станков.

Один листовой стан прокатывает в год до шести тысяч километров листа, шириной в два с половиной метра. Примерно столько же чугуна и проката, сколько вся металлургия Англии и Франции вместе взятые, производят домны, оборудованные Уралмашзаводом, и созданные им прокатные станы. Каждые восемь из десяти тонн нефти в нашей стране добывают из скважин, пробуренных установками с маркой «УЗТМ».

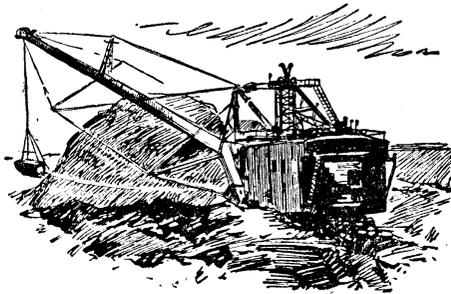
ЛЮДИ И СУДЬБЫ

ПЕРВЫЙ УРАЛМАШЕВЕЦ А. П. БАННИКОВ — человек недолгой, но яркой и кипучей жизни. Сын рабочего, он с трудом попал в Пермскую гимназию, но оттуда был выдворен «за столкновение со священником». Получив все-таки среднее специальное образование, он во время мировой войны был произведен в прапорщики. После Октября стал красным командиром и вскоре вступил в Коммунистическую партию. Был военкомом, председателем Пермского и Нижне-Тагильского окрисполкомов. Тридцати лет Александр Петрович возглавил Уралмашстрой. От первых срубленных в лесу деревьев до гиганта тяжелой индустрии прошел с ним весь этот славный путь. Весной 1932 года Банников умер от тяжелой болезни и был похоронен на площади перед заводом.

ГОРСТКОЙ В ДЕСЯТОК ЧЕЛОВЕК была первая партийная ячейка Уралмашстрой. Первая комсомольская ячейка образовалась вскоре после закладки завода и насчитывала неполных два десятка юных большевиков. За первыми героями в бой за будущее пошли тысячи. Сейчас на Уралмаше действует многотысячная армия комсомольцев.

В БАРАКЕ № 36 КОМСОРГОМ «ПРОИЗВОДСТВЕННО-БЫТОВОГО КОЛЛЕКТИВА» был один из старейших уралмашевцев — Ф. А. Анিকেев. Тридцать шесть парней и девушек жили дружным товариществом в одном доме и трудились на одном участке в цехе металлоконструкций. Некоторые поженились и нынче отпраздновали уже свои «серебряные» свадьбы.

Федя Анিকেев был комсоргом бригады, собиравшей первую продукцию Уралмаша — пневматические пушки для забивки летки доменных печей. Недавно шеф-монтер Ф. А. Анিকেев участвовал в монтаже уралмашевского оборудования на крупнейшей новостройке социализма в Китае — Аньшанском металлургическом комбинате.

ПАРОХОДНЫЙ КОЧЕГАР, СЛЕСАРЬ, МАСТЕР — таковы первые трудовые шаги ветерана Уралмаша — Сергея Ивановича Самойлова, ставшего главным инженером завода, видным специалистом по машиностроению. Сейчас он профессор, заведующий кафедрой Уральского политехнического института имени Кирова. Многих известных в стране ученых, крупных хозяйственных и партийных руководителей вырастил Уралмаш.

БЫВШИЙ КУЗНЕЦ УПРАВЛЯЕТ одним из крупнейших в мире кузнечных цехов, Павел Григорьевич Левандовский вместе с товарищами создал «механического кузнеца». Этот первый в советской, да, пожалуй, и в мировой технике манипулятор для молотов свободнойковки ворочает раскаленные заготовки в двести пудов. Механизм освободил от тяжелого физического труда целую бригаду кузнецов и подручных.

В МУЗЕЕ РЕВОЛЮЦИИ СССР хранится Красное знамя, врученное комитетом ВЛКСМ Уралмаша лучшей «фронтальной бригаде» в годы Великой Отечественной войны. Восемнадцать месяцев подряд это знамя держала у себя бригада расточников Владимира Остаточникова. Подростком пришел он на производство, завоевал трудовую славу, затем воевал на фронте. Бригаде тем временем Красное знамя было вручено на вечное хранение. Расточник Остаточников и сейчас в числе передовиков завода.

ЭТО БЫЛО ПОД РОВНО в разгар Великой Отечественной войны. В логове врага действовал советский разведчик Николай Иванович Кузнецов. До войны будущий Герой Советского Союза работал в тихом конструкторском зале Уралмашзавода. Учась в вечернем институте, он упорно изучал немецкий язык и овладел им настолько, что написал и защищал свою дипломную работу на немецком языке.

«УРАЛЬСКУЮ РЯБИНУШКУ», известную песню, навеяли поэту Михаилу Пилипенко годы работы на Уралмаше. Здесь он работал в цехе, был избран комсоргом завода, потом стал редактором областной комсомольской газеты и одним из любимых лирических поэтов. Коллектив завода дал стране много талантливых журналистов, артистов, спортсменов.

СТРЕЛЯЮЩИЙ УГОЛЬ

Б. ЦЫВЬЯН

Рис. М. Заводчикова

Слугай на шахте

Трудно поверить! Каменный уголь, этот добрый черномазый труженик, отопливающий котельные и паровозы, способный дать химикам отличные краски и пластмассы, а фармацевтам — десятки лекарств, превращается иногда в коварного врага. У шахтеров и так достаточно старинных недругов: «опасный спутник» — метан и каменноугольная пыль, прорывы воды и обвалы горных пород. А теперь еще и уголь — враг! Почему?

Вот что получается, например, в шахтах Южного Урала, где добывают бурый уголь. Этот сорт легко соединяется с кислородом. Температура угля при этом поднимается до 120 градусов, и он загорается. В результате на шахтах возникают подземные пожары. Пожар под землей очень опасен. Он может удушить людей, разрушить всю шахту. Но шахтеры нашли выход: они улучшают проветривание забоев, стараются как можно меньше оставлять деревянных креплений в завалах. В результате подземные пожары почти прекратились.

Но вот в Кизеловском бассейне уголь стал вести себя еще хуже. Он вдруг начал... стрелять и взрываться. Еще лет десять назад шахтеры обратили внимание на «хлопки».

Представьте себе, что в лаве, где добывают уголь, тихо. Минутный перерыв. Черной стеной безмолвно стоит пласт угля, и вдруг от пласта с хлопком отскакивает комок угля величиной с кулак. Как тут не удивиться. К тому же часто при работе с отбойным молотком, при введе-

нии пики его в массив угля раздавался непонятный треск, забойщик чувствовал толчок, а уголь с шумом разваливался.

Со временем невинные на первый взгляд проказы угля превратились в серьезные разрушительные взрывы. Так в один из солнечных июньских дней 1949 года жители поселка шахты имени Урицкого почувствовали сильный толчок и глухой взрыв. На расстоянии 2,5 кило-

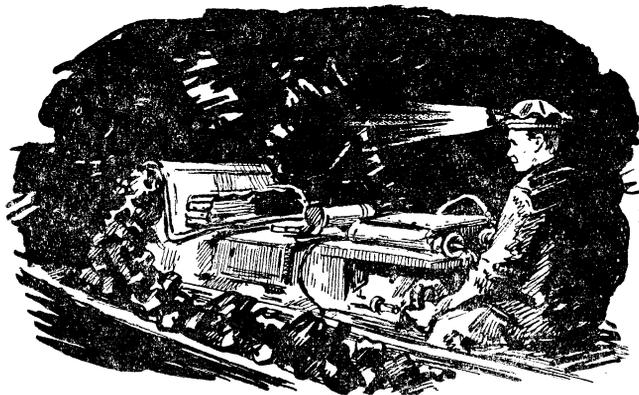
метра от шахты в домах заколебались абажуры и лампы, а поблизости развалилось несколько дымовых труб. Что случилось? Оказалось, что в шахте на глубине 480 метров произошел взрыв. Он был настолько сильным, что основная горная выработка — штрек — на 210 метров была разрушена и завалена раздробленным углем. Толстые крепежные стойки переломались, как спички.

В чем же дело?

Какие причины вызвали подземный взрыв? И как предупредить такие взрывы в будущем?

Эти вопросы взволновали и производственников и ученых. В Кизел приехал молодой инженер Игнат Петухов. Под руководством профессора Всесоюзного научно-исследовательского маркшейдерского института Степана Гавриловича Авершина он стал терпеливо изучать горные удары.

А выяснить ему предстояло многое.

Во-первых, нужно было познакомиться с «виновником» — стреляющим углем. Кизеловский уголь издавна считался одним из самых крепких в стране. Нередко бывало, что зубки режущей цепи врубовой машины мгновенно выходили из строя. Особенно крепки пласты, где в черном бархате угля поблескивают крупинки пирита.

Во-вторых, необходимо было исследовать соседние пласты породы. Оказалось, что уголь залегаёт среди крепчайших мелкозернистых кварцевых песчаников. Инженер П. А. Власов изучил полученные с шахты образцы и установил, что укрепленный в прессе столбик песчаника выдерживает колоссальное давление: 1500—2400 килограммов на квадратный сантиметр. Порой стальные подкладки у прессов не выдерживали, и столбик песчаника вдавливался в металл. Металл отступал перед камнем!

Ясно, что в шахте уголь зажат в крепких объятиях, в тисках из слоев крепчайшего песчаника. А так как горные удары в большинстве случаев выявлялись на глубине 300 и больше метров, то и невольно напрашивался вывод: вызываются они увеличенным горным давлением.

Опасный опыт

А что, если сделать опыт? Да-да, произвести горный удар в лаборатории! На первый взгляд это кажется необычным: трудно же создать условия, подобные тем, что встречаются в шахте на глубине 500 метров! Но решили попробовать.

В лабораторию доставили образец

«стреляющего угля». Там отделили от него плитку толщиной 2,5 сантиметра с площадью 300 квадратных сантиметров. Верхнюю и нижнюю плоскости ее покрыли тонким слоем смазки, смеси высокопрочного цемента с жидким стеклом. Смазке дали время хорошо затвердеть — она стала прочнее угля. Затем получен-

ный «пласт» поместили между подушками мощного пресса. Вокруг пресса собрались научные работники, инженеры.

— Ваша угольная плитка будет раздавлена, как любой материал, подвергающийся испытанию на сжатие, — высказывали опасение некоторые сотрудники.

Но их пророчество не оправдалось. 100... 200... 300... килограммов на квадратный сантиметр! Даже бетон не выдерживает такой нагрузки! Уголь же остался целехонек.

Стрелка, показывающая нагрузку, ползла вверх и вверх. Тишина. Но вот в усилителе, соединенном с микрофоном, послышался треск, щелчки. Люди покинули лабораторию. Через несколько секунд раздался оглушительный взрыв, искусственный горный удар сотряс стены комнаты. Лента угля разлетелась в мелкие куски. Часть стекол в окнах выбило. Опыт удался — уголь заставили «выстрелить» в лаборатории.

Но каков же источник энергии колоссальных горных ударов? Вспомним об обыкновенной металлической пружине. Вы взяли ее в руки и сжали. Отпустите ее, и она вновь распрямится. Ясно, что пружина, стремясь выпрямиться, совершает работу. Как ни странно на первый взгляд, но кизеловский уголь тоже обладает качествами пружины. Под тяжестью горных пород, покрывающих пласт, он сжимается. Если убрать сверху и со всех сторон давление, то сжатый уголь примет свою прежнюю форму.

Но представим себе, что давление не уменьшается, а наоборот, увеличивается. Стальная пружина ломается и разлетается в разные стороны. И уголь — тоже. Энергия, вызванная многотонным давлением крепчайших песчаников в перенапряженном угле мгновенно превращается в энергию взрыва. Вот как объясняется горный удар.

Укрощенный взрыв

В просторном кабинете главного инженера треста «Сталин-уголь» Будкова собрались инженеры и техники.

Уральский следопыт, разведчик подземных взрывов Игнат Макарович Петухов, сосредоточенный и немного строгий, развесил по стенам чертежи, диаграммы, графики и, сообщив о причинах горных ударов, перешел к способам борьбы с ними.

— За последние годы на шахтах Кизела горные удары почти полностью прекратились. Думаете, горное давление на глубине уменьшилось? Нет. Теперь мы научились управлять этим давлением. Мы охраняем уголь от больших нагрузок. Хорошее средство борьбы с горными ударами — выемка «защитного» пласта. Если под пластом, грозящим горным ударом, имеется другой, «нестреляющий», пласт, то вначале вынимают его. Тогда уголь верхнего, «стреляющего», пласта будет разгружен от сильных нагрузок и при разработке больше «стрелять» не будет.

Исследования Игната Макаровича Петухова позволили работать шахтерам в

безопасности и победить внезапные взрывы угля. За ценное исследование инженеру присвоена ученая степень кандидата технических наук.

Скоро горная наука окончательно решит проблемы давления под землей. Может быть даже, что человек заставит горное давление работать на себя. В земных глубинах оно будет дробить уголь и спокойно выжимать его на конвейер, точно повинуюсь воле и разуму человека.

Укрощенные горные удары будут добывать уголь.

КОГДА ПОДХОДЯТ С ДУШОЙ...

В грозный военный год четырнадцатилетний Володя Скобелин пришел в школу юнг.

— На море решил? — пряча улыбку, строго спросил пожилой моряк, начальник школы.

— Реши-ил!..

— Ну что же, попробуй!

Володя закончил школу и несколько лет бороздил на боевом крейсере неласковые воды северных морей. Трудная служба, горячие и опасные дела увлекали тогда парня, и он никак уж не думал, что когда-нибудь сменит их на другие, более спокойные.

Но такое время пришло. Скобелина демобилизовали. «Вот и пристал к тихой гавани! — усмехнулся он, выгружаясь на далеком от всех морей свердловском вокзале. — Куда же теперь определюсь?»

«Определился»... в медицинский институт. Не сразу. Сначала поработал в клубе ДОСААФ по знакомой, отлично изученной во флоте специальности радиста, а потом уж — и в институт. На первых занятиях, бывало, тоже посмеивался: «И верно — тихая гавань!» После штормовых качек и заливистых боцманских свистков странными показались покой больничных коридоров, тихое поскрипывание перьев в студенческих аудиториях...

Нет, тишина оказалась обманчивой! Круговорот новых дел захватил недавнего моряка. Он, по натуре человек беспокойный, с пытливым умом, все прибавлял и прибавлял себе этих дел. Взялся руководить институтским радиокружком.

Через некоторое время будущие врачи уже связывались по радио с Сан-Франциско, Нью-Йорком, Сант-Яго и другими городами мира. Но больше всего увлекала работа над портативной установкой для гальванизации.

На одном из занятий студентов познакомили с медицинской аппаратурой. Скобелин заинтересовался прибором для гальванизации. С помощью его через тело человека пропускается электрический (гальванический) ток. Вызвав таким путем в организме сложные процессы, можно восстановить нарушенную нервную систему, утолить боль, излечить, скажем, грудную жабу.

Важный прибор! Но почему такой неудобный — громоздкий, тяжелый, да, наверное, и дорогой? Нельзя ли улучшить его, чтобы можно было брать на квартиру больного, установить в любой амбулатории, даже на медпункте? Над этим задумался первокурсник Скобелин.

Целый год он бился над прибором. Решил применить полупроводники. Поставил полупроводники обычные, стандартные — ДГЦ-27, их не нужно специально заказывать, можно просто купить. Полупроводники сразу изменили принцип регулировки тока, позволили заменить регулирующий напряжение проволочный потенциометр — самую громоздкую и ненадежную часть прибора — маленькой радиолампой 6П П. В результате этих и других усовершенствований прибор уменьшился и облегчился в четыре раза.

Но как испытать установку? Владимир пока не врач: он еще и не знает, как пользоваться прибором, который сам сконструировал!.. На помощь пришла профессор Зиновия Васильевна Горбунова. Под ее руководством велись испытания. Сначала установка проверялась на самом Скобелине. Тревожная была минута!

К руке Владимира с двух сторон приложены тампоны, сверху на них — свинцовые пластинки, от которых к миниатюрному ящику тянутся гибкие провода. Ток включен! Острое неприятное покалывание в руке... Ничего: наука требует жертв! Стоящие рядом друзья в белых халатах наблюдают за прибором и за «больным».

Все в порядке! Теперь свинцовые пластинки накладываются на руку профессора Горбуновой. Результаты тоже удовлетворительные. Зиновия Васильевна несколько дней испытывает прибор у себя в клинике на больных — самых различных больных! Лечение идет успешно, не менее успешно, чем с помощью большого прибора.

Недавно студент Скобелин демонстрировал свое изобретение на ученом совете института. Одобрили. На Свердловском медицинском инструментальном заводе, выпускающем портативные установки для гальванизации, ухватились за новую конструкцию. Молодой инженер Герман Зубов взялся изготовить промышленный образец прибора.

А Владимира мучает другая задача: как усовершенствовать другую важную установку? Студент — пока еще юнга в новом для него деле, науке, но он дерзает. Так поступают будущие капитаны.

АРК. ТАЛАН

Рис. М. Бурзалова

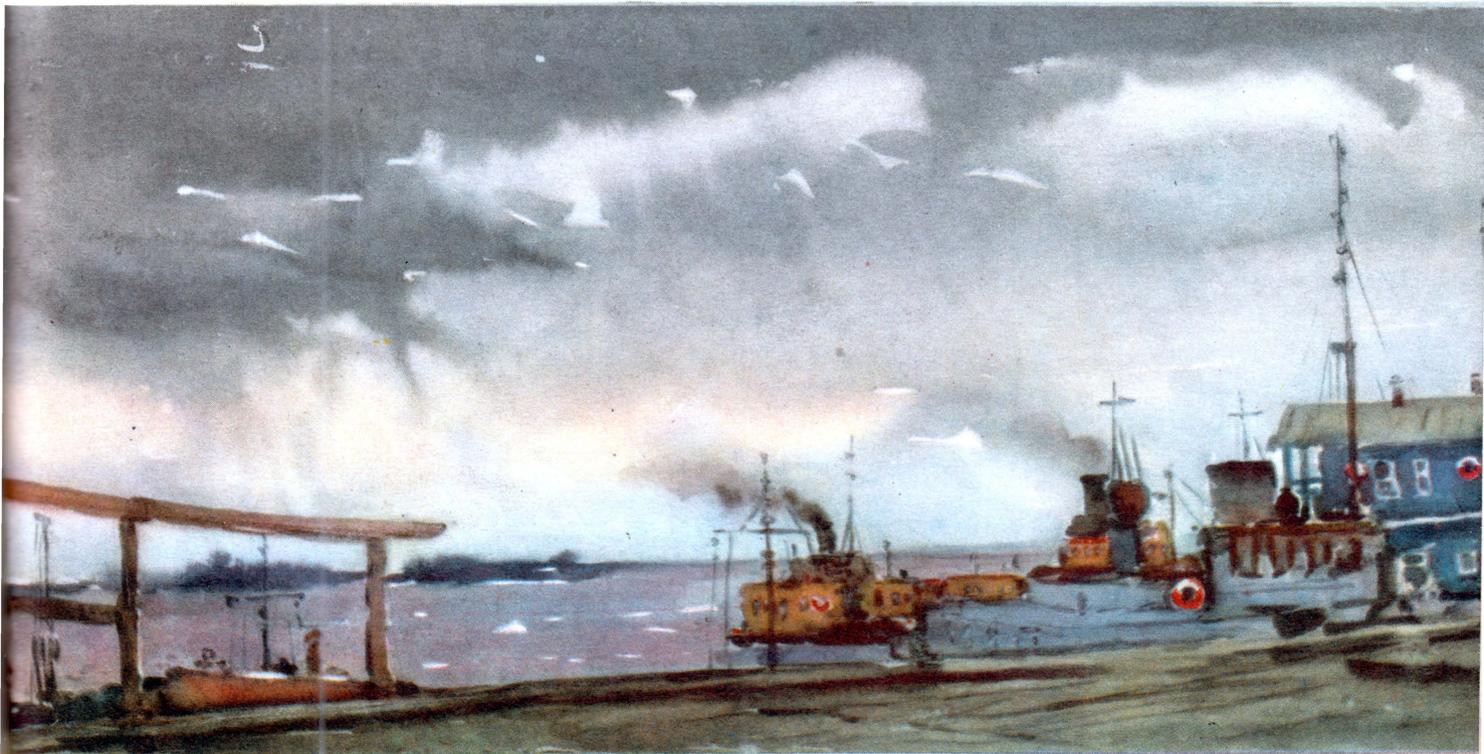

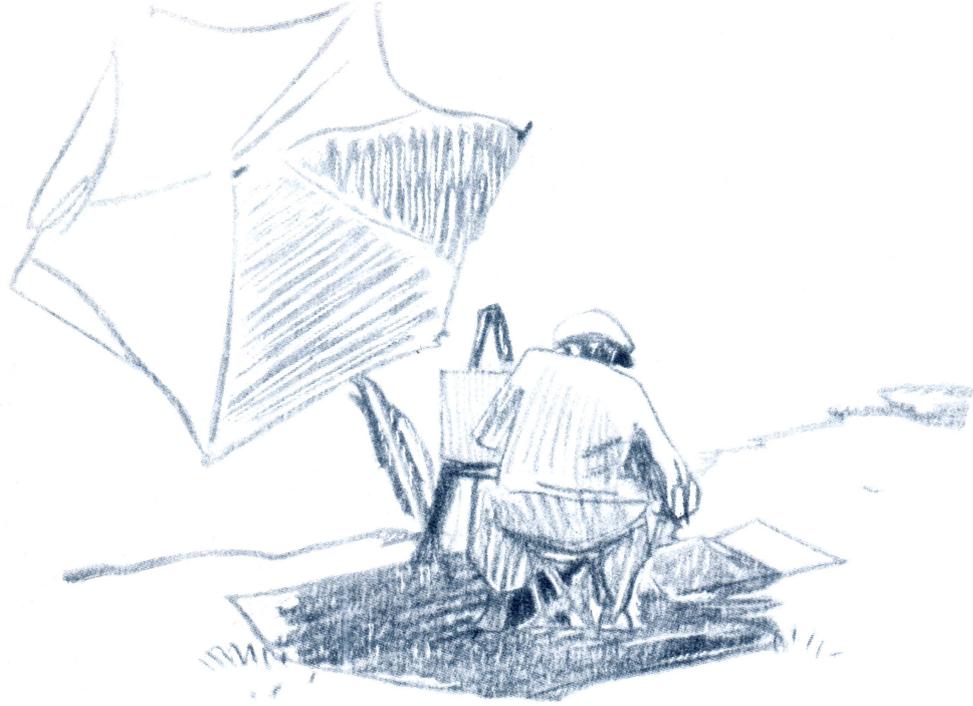
Е. Аблин. Сталевары

В ВЕРХОВЬЯХ КАМЫ

Из альбома художника В. Воловича

ЯНКИ НА КАМЕ

Людмила ТАТЬЯНИЧЕВА

Это было на Камушке-Каме.
Сквозь прищур созерцая Урал,
Рослый янки в туристской панаме
С удовольствием в Каму плевал.
Он швырял ей в лицо папиросы
Резким взмахом холеной руки.
Возмущенно шептались матросы —
Сыновья этой доброй реки:
— Чем река перед ним виновата?
— Это к нам его лютая злость!
Но сказал бригадир им:
— Ребята,
Не забудьте, что янки — наш гость!
Мы — советского судна команда —
Поступаем, как долг нам велит...
А к туристу меж тем без доклада
Подошел пожилой инвалид.
Стукнув об пол ногой деревянной,

Пробасил он:
— Здорово живешь,
Ты пошто это, гость иностранный,
Нашей матушке в очи плюешь?
В старину был хороший обычай:
Человек, осквернивший волну,
Хищных рыб становился добычей,
Не успев прилепиться ко дну.
Слышишь,
В борт ударяет с разгону
Ослепленная гневом волна?
Но не бойся, тебя не затрону,
Я не Стенька,
А ты не княжна!
Только знай, что своими плевками
Ты себя выдаешь с головой...
Это было на Камушке-Каме,
На уральской реке голубой.

ИСЧЕЗНУВШИЕ ЗВЕРИ

В южной части Шадринского района есть озеро Большое Кабанье с одноименным селом на его берегу. В каком-нибудь километре от Большого Кабаньего — Малое Кабанье с деревней Кабано-Заозерной. Есть такое же Кабанье озеро в Багарякском районе Челябинской области, недалеко от границы с Свердловской областью, и село Кабанье — на берегу. Но жители этих районов только слыхали, что водятся где-то кабаны, а чтобы видеть их у себя, этого ни разу не случалось. Даже если сказать, что не так-то уж давно эти звери водились в наших местах, мало кто тому поверит.

Да, водились. И не одни кабаны, а и многие другие животные, только нет их теперь. Куда же они делись? Их истребили наши предки, потому что промышляли зверей хищнически, ничуть не думая, чтобы сохранить для потомства.

О таких исчезнувших зверях свидетельствуют многие географические названия.

Юго-восточнее Свердловска есть деревня Бобровка и село того же имени. Чуть ниже Шадринска, на берегах реки Исети, есть урочище

Бобровые Кусты. Было время, когда тут водились бобры. Известно, что в 1644 году на реку Исеть, вблизи впадения в нее реки Течи, пришел монах Далмат, чтобы основать здесь монастырь. Он застал тут выходцев из слобод Ирбитской и Невьянской, которые ловили здесь выдр и бобров. Теперь в тех местах нет ни выдр, ни бобров, а названия остались до сих пор и служат для историков хорошей справкой из жизни далекого прошлого.

Когда-то фигура соболя была в гербе Шадринского уезда. А теперь соболя в Шадринских краях и искать нечего: его здесь нет.

Есть у нас не только в лесных местах, но даже и в степных ряд «медвежьих» названий, как например в Ольховском и Петуховском районах Курганской области. В первом районе — деревня Медвежье, а во втором — большое озеро Медвежье. На его островах и доньях густые заросли дикой вишни. Несомненно, Михайло Иванович Топтыгин любил лакомиться этой сладкой ягодкой.

Если бы этот зверюга не был врагом нашего скотоводства, то живи он себе на здоровье. Только

сосед это плохой, так что особенно жалеть об его исчезновении не приходится.

А все же очень интересно восстановить по разным географическим названиям животный мир нашего края в недалеком прошлом. Тут целая задача нашим следопытам слова.

Вл. Бирюков

Вид на гору Косотур.

Памятник П. П. Аносову.

Город в горах

С. БУНЬКОВ

Рис. И. Медведева

Когда поезд подходит со стороны Челябинска к Златоусту, трудно оторваться от окна вагона. Будто дремлющие великаны, высятся древние горы. Зелеными волнами катятся с горы на гору хвойные леса. Мелькнут трепещущие по ветру осины, белоствольные березы, и опять — зеленые волны хвойного моря, синева неба, горы.

Таганай — самая высокая в окрестностях гора. С ее вершины можно обозреть Златоуст, Миасс, Кыштым, многие поселки. Побашкирски Таганай — подставка луны. По преданию, луна кружилась над горой и опускалась на

ее вершину. Эту красивую легенду рассказывают каждому, кто приезжает в Златоуст.

Город в горах — так можно сказать о Златоусте. Летом горы манят к себе гулким эхом, дымкой, за которой, кажется, скрывается что-то необыкновенное, щедрой прохладой на лесистых вершинах. Зимой, в солнечный день, горы сверкают серебряным блеском и влекут лыжников прокладывать первые тропы.

У одной из гор — Косотур — два века назад был заложен механический железодельный завод. Первые жители селились поблизости от него. Дома старого

Златоуста лепятся от подножия гор до самых вершин. Оттуда они смотрятся в зеркальную гладь пруда. Оттуда видят они горную реку — красоту Ай.

И опять, если захочешь узнать, почему такое странное название, услышишь легенду. Ай — по-башкирски луна. Ее, луну, ловили сетями в реке древние рыбаки и никак не могли поймать...

Может быть, эти легенды и виноваты, может, они и настраивают на взволнованный лад. Когда идешь по улицам Златоуста, мелькает мысль: здесь история начинается с камня. Да-да! По каменным тропам уходили в 1774 году рабочие люди Косотурского завода в отряды Емельяна Пугачева. По ним, наверное, хаживал более ста лет назад великий русский металлург Павел Петрович Аносов — творец булатной стали, неутомимый искатель в науке, воспитатель мастеров высококачественной стали. Благодарные потомки, советские люди, воздвигли П. П. Аносову памятник на центральной площади.

На булыжную мостовую лилась в 1903 году кровь рабочих завода, когда они выступили против эксплуататоров. Многие пали тогда под пулями царских опричников, многие, звеня кандалами, ушли в Сибирь, на каторгу. «Уральским кровавым воскресеньем» назвали

позднее большевики 13 марта — день расправы над рабочими Златоуста.

А если вы пройдете в сквер, напротив здания бывшего горного начальника, то среди тополей увидите мраморный обелиск — памятник тем, кто боролся за Советскую власть и погиб от рук белогвардейцев. Среди имен погибших вам встретится имя семнадцатилетнего подпольщика Виктора Геппа, имена его молодых товарищей. Здесь же похоронен известный уральский большевик Иван Михайлович Малышев.

Непреходяща и трудовая слава Златоуста. Эту славу создавали выученики Аносова, отлившие первые пушки из русской стали. Ее приумножили мастера златоустовской гравюры на стали — И. Бушуев, И. Бояршинов и другие умельцы. Златоустовскую гравюру хорошо знают за рубежами нашей Родины по международным выставкам в Лондоне, Париже, Вене, Стокгольме. И на Всемирную выставку этого года граверы Златоуста отправили в Брюссель немало изделий.

Все знают, как страшна для металла ржавчина. Недаром в каждом доме ценят предметы из нержавеющей стали, а при операциях применяют хирургические ножи, пинцеты и другие инструменты только из этого металла. Не-

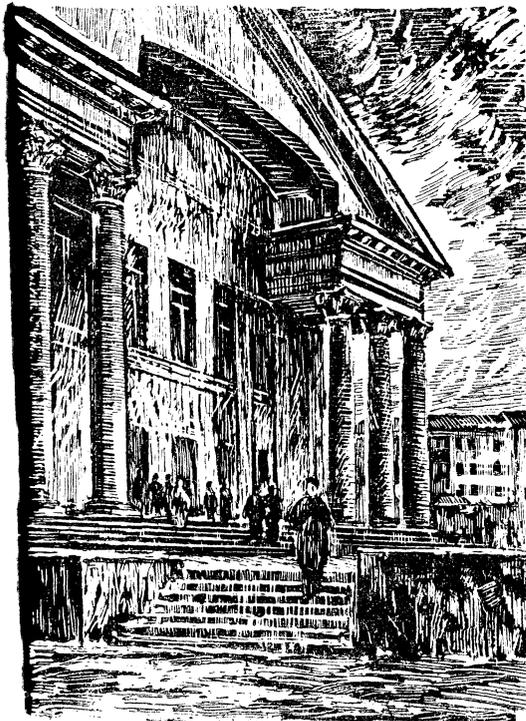

Город стал неузнаваем...

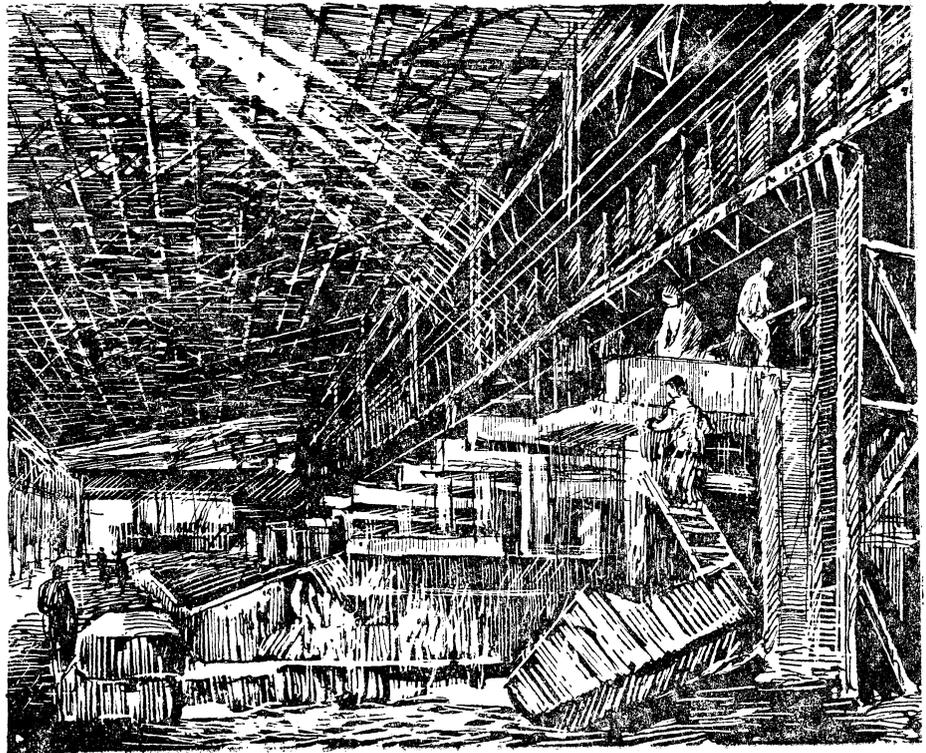
ржавеющую сталь в Златоусте начали варить уже в 1921 году. Сейчас металлурги Златоуста плавят сотни различных марок благородной стали.

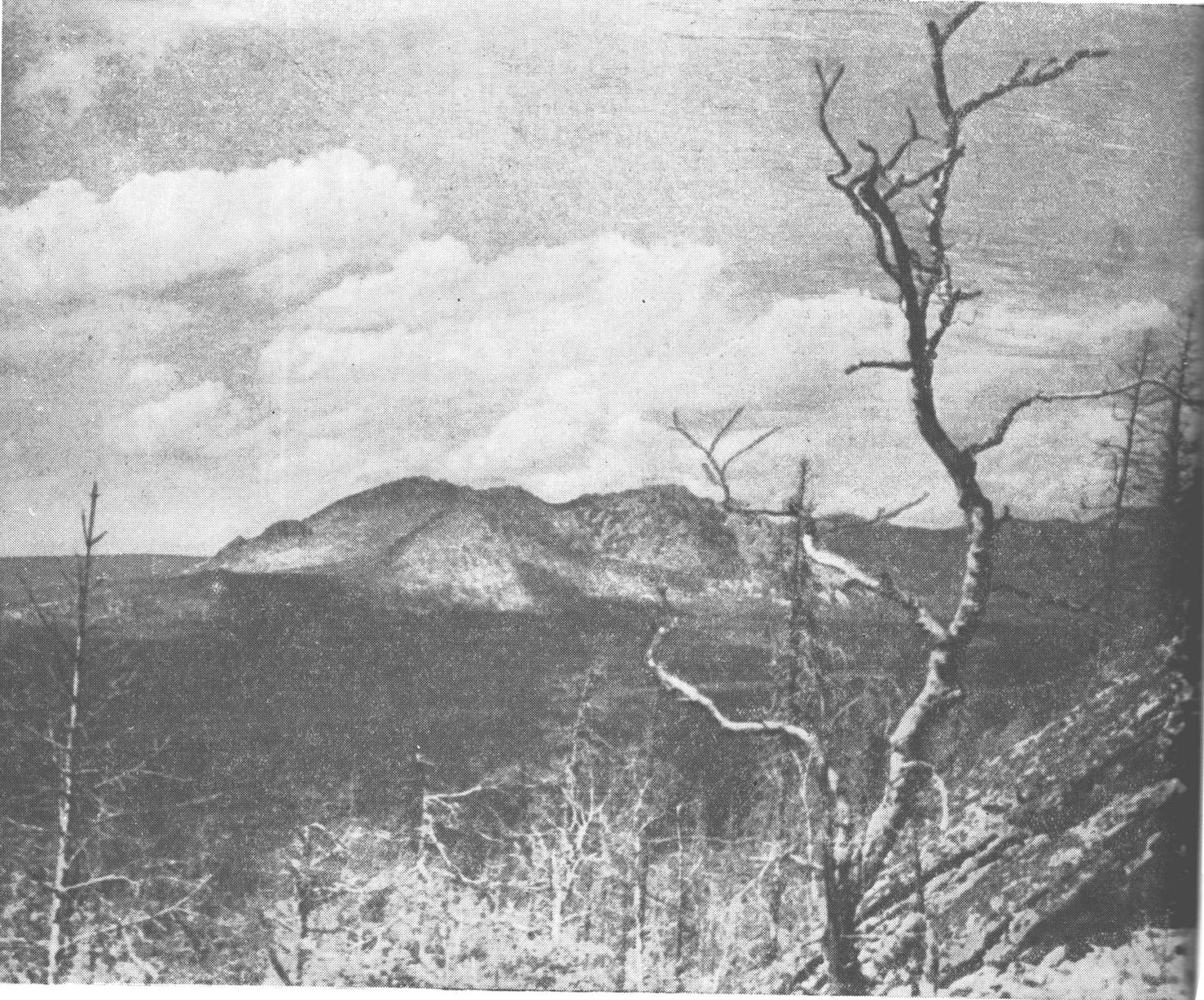
А сам город? Он, конечно, изменился неузнаваемо. На месте прежних пустырей вырос Ново-Златоустовский район, Город за-

Кинотеатр «Урал».

Строится новый цех...

Гора Таганай.

страивается красивыми многоэтажными зданиями. Появились десятки новых школ. Сотни учащихся обучаются в техническом, медицинском, педагогическом училищах, в техникумах советской торговли и сельскохозяйственного машиностроения имени П. П. Аносова.

Библиотеки, кинотеатры, клубы — это и есть новый Златоуст. По улицам, где раньше дребезжали пролетки извозчиков, теперь бегут трамвайные вагоны и автобусы.

Быстро, почти на глазах преобразается все. Неизменной, пожалуй, остается природа — прекрасная, щедрая уральская природа.

Уголок старого Златоуста.

СЛАВНЫЕ ИМЕНА

Продолжаем рассказы о знаменитых уральцах. Следующий барельеф на здании Свердловского городского Совета — Леонид Исаакович Вайнер.

ОН БЫЛ ТАКИМ

Из здания Пермского горнозаводского училища вышел юноша...

— Все. Возврата назад нет. Исключен.

Но ни сожаления, ни раскаяния не было. Жаль только, что все так быстро кончилось... Маркса успел мало прочитать: кружок раскрыли.

Как же дальше? Вернуться домой, в Екатеринбург? У матери и без него много ргов.

— Пойду к рабочим, буду учиться у них и учить их, звать на борьбу!

Вскоре на Теплогорском руднике появился новый шахтер. Тяжело давалась парню горячая профессия: раньше он никогда не занимался физическим трудом. Но он старался, и шахтеры приняли его в свою среду.

И вдруг — неудача: он сорвался и упал в шахту, сломал позвоночник. Длительное лечение — и прощай горное дело, прощайте друзья-рабочие.

Но осталась партийная работа. 1905 год. Пермь. Леонид Вайнер уже не прежний учащийся, делавший первый шаг к марксизму. Это «товарищ Валерий» — один из руководителей подпольной большевистской организации.

Первая русская революция потерпела поражение. Но деятельная натура революционера не могла смириться с этим. Однажды к владельцу маленькой типографии в Вятке (ныне г. Киров) вошел среднего роста плотный человек.

— Возьмите меня в ученики наборщика. Мне 28 лет... Окончил реальное училище... Учился год в горнозаводском...

«Из образованных, уже немолодой... А идет в ученики?» — подозрительно думал хозяин, рассматривая документы.

Но «образованный» человек пообещал работать за ничтожную плату. Скучного заработка ему едва хватало на оплату угла в сы-

рой комнате, есть удавалось не каждый день. В наборной, почти без света и воздуха, он глотал свинцовую пыль по 10—12 часов в сутки. Кончилось тем, что он заболел туберкулезом и уехал.

В 1908 году Вайнер в Екатеринбурге. Он установил связь с местными большевиками, уцелевшими после поражения революции. Пусть он и нажил в Вятке туберкулез, зато у него теперь профессия наборщика. Она ведет его в рабочую среду, к печатникам...

При участии Вайнера снова начинает работать Екатеринбургская партийная организация. В 1909 году даже созывается Уральская областная партийная конференция. И снова неудача. Все ее участники, выданные провокатором, были арестованы.

В тюрьме обостряется болезнь Вайнера. Не раз казалось, вот-вот он задохнется от кашля. От него произошло кровоизлияние в глаз.

Вайнера выпустили из тюрьмы. — Чего его судить, и так уж с одним глазом остался. Скоро богу душу отдаст. — цинично объясняли свою «доброту» тюремные чиновники.

Жандармы его не трогали, и это настораживало. Вскоре обнаружилось, что за Вайнером наблюдают шпики.

«Хотят меня использовать как приманку? Думают, на живца поймается рыбка покрупнее?» — посмеивался Вайнер. Незадачливых шпииков он знал в лицо, с некоторыми даже здоровался. Несколькими годами в Екатеринбурге Вайнер вел пропагандистские кружки, выступал на заводах перед рабочими, и ни разу шпики не могли его выследить, а он умудрился их даже сфотографировать и показать снимки товарищам, дескать, остерегайтесь!

Грянула Октябрьская революция. Теперь Вайнер мог вволю, открыто, со всем пламенем души

отдаться любимому делу — пропаганде идей марксизма. Он стал работать в Екатеринбургском партийном комитете.

28 мая 1918 года пришло тревожное известие: бывшие военнопленные чехословаки, спровоцированные Антантой, подняли мятеж против Советской власти, захватили Челябинск и двинулись на Екатеринбург.

Молодые, неопытные, плохо вооруженные части Красной Армии не смогли сдержать натиска мятежников. «Коммунары, в ружье!» — бросил клич Уральский обком Коммунистической партии. По постановлению обкома была создана партийная дружина для отпора врагу.

Леонид Исаакович Вайнер исполнял тогда обязанности секретаря обкома и одним из первых записался добровольцем на фронт.

21 июля 1918 года партийная дружина сдерживала белых у станции Кузино. Но противник оказался во много раз сильнее. Дружине пришлось отойти. Ее отход прикрывала небольшая группа бойцов. Среди них был и рядовой первой роты дружины Вайнер. Утомленные бессонной ночью, уставшие от походов дружинники неожиданно наткнулись на белый бронепоезд и были захвачены в плен.

— Где Вайнер? — сразу набросились беляки, зная, что в партийной дружине находится один из руководителей уральских большевиков.

Вайнер, понимая, что белобандиты будут пытаться всех, разыскивая его, громко сказал:

— Я — Вайнер!

Он не умел прятаться за чужие спины.

Раздался залп. Вайнер упал. Но, боясь даже мертвого большевика, белые изрубили его труп.

3. ЯНТОВСКИЙ

В гостях у Нептуна Посейдонского

Научно-фантастический
рассказ

В. ГЕЛЖИНСКИЙ

Рис. Ю. Лихачева

С письма каплями стекала соленая вода... От кого оно? — удивлялись сотрудники редакции. Судили-рядили, пока, наконец, письмо не дошло до адресата, то есть к вашему покорному слуге. Вот его текст:

«Я узнал от одного моего подданного, что редакция Вашего уважаемого журнала устраивает смотр молодых дарований. Хотя я и не первой молодости, но и не так уж стар, зато в области изобретательства имею некоторый опыт.

Так, например, в свое время мне удалось из морской пены создать Афродиту, которая до появления Софии Лорен считалась наиболее красивой женщиной мира. Поэтому осмеливаюсь пригласить Вас к себе для ознакомления с некоторыми рационализаторскими предложениями. Клянусь своим трезубцем: будущность не так в межпланетных путешествиях, как в океане! Будущность человечества в океане!

Остаюсь дружески к Вам расположенный Нептун, король Посейдонский.

16 мая 196... г., Атлантика, близ Азорских островов.

P. S. Прошу прощения, что приглашаю Вас к себе, но от постоянного пребывания в воде у меня выросли плавники и было бы стыдно показаться с ними в городе...»

Спустя несколько часов редакционная атомная подводная лодка уносила меня по направлению к Азорским островам...

Дворец Нептуна лежит на вершине горной цепи, разделяющей бассейн Атлантического океана. Скромное, но со вкусом построенное здание. У входа — памятники выдающимся деятелям Атлантиды, окаймленные рядом канделябров из горного хрусталя, сплошь украшенные средней величины жемчужинами.

Я сразу почувствовал себя здесь как дома.

Направился в коралловый кабинет короля. Меня уже ожидала «скромная» закуска.

— Какой замечательный соус... Это нечто вроде «кабуль», неправда ли? — Я попытался блеснуть своими скромными познаниями кулинара кустаря-одиночки.

— Нет. Это, пожалуй, «вобуль», то есть соус из водорослей.

— Вот как? Оригинально! А паштет, наверно, из зайца?

— Ну, что вы, зайцы, как известно, в морях не водятся. Паштет тоже приготовлен из водорослей!

Я буквально остолбенел...

— В таком случае и зразы, которыми вы меня угощали, тоже из водорослей?

— Совершенно верно...

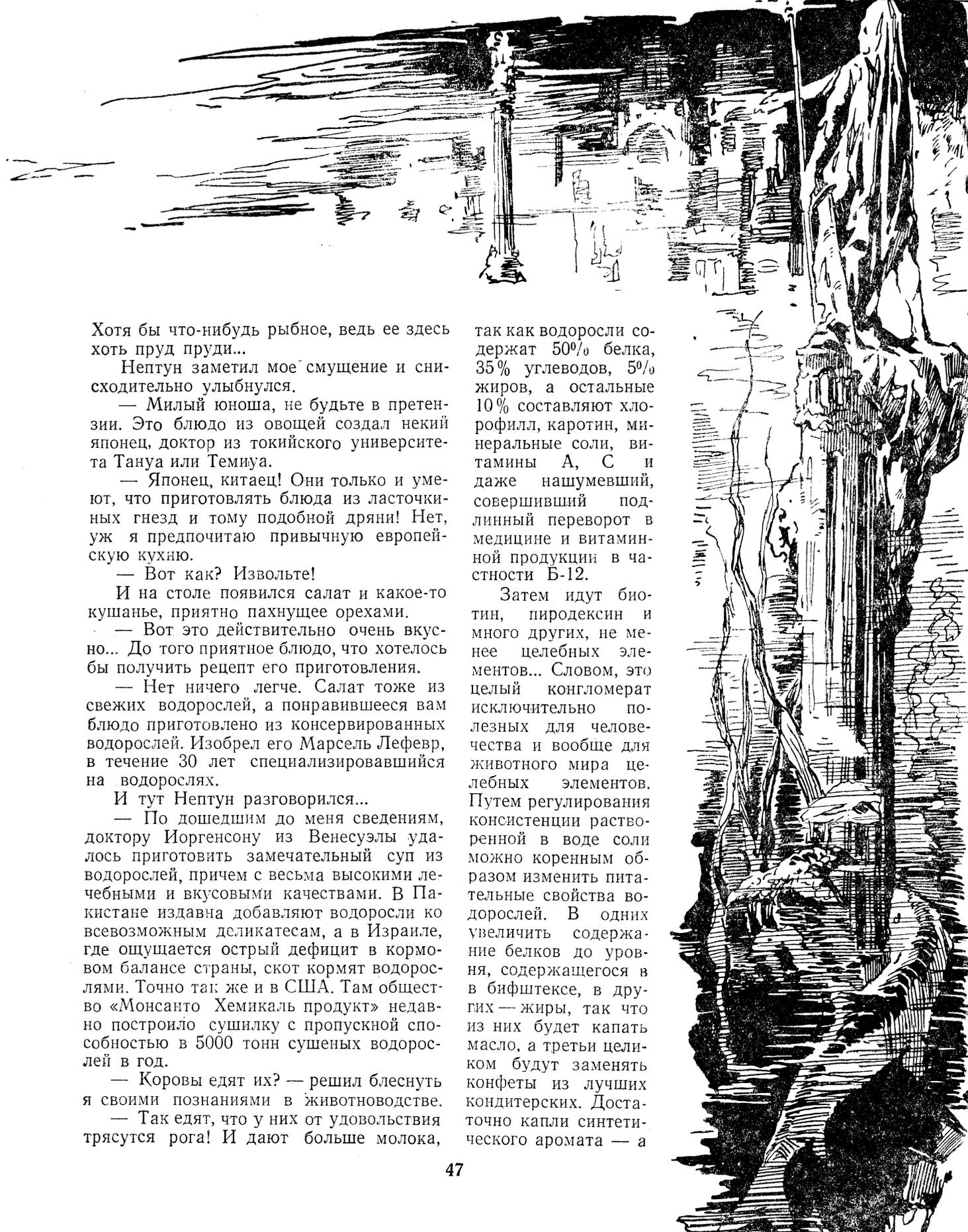
— И мороженое?

— Разумеется.

— А пирожное, крем и все остальное?

— Все абсолютно из тех же водорослей...

Я почувствовал, что теряю аппетит.

Хотя бы что-нибудь рыбное, ведь ее здесь хоть пруд пруди...

Нептун заметил мое смущение и снисходительно улыбнулся.

— Милый юноша, не будьте в претензии. Это блюдо из овощей создал некий японец, доктор из токийского университета Тануа или Темиуа.

— Японец, китаец! Они только и умеют, что готовить блюда из ласточкиных гнезд и тому подобной дряни! Нет, уж я предпочитаю привычную европейскую кухню.

— Вот как? Извольте!

И на столе появился салат и какое-то кушанье, приятно пахнущее орехами.

— Вот это действительно очень вкусно... До того приятно блюдо, что хотелось бы получить рецепт его приготовления.

— Нет ничего легче. Салат тоже из свежих водорослей, а понравившееся вам блюдо приготовлено из консервированных водорослей. Изобрел его Марсель Лефевр, в течение 30 лет специализировавшийся на водорослях.

И тут Нептун разговорился...

— По дошедшим до меня сведениям, доктору Йоргенсону из Венесуэлы удалось приготовить замечательный суп из водорослей, причем с весьма высокими лечебными и вкусовыми качествами. В Пакистане издавна добавляют водоросли ко всевозможным деликатесам, а в Израиле, где ощущается острый дефицит в кормовом балансе страны, скот кормят водорослями. Точно так же и в США. Там общество «Монсанго Хемикаль продукт» недавно построило сушилку с пропускной способностью в 5000 тонн сушеных водорослей в год.

— Коровы едят их? — решил блеснуть я своими познаниями в животноводстве.

— Так едят, что у них от удовольствия трясутся рога! И дают больше молока,

так как водоросли содержат 50% белка, 35% углеводов, 5% жиров, а остальные 10% составляют хлорофилл, каротин, минеральные соли, витамины А, С и даже нашумевший, совершивший подлинный переворот в медицине и витаминной продукции в частности В-12.

Затем идут биотин, пиродексин и много других, не менее целебных элементов... Словом, это целый конгломерат исключительно полезных для человечества и вообще для животного мира целебных элементов. Путем регулирования консистенции растворенной в воде соли можно коренным образом изменить питательные свойства водорослей. В одних увеличить содержание белков до уровня, содержащегося в бифштексе, в других — жиры, так что из них будет капать масло, а третьи целиком будут заменять конфеты из лучших кондитерских. Достаточно капли синтетического аромата — а

химия делает в этой области прямо чудеса,— и мы будем иметь на столе все деликатесы, которые вы только что пробовали. Беф-строганов, фисташковый крем и все, что вы здесь видите, приготовлено из водорослей и неплохо!

— Замечательно! Однако, если позволите, я хотел бы закурить.

— Прошу. Быть может, не откажетесь попробовать вот этот первоклассный табак, не уступающий по своим вкусовым качествам лучшим турецким, египетским и советским табакам! Ведь он тоже приготовлен из водорослей!

— Проклятье!— я не утерпел.— И тут водоросли. Кажется, мое терпение, наконец, лопнет!

— Зря волнуетесь, мой молодой друг... Неужели вы не понимаете, что благодаря водорослям человечество может размножаться в десять, двадцать и тридцать раз больше, не опасаясь недостатка питания? В соответствующих условиях водоросли за сутки увеличивают свой вес в восемь раз! Сколько зерна дает один гектар посева? Максимум 4 тонны. А гектар воды ежегодно дает 100 тонн водорослей, гораздо более питательных. Ученые считают, что население нашей с вами планеты составляет 2,5 миллиарда человек и его можно было бы прокормить с «урожае» плантации, площадью равной одной пятой Швейцарии!

— Кажется, вы меня убедили... Завтра же ставлю аквариум у себя дома.

— Ну, вот, открыли Америку. Советские астронавты еще раньше пришли к мысли устанавливать в своих межпланетных кораблях аквариумы с водорослями. Они будут поглощать углекислоту и давать путешественникам, кроме кислорода, еще и вкусные блюда из ранних овощей. Подобные устройства проектируются в подводных лодках, команды которых вынуждены довольствоваться менее калорийной и питательной пищей, долгое время находясь под водой.

В глубине океана наступил теплый, немного сырой вечер.

— Не желаете ли совершить небольшую прогулку по городу?

— С удовольствием, тем более, что моцион после такого обильного ужина будет весьма кстати.

Мы вышли из дворца. Улицы Нептуграда утопали в огнях бесчисленных фонарей, по освещенности далеко оставляющих столицы крупнейших европейских стран.

— Такое освещение, по-видимому, вам обходится довольно дорого?— осведомился я.

— Что вы! Электроэнергию мы получаем совершенно даром. Весь расход составляют перегоревшие лампы.

— Как же это так? По-видимому, для пуска водяных турбин используется энергия океанских отливов и приливов?

— Нет, этот способ уже давно устарел. Нами найден более совершенный метод.

— Это новинка?— с живым интересом спросил я.

— Не совсем. Французы составили

проект постройки в Абиджане электростанции, получающей даровую электроэнергию в результате постоянно происходящей термической реакции между нагретой водой на поверхности и холодной водой на дне океана. Мои придворные ученые усовершенствовали этот способ и построили ряд электростанций, плавающих на глубине нескольких десятков метров, то есть как раз на стыке обоих слоев воды.

— Быть может, вы, Ваше Величество, намеревались послать этот проект на смотр молодых дарований и с этой целью пригласили меня?

— Вовсе нет. На смотр я собирался послать другой проект. Но прежде всего скажите, что, по вашему мнению, содержится в морской воде?

— То есть как, что? Ну, соль... и рыба...

— А еще?— допытывался король.

— И водоросли. Еще акулы, тюлени и прочее...

— Это все?

— Да, в основном все!

— Ну, так теперь послушайте, какой состав морской воды в одном кубическом километре, не считая, разумеется, акул и тому подобного «в основном». В морской воде содержится в тысячах тонн: соли поваренной 30 000, хлористого магния 4000, сульфата магния 1900, сульфата калия 1000, бромистого магния 90, хлора 0,3, бария 0,23, йода до 3, мышьяка 0,9, меди 0,05, серебра 0,01, золота 0,005, урана 0,002 и т. д. Теперь вообразите: достаточно продистиллировать один кубический километр воды, и человечество получит неисчислимые ценности, перед которыми бледнеют богатства легендарных Крезов и современных американских мультимиллиардеров.

Меня эта мысль захватила, но она и пробудила во мне некоторые опасения, о которых я пока воздержусь говорить.

— Допустим, все это так,— осторожно заметил я,— но почему же до сих пор никто не осуществил эту грандиозную идею?

— Есть, есть такие. Соль добывают из морской воды еще со времен Рамзеса III, и этот промысел до сих пор рентабелен. Соединенные Штаты Америки добывают не менее 5 миллионов тонн. Советский Союз и Индия немногим меньше. У них есть еще и свои разработки на материке. Добывать из морской воды что-нибудь другое в те времена никто еще не думал. Когда человечество стало нервным, во много раз возросла потребность в препаратах брома. Американцы построили в 1933 году в штате Каролина фабрику, вырабатывающую из морской воды ежедневно по 8 тонн брома. Их примеру последовали англичане. В настоящее время эти две страны являются монополистами в мировой добыче брома. Это обстоятельство имеет непосредственную связь с психическим состоянием населения, живущего в странах капитализма, в результате проводимой там политики «холодной войны», ими же затеянной. Затем в ход пошел магний. Американцы построили фабрики в Техасе и Фреспорте, а за ними поплелись и их партнеры — англичане. Теперь они добывают из морской воды металл, являющийся главным компонентом продукции зажигательных бомб и других изделий военной промышленности. За разработку сульфата калия взялись норвежцы, строящие громадную фабрику этого ценного удобрения. И, наконец, медь. Так

как запасы меди на земле уже истощаются, стали приступать к добыче запасов, содержащихся в океанах. Правда, меди в воде очень мало — 1:1 000 000, но современная техника ищет эффективные способы электролиза.

— Ну, а золото?— дрожащим от волнения голосом спросил я.

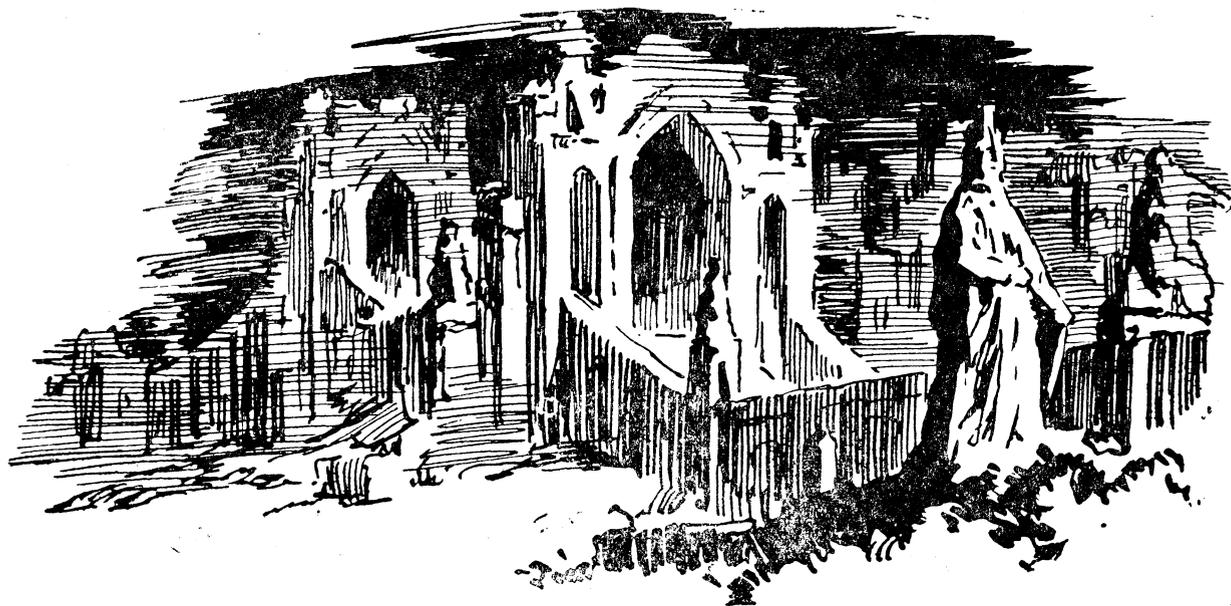
— Я изобрел очень простой способ, доступный каждому трудолюбивому человеку. Надо установить на лодке аппарат, подобный ветряной мельнице, а под ним — сепаратор. Колесо силой ветра вращает систему зубчатых колес и трансмиссионных ремней. Частицы золота, растворенные в воде, под воздействием центробежной силы оседают на стенках сепаратора. А дальше уже совсем просто: стоит только выгрести и собирать золото...

Ночью я спал очень беспокойно... Мне снилось, что я все еще в гостях у Нептуна Посейдонского... Мне страшно хотелось поплавать, но повсюду мне преграждали путь тысячи тысяч ветряных мельниц... Затем и я сам стал добывать золото... А на берегу толпы «молодых дарований», и каждый из них держал сито в руках, терпеливо процеживая воду в поисках золота...

Проснулся я весь в поту с тупой головной болью.

Что за удивительный сон!

Перевод с польского сделан для «Уральского следопыта» А. Бюловым

ПРИГЛАШАЕМ ВСЕХ

Зажигаем наш следопытский костер на привале. Возле него будут собираться бывалые люди и рассказывать примечательные случаи из жизни. Приглашаем всех.

Сегодня у костра: всю жизнь проработавший пожарником в различных командах пенсионер Афанасий Павлович Перминов, начальник Качканарской геологической партии Андрей Федорович Козубовский, подполковник-свердловчанин Николай Николаевич Мыльников, старый уральский охотник Александр Иосифович Андриани, ныне проживающий в Сталинграде.

Первый РАССКАЗ

Вы знаете, огонь бывает очень опасен, когда вырывается из человеческих рук. Каждая секунда может принести неисчислимы беды, если человек за эту секунду не сделает что-то решающее.

Помню, вспыхнул пожар на одном заводе. Может, небрежно была брошена кем-то спичка. Пламя охватило груды легковоспламеняющихся материалов. Когда мы приехали на помощь заводской пожарной дружине, горел почти весь производственный цех.

Вы были в бою? Понимаете, что это такое? Так вот, война давным-давно окончилась, а пожарные и сейчас поднимаются по тревоге и ходят в бой. Недаром на них солдатские каски.

Мы быстро окружили брандспойтами очаг пожара.

Командовал капитан Дементьев, невысокий, такой шупленький, но выдержанный, исполнительный, дисциплинированный. Начальство его уважало, и бойцы-пожарные любили, верили в его умение, слушались так, как положено.

Стоял он в горящем цехе около тоненькой деревянной перегородки. Вдруг к нему выскакивает возбужденный, включенный, перепачканный здоровенный па-

рень, из инженеров. И кричит. Дико кричит:

— Спасайтесь!.. Спасайтесь!..— И что-то объясняет капитану. Шум и треск пожара заглушили остальные его слова.

Я был поодаль и только видел, как все стоящие возле капитана наши пожарники замерли на какой-то миг, глядя на командира. Страшная такая пауза!.. Капитан посмотрел на часы, шагнул на парня и дернул его за полу пиджака. Тот еще раз закричал: «Спасайтесь!» И капитан коротким, боксерским ударом сбил его с ног наповал.

— Пусть помолчит,— сказал он потом, когда парня вынесли на носилках.

Но то, что капитан делал дальше, поразило всех еще больше. Он снял бойцов с основного очага пожара, где гибли станки, машины, детали, ценные материалы, и приказал тушить тоненькую деревянную перегородку.

В это время на пожар приехало наше высшее начальство. Крутого, горячего полковника в минуты его гнева боялись больше, чем огня. Он скомандовал капитану гасить основной очаг. Но капитан Дементьев не подчинился, поглядывая на часы, не отменял своего прежнего распоряжения.

— Вы с ума сошли! — закричал полковник.— Все силы — на какую-то паршивую фанерку?..

Капитан стоял навтыяжку, бледный, а взгляд его — раз, раз, раз — как маятник: то на командира, то на деревянную перегородку. И дыхание, даже издали видно, словно грудь секунды отсчитывает. Полковник оторопел.

Бойцы отогнали огонь от деревянной перегородки и по приказу капитана начали наступление на основной очаг огня. Хотя было уже поздно: самое ценное все-таки сгорело.

Усталые и возбужденные, наши пожарники сходились, когда все погасили, к своим машинам. Полковник подозвал к себе капитана Дементьева. И тут снова появился тот парень, которого сбили с ног и унесли на носилках. Очувствовался. Ну, думаем, сейчас пожалуется полковнику и — пропал наш капитан. Но парень улыбался и долго жал руку капитану.

— Понимаете, что произошло бы, если бы огонь ворвался за ту деревянную перегородку! — объяснял он возбужденно. — Взлетел бы на воздух не только весь

цех, но, может быть, и весь завод и весь поселок. Там же две водородных установки.

— Почему вы мне об этом не сказали? — строго спросил полковник у капитана.

— Я боялся, товарищ полковник, что наши молодые бойцы... ну... они не все смотрели смерти в глаза... могли бы услышать и растеряться. И тогда...

Самый молодой боец, что стоял рядом, сказал, кивая на парня-инженера:

— А мы еще тогда все слышали и все поняли.

ВТОРОЙ РАССКАЗ

Как-то из геологического управления к нам в поисковую партию пришла депеша: «По заявке лесника т. Попова, в районе д. Андриановичи, на правом берегу р. Туры обнаружены выходы магнетитовых руд. Образец дал содержание железа — 62 процента. Срочно проверьте».

Прочитав, мы с геологом недоуменно переглянулись. Район, где лесник обнаружил магнетиты, мы хорошо знали. Там бурились глубокие скважины, и никаких магнетитовых руд на поверхности быть не могло. Неужели геологическая карта врет?

Послали самого опытного коллектора с двумя забойщиками, подробно проинструктировали. Они заложили на берегу Туры шурф. Через полметра лопата наткнулась на что-то твердое. Затем ликующий забойщик извлек огромный кусок темного, слегка ноздреватого мартита (выветрелый магнетит). Неистовое «ура» пронеслось над рекой: руда была отличная.

Победные телеграммы гласили: «Полуметровой глубине вышли прекрасные мартиты тчк. Шлите вторую пару забойщиков», «Пройден первый метр по руде», «Заложили второй шурф», «Пройден второй метр по руде», «Второй шурф рудный!!»

Вскоре около геологоразведчиков появился дряхлый дедок. Угостившись табачком, он ехидненько спросил у коллектора, зачем людей мучает? Тот ответил, что нашли хорошую руду.

Дед посмотрел на реку, на обросший мелким лесом бугор, где рылись забойщики, и спокойно изрек:

— Через полметра вашей руде каюк будет!

— Иди, дед, не каркай! — весело ответил забойщик, залезая обратно в шурф.

— Увидим! Мне не к спеху, подожду!

Дед загадочно улыбнулся и сел удобнее, греясь на солнышке. Часа через два удивленный горняк поднял из забоя обычную глину, а еще ниже пошел чистый речной песок. Точно так же окончился второй шурф.

Довольный своим прогнозом дед долго подтрунивал над геологами и потом рассказал:

— Тут до революции дорог-то не было, ни железных, ни машинных. Руду в Серов, стало быть, на баржах сплавляли. В половодье плыли баржи, да и опрокинулись возле берега. Дерево-то водой унесло, а руда осталась. Потом и кусты выросли.

Дед оказался прав.

Третий РАССКАЗ

На фронте тоже раз на раз не приходится. Одно дело — оборона: тут все яснее ясно: и где противник засел, и как наши располагаются, и сколько нейтральная полоса заняла в ширину. Другое — большое наступление, когда, скажем, наши войска без передышки ломали неприятельские укрепления, врубались в фашистское расположение либо клиньями, либо широкой полосой. Тут что ни шаг — неожиданность.

Особенно сложно для разведчиков. И опять же: одно дело — пехотный разведчик, а другое — танковый. В нашем корпусе служил один плечистый усатый кубанец старшина Яровой. Он не знал, что такое страх, и всю войну не был ни разу ранен. Несет он со своим экипажем бронетранспортера дозорную службу день-другой. Все идет по норме, как и полагается. Разведчики внимательно следят за противником. Где требуется, останавливаются, проверяют, нет ли засады или какой-либо другой ловушки. По радио регулярно докладывают в штаб свои наблюдения. Происшествий не было.

Да и какие происшествия? Гитлеровские войска на этом участке нашего наступления до того напугались, что убежали без оглядки.

Потом разведчикам повстречалась речка. Такая она оказалась зыбучая, топкая, что вброд не форсируешь.

Пришлось искать переправу. Вечерело. После жаркого дня воздух сделался легким, так бы дышал и наслаждался! Сумерки сгустились быстро.

В бронетранспортере, как и требова-

лось, каждый находился на своем месте. Сержант Васильев умело вел машину, двое неотступно находились за пулеметами, еще двое наготове держали автоматы. Командир бронетранспортера Яровой стоял во весь рост и держал карту.

— Какая-то неприглядная местность пошла, — басието заметил Яровой, когда машина пересекла заросшую метликом проселочную дорогу и стала подходить к густому коряжистому тальнику. — По таким местам только и хорониться.

Миновав тальник, дорога круто повернула вправо и вышла на развилку.

— Стоп! — скомандовал Яровой. — Куда поедет дальше?

Разобрались. Бронетранспортер тронулся по средней, более наезженной дороге. И тут разведчиков стала догонять легковая машина, в которой ехало двое.

— Наша или не наша? — полушепотом спросил сам себя Яровой.

Бронетранспортер сбавлял ход. Легковая машина нагнала разведчиков.

— Кто есть впереди? — на немецком языке спросили из автомобиля.

— Свои, — по-немецки ответил Яровой.

Водитель Васильев притормозил бронетранспортер и чуть свернул вправо, чтобы дать дорогу автомобилю.

В тот момент, когда машина почти впритирку стала объезжать транспортер, старшина Яровой перекинулся через борт и прыгнул в нее на заднее сиденье.

— Хэндэ хох! Руки вверх! — скомандовал он, усаживаясь как следует. Автоматчики нацелились на гитлеровцев.

Офицер в машине живо сообразил, что произошло, и поднял руки. Глядя на него, это же сделал шофер, и автомобиль начал ковылять.

— А машиной управлять я, что ли, буду? — зычно крикнул Яровой.

Шофер хотя по-русски и не говорил, но команду старшины понял и быстро одну руку положил на баранку, а другую высоко вытянул вверх.

— А что же было дальше?

Так и вернулся старшина Яровой в свою часть с шиком. Он находился в машине и пистолетом указывал шоферу дорогу. Позади ехал бронетранспортер. Сухощавый обер-лейтенант то и дело оглядывался назад, словно боялся, что бронетранспортер отстанет. Фашистский офицер с готовностью рассказывал, куда отступают гитлеровские войска, сколько у них в дивизии осталось людей, техники.

ЧЕТВЕРТЫЙ РАССКАЗ

Бывает же!.. Человек иногда настолько становится целеустремленным, что даже свою неудачу обращает на достижение цели.

В Серовском районе работала геологическая партия, искали марганцевые руды. Осматривали обнажения, заложили скважины, бурили, бурили — нет ничего. Хоть бросай работу и уезжай домой.

Однажды забойщик Батраков лесом возвращался с участка в деревню Мякот-

кино. Устал и решил поискать пути попрямее, покорооче. Но не всегда прямая дорога — самая короткая. Есть даже поговорка: напрямик ходить — дома не ночевать. Шел наш Батраков, шел, да и заблудился. Беда! Догадки у него хватило не дорогу, а реку искать: река всегда к жилью приведет.

Нашел. Стал по обрывистому берегу спускаться, поскользнулся и — принять бы ему холодную ванну в таежной речушке Какве, да ухватился за что-то твердое, прочное.

Тогда Батраков выбрался и давай выворачивать камни. Расчистил место вокруг от наносов и увидел срез пласта. Черная, с отблеском руда выходила прямо на поверхность.

— Металлическая руда!..

Как потом нашел Батраков свою деревню, он и сам не помнит. А, как ценное месторождение окисленных руд открыл, на всю жизнь не забудется.

ПЯТЫЙ РАССКАЗ

Как-то осенью мы с приятелем Николаем Шерстневым собрались из Атига на Медвежью гору за глухарями. Запрягли лошадей и отправились.

В лесу, когда пробирались через небольшую елань, Николай спрыгнул с телеги:

— Езжай, я сейчас.

Ружье, патроны и его охотничий нож вместе с поясом остались в телеге. Но Ни-

колай в лесу, как у себя во дворе, с завязанными глазами найдет дорогу куда угодно, человек он не из робких, бывалый охотник.

Отошел он шагов на двадцать от дороги, собрался закурить — слышит: сбоку треск. Оглядывается — у кустов стоит здоровенная медведица с медвежонком. У Николая, кроме папирос и спичек, — ничего. Пришлось попятиться. А медведица — за ним. Медвежонок тоже, да еще обгоняет, норовит в ногах путаться.

Не ожидая ничего хорошего, Николай бросился к ближайшему дереву. Медведица с интересом смотрела на него. Николай решил не бежать, не залезать на дерево, зная, что медведи так же хорошо лазают по деревьям, как и бегают. Молодая медведица, судя по ее любопытству, с человеком встретилась впервые, следовательно, не так уж опасна. Значит, главное — спокойствие и выдержка.

А она поднялась на задние лапы и медленно, вразвалку стала приближаться к дереву, подошла вплотную, обхватила

ствол, потом протянула лапу к Николаю. Он отодвинулся — медведица за ним. И пошли кружиться! Уж очень ей хотелось достать человека лапой.

Но в конце концов эта «карусель» ей надоела. Она отошла, постояла, потом поурчала на медвежонка, как бы сказав ему что-то, и поковыляла в чащу. Медвежонок остался.

Николай собрался было уйти, но раздался сильный треск: из кустарников медведица тащила огромную корягу.

Она приложила корягу к дереву и стала подвигаться вокруг ствола, снова протягивая лапу. Но только она цапнула Николая за плечо, он перемахнул через корягу и рассмеялся — медведица с изумлением смотрела на него. Она будто даже растерялась. Наверное, была уверена, что коряга не пустит человека.

Оправившись от удивления, зверь начал подходить с другой стороны. Николай вновь перепрыгнул через корягу. И началось!.. А тут еще медвежонок!.. Решил ли он поиграть или помочь матери — неизвестно. Только цепляется за ноги и цепляется. Его пинают, а он норовит штаны с Николая стащить.

Этак они и дрессировали Николая: заставляли прыгать через барьер, словно в цирке. Он уже начал выбиваться из сил. Но и она, видать, устала. Села. Медвежонок с нею. Посидев, они поднялись на четвереньки и, переваливаясь и оглядываясь, ушли в чащу. Они даже как будто посмеивались над Николаем. Он глянул на себя: батюшки мои! — весь ватник на нем изорван, вата торчит во все стороны, штаны в лохмотьях, не штаны, а ремки.

Вот как бывалый охотник Николай Шерстнев раз в жизни зашел в лес без оружия.

РИСУНКИ НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

Как назывались месяцы

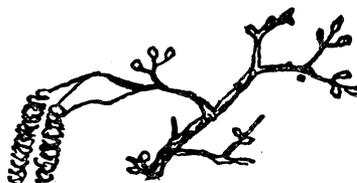
Июль

В древнерусском языке месяц июль назывался по-разному. Чаще других названий в древних памятниках письменности встречается **липец**. Липец — это время цветения лип, сбора и варки меда-липеца. В южных и западных областях, где липа зацветает раньше, липецом называли июнь.

Вполне понятно, откуда родилось еще одно название июля — **грозник**. Именно этот месяц самый теплый, и на него приходится большая часть всех летних гроз.

Два других известных из древних рукописей названия июля — **сеностав** и **страдни** — отражают хозяйственную сторону месяца. **Страдник** происходит от слова *страда* — период жатвы и косовбы. А **сеностав** — это время, когда заготавливают сено, сгребают и ставят его в стога.

О. Булгакова

Перехитрил...

В. ЕГОРЕНКОВ,
Нижний Тагил

Светлана Шелехова

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШУРЫ

Повесть

9

Разлетелся вдребезги абажур. И зачем делают такие к настольным лампам?! Нет, чтобы изготовить легкий, прочный и красивый из пластмассы. Но это, пожалуй, лишние рассуждения, неуместная критика. Кошке-то что до человеческой недогадливости, кошке ведь не втолкуешь, что согласно инструкциям с некоторыми вещами надо обращаться сверхосторожно. Прыгнула рыжая негодница с поджонника на стол, задела пушистым хвостом металлический ободок, на котором покоился стеклянный колпак и... К счастью ли это или к несчастью, но Ольге Михайловне осталось лишь ворчать на нерадивость и непрактичность работников промкомбината, выпускающего сверхчувствительные вещи, да любоваться красивыми, с внутренней стороны матовыми, а с наружной зелеными стекляшками, живописно разбросанными у стола.

Беззлобно отчитывая кошку, старуш-

Окончание. Начало см. в № 1, 2, 3.

ка, кряхтя, собрала осколки, сполоснула под краном руки и принялась сооружать испытанный «небьющийся абажур» из старой газеты. Когда-то ловкие и проворные, пальцы ее не слушались, мяли бумагу. Кое-как смастерив колпак, похожий на те, какими обычно покрывают головы купальщики на пляжах, старушка взяла стопку почтовой бумаги, остро заточенный карандаш и села сочинять письмо в детдом внучке.

В комнате было тихо. Лампа бросала на стол яркий круг света. Остальное тонуло в полумраке. На диване с откинутыми валиками посапывала Марья Даниловна. Живое, подвижное лицо ее никак не хотело примиряться со сном и, отражая душевные переживания владелицы, то хмурилось, то принимало вид озабоченный, деловой. «Опять какую-нибудь версию видит,— подумала Ольга Михайловна, рассматривая лицо подруги.— И во сне ей жулики покоя не дают. Надо будет припрятать книги-то эти: совсем человека с панталыку сбить они могут». За ситцевой ширмой-задергушкой слышалось ровное дыхание Шуры. «Умаялся парень. С утра в училище. Днем в мастерских трудится. Вечером в клубе на кружках. Набегался, измотался и спит без задних ног. Серьезный он у меня, серьезный». Чтобы собраться с мыслями, старушка вполголоса завела беседу с кошкой:

— Ты, Мурка, понять должна, что Василий Васильевич хоть и сварливый старик, но правду любит. Все у него справедливо, все жизнью опробовано. Защищал он Шурку-то нашего. Золотым парнем назвал. Мы-то с тобой, Мурка, знаем, что золотой он. Но приятнее от других услышать. Давай-ка выпишем к себе еще и золотую внучку. В тесноте, да не в обиде. Она, внучка-то, должно быть, хорошая: у Белых в роду пустоцветов не произрастало — все народ твердопородный, крепкий. Будь моя внучка на месте той, которая шпану в подвале заарканила, круче бы дело обернулось. Она бы его субчика... И есть же в обществе у нас такие выродки, как этот жулик...

Из прихожей донесся настойчивый стук. «Кого еще бог принес!» И, проследив за ходом своих рассуждений, как раз в это время направленных на случай с Зубковым, ужаснулась. Ей вдруг вспомнилась «версия», выдвинутая Марьей Даниловной в связи с каким-то глупым происшествием, нивесть где случившимся.

«Дверь открывать никому нельзя; особенно в позднее время,— говорила подруга с видом человека, знающего и в совершенстве изучившего жизнь деклассированных элементов.— Опытные речецевисты (она произносила так слово рецидивист) до того в подлостях поднаторели, что знакомыми прикидываются, ихним голосом подражают. Придет к дверям: «Откройте, Ольга Михайловна!» Ты цепочку долой, замком шелк... «Пожалуйста!» А он: «Руки вверх!»

Стук раздавался громче и громче. Старушка прошла в коридор, остановилась у вешалки и прислушалась, колеблясь, открывать ли? «А, может, те самые, с пожжими голосами?»

Все-таки плохо сидеть дома целыми днями. Прав был Василий Васильевич, говоря, что от нечегоделанья человек человека со света сжить может, а то и хуже — с ума спятить. От безделья разности всякие в голову лезут, засоряют ее. Бывало, приходила Ольга Михайловна с завода, и отдых радостным был, и думалось правильно, и страхи в мысли не лезли: голова на дело работала. А сейчас... Сказки Марьи Даниловны кого хочешь робеть заставят. «Будь, что будет!»

— Кто стучит?

— Наконец-то! — обрадовались за дверью. — Это я, Ольга Михайловна, сосед ваш, Останин!

— Останин, значит?

— Ага.

— А как жену зовут? — Марья Даниловна, помимо страшных историй, всегда подробно объясняла, как предотвращать их. — Сколько у тебя детей?

— Понятно, — донеслось из-за двери. — Могу прямо по анкете. Родился я в одна тысяча девятьсот двадцать втором году. Русский. Партийный. Из семьи рабочих...

— Не зубоскаль, — рассердилась старушка. — Отвечай толком. Не отомкну, коли шутить станешь.

— Что с вами, Ольга Михайловна? Глашей женку мою зовут!.. Сын Андрей. Точно?

— Вроде... Какое платье сегодня на Глафире было?

— Шут его знает, — чистосердечно признались за дверью. — Из вечерней смены пришел, не помню со сна. Да что я, жулик, по-вашему!?

— Всякое бывает... — уклончиво ото-

звалась Ольга Михайловна. — Может, дверью ты ошибся?

— Эта самая дверь! Мне Александра вашего повидать надо. Дело серьезное.

У старушки екнуло сердце.

— Не набедокурил ли!? — звякнула цепочка, Щелкнул замок. Дверь распахнулась. Лицо у Ольги Михайловны было бледным, напуганным. — Что Шурка-то натворил?

— На завод его вызывают, — стараясь быть серьезным, проговорил Тимофей Иванович. — Работник один прихворнул. Так вот, чтобы дело не стояло, вашего Александра просят выручить предприятие из беды. Как?

— Раз общественность просит... Можно ли супротив коллектива... А он не...

— Он справится. Парень сноровистый, и голова не пустой кочан.

— Так-то оно так, да навывчки нет.

— Я, бабушка, стараться буду! — Из-за ширмы показалась Шура.

Она еще не верила своему счастью. Ей казалось, что Тимофей Иванович шутит: уж очень лукаво смотрели на нее карие глаза кузнеца, излучая тепло, задор, веру.

— Одевайся в рабочее, — поучительно сказал Останин. — Третья форма не надо. Одежонка есть?

— Лыжный костюм.

— Во-о-о... Подходяще!

— Тимофей Иванович! А где я работать буду?

— У молота моего на манипуляторе. Прихворнула у нас Вера. Мы тык-мык... Решили тебя пригласить. Не волнуйся — все согласовано. Василий Васильевич в курсе, директор училища извещен. Топаем на работу, молодой пролетарий?

— Пойдемте! Бабушка, я скоро вернусь, — по привычке проговорила Шура, натягивая фуражку.

— На зорьке, — дополнил Останин и рассмеялся, взглянув на Ольгу Михайловну. — А Глаша у меня сегодня весь день в комбинезоне ходила: побелку производит. Так-то.

Проводив Шуру и Останина, старушка под села к столу, взяла карандаш. На диване беспокойно заворочалась Марья Даниловна. Она от слова до слова выслушала разговор подруги с кузнецом и, преломив его в свете какой-то версии, горела желанием высказать соображения.

— Бывает, и серьезные люди, почтенные на вид, уважаемые, несмышленных

ребят с истинного пути сбивают. Читала я в книге, как один старательный работник... Его портрет даже на почетном месте висел...

Ольга Михайловна так посмотрела на подругу, что та осеклась, смолкла и больше не произнесла ни слова. Старушка спокойно дописала письмо и улеглась в постель.

10

Капля встретил Андрея на лестничной площадке.

— Слыхал новость? — прогудел он, схватив Афанасьева за рукав.— Белых-то у нас как отличился? Вот парень! Двести пятьдесят процентов нормы!

— Какой нормы?

— Беги в группу — узнаешь!

Андрей пулей влетел в комнату. У доски, где обычно вывешивалась групповая стенгазета, толпились ребята. Они оживленно переговаривались. Андрей протолкался вперед и вдруг увидел перед собой улыбающееся лицо Сашки Белых. Нет, это было не живое лицо, а нарисованное, да так мастерски, что точь-в-точь. Через весь лист ватмана из нижнего угла в верхний тянулась надпись, сделанная красным карандашом: «Бригада Т. И. Останина дала 250 процентов сменной нормы!» Андрей еще раз посмотрел на портрет Шуры и стал читать заметку кузнеца Останина, в которой рассказывалось о том, как ученик ремесленного училища Александр Белых точной работой на ковочном манипуляторе обеспечил бригаде успех.

— Вот здорово-о-о,— завистливо протянул кто-то сзади,— заработал, должно быть, крупно.

Андрей круто повернулся на каблуках и очутился нос к носу со Шмаковым. Пухлые губы Виталия растянулись в улыбке.

— Афанасьев!— Он подал руку.— Приветствую!

— Иди к черту! — вырвалось у Андрея.— Он сильно ударил кулаком по протянутой ладони Шмакова.— Ты и подвиги на деньги меряешь!

Дверь широко распахнулась. На пороге выросла Шура. В этот день!.. В этот день!.. Кто усидит на месте в день большой радости?! Меркнет счастье, если не поделиться им с друзьями. Придя из ночной смены, Шура, как ни старалась, не

могла уснуть. И радость, и гордость, и вера в собственные силы, вера, которую она почувствовала только сегодня на заводе, когда громоздкий на вид ковочный манипулятор, повинувшись ей, стал беспрекословно выполнять ее приказы, когда мощные «щупальцы» машины сделались как бы продолжением Шуриных рук,— не давали сомкнуть глаз.

Заметив Шуру, ребята дружно бросились к ней, подхватили на руки, и виновница торжества, не успев опомниться, взлетела к потолку. Ох, и хорошо же было у нее на сердце в эту минуту.

— Кончай веселье! — сказал Василий Васильевич Завьялов.— По местам!— И, нахмутив мохнатые брови, Шуре:— Белых, отправляйся домой! Рабочему человеку после смены отдых положен!

— Я не устал, Василий Васильевич!

— Без разговоров! Производственную дисциплину нарушать не позволю! Во сколько на смену выходишь?

— К одиннадцати!

— Домой! Ты перед рабочим классом за всю мою группу ответ держишь. Понятно?

— Можно урок прослушать. Теория. Василий Васильевич, а?

— Разве один урок,— охотно согласился старый мастер. Последнее время он стал относиться к Шуре совсем по-другому: при встречах прятал в усах добрую отеческую улыбку, а разговаривая, прищуривал по-молодому светлые с хитринкой глаза.— Оставайся.

— Садись,— пригласил Андрей, подвигаясь на скамье.

Урок пролетел быстро. Шура заторопилась домой. У дверей комнаты комитета ВЛКСМ столкнулась со старшим патруля. Он схватил Шуру за ремень и начал всматриваться в покрасневшее лицо.

— Сдается, я тебя где-то видел?

— Конечно! — ответила непринужденно Шура.— Каждый день видимся.

— Не-е-е. Я тебя еще где-то встречал, не здесь. Где же это?.. Постой, постой. Ты, парень, здорово на ту девчонку смахиваешь!

— На какую девчонку?

— Да, на ту, что жулика в подвале закрыла и нас вызвала. Не сестра она тебе?

— Нет! У меня сестер не имеется.

— А сходство разительное! Капля в каплю!

— Кто Каплю зовет?— голос Николая пропудел сверху над ухом Шуры. Она оглянулась. Рядом стояли Капля, Андрей и еще несколько ребят из группы кузнецов.

— Не тебя зову,— объяснил старший патруля.— Беседую вот...

— С Александром Белых,— выручил Андрей.

— С ним. Говорю ему, здорово он похож на девчонку, что нас позвала, когда Зубкова поймали. Вылитый!

— Это — Шурка,— со вздохом отметил Капля.— Это — парень. Будь в нашей группе такая девчонка, мы бы на руках ее носили.

На том и разошлись. Шура — домой, отдыхать. Ребята на занятия. Только Андрей, незаметно проводив ее до выхода, стоял, прислонясь спиной к дверному косяку, стоял до тех пор, пока стройная фигура Шуры не скрылась в проулке.

11

Кончилась трудовая неделя. Завтра Шура не пойдет в цех: Вера выздоровела. Теперь она будет управлять манипулятором. А Шура... Шура сядет за парту. Хорошо бы организовать занятия в училище так: день теория, день практика.

Грустно Шуре. Она успела полюбить дружную бригаду Останина. И вот...

Почтальон принес письмо. Шура сразу заметила конверт с адресом детского дома. «Бабушке!» Сунув письмо в карман, она положила на стол газеты и ушла на кухню.

— Александр!— позвала Ольга Михайловна.— Писем не было?

— Нет,— краснея, ответила Шура.

— Долго молчат. Скоро неделя будет.— Бабушка склонилась над шитьем. По совету Василия Васильевича она взялась за дело — организовала из пенсионерок группу помощи ремесленному училищу. Старушки следили за порядком в общежитии, стирали и штопали ребятам белье — были им за родителей.— Может быть, затеряли на почте?

Марья Даниловна, как всегда, сидела за приключенческой книжкой. Герой повести в этот момент прыгнул в автомобиль, удирая от преследователей. Поэтому на вопрос бабушки Марья Даниловна ответила:

— Все документы он сжег.

— Кто сжег? Зачем ему жечь?— Бабушка не сразу поняла ее.

Оторвавшись от чтения, Марья Даниловна объяснила:

— Сжег, чтобы не оставить за собой никаких следов.

— Да он что, бежать куда-нибудь собрался, что ли?

— Уже убежал,— сказала Марья Даниловна и снова углубилась в книгу.

Бабушка сообразила, что они говорят о разном, и махнула рукой на свою сожигательницу. В это время в дверь постучали, бабушка пошла отворить и очень удивилась: пришел Андрей, приятель Шуры.

— Здравствуйте, Ольга Михайловна. Шура дома?

В руках Андрей держал какой-то сверток.

— Иди на кухню,— ответила старушка.— Там он.

Андрей смущенно переступил с ноги на ногу, собираясь что-то сказать, но, очевидно, раздумал. Решительно шагнув к дверям, он рывком распахнул их.

Шура стояла у окна. По лицу Андрея, по свертку, который он держал, девушка поняла все.

— Андрей!?

— Вот,— сказал он в ответ, протягивая сверток.— И еще,— извлек из кармана конверт и подал Шуре,— письмо из детского дома.

— Ты?!

— Я и Василий Васильевич тоже, и Тимофей Иванович Останин, и наша комсомольская организация. В понедельник будут вручать награду — наручные часы — нашей героине.— Андрей смущенно засопел и отвернулся.

Шура не знала, что ей делать. Было и радостно, и в то же время стыдно за обман товарищей. Сколько недель она морочила им головы? А зачем? Теперь-то она поняла всю ненужность «маскарада». Дело, оказывается, не в том, кто мальчишка, а кто девчонка. Дело — в отношении к труду, в характере, в настойчивости, с которой человек идет к поставленной цели.

Шура хотела высказать все это Андрею, но раздался стук в двери. Опять кто-то пришел.

— Подожди, Андрюша,— вырвалось у Шуры.— Открою.

Но поговорить с Афанасьевым не удалось: пришли Василий Васильевич, Тимофей Иванович Останин, Капля, старший комсомольского патруля. Комната Ольги Михайловны заполнилась гостями до пре-

дела. Марья Даниловна спрятала книжку и дрогнувшим голосом внятно произнесла:

— Катастрофа?

— Крушение мечты!— весело проговорил Завьялов.— Александр Белых, иди ответ держать!

И, так как Шура стояла не в состоянии произнести ни слова, подошел к ней, обнял и звонко поцеловал.

— Мужчины целуются?— жеманно промолвила Марья Даниловна.— Лирические излияния.

Ее не слушали: все говорили только о Шуре, поздравляли ее, и никто даже не намекнул на историю с маскарадом: она была забыта.

Даже Шура не смогла бы передать на

словах то, что испытала она в этот праздничный, да-да, праздничный день. Она стала человеком с чистой совестью и открытой душой.

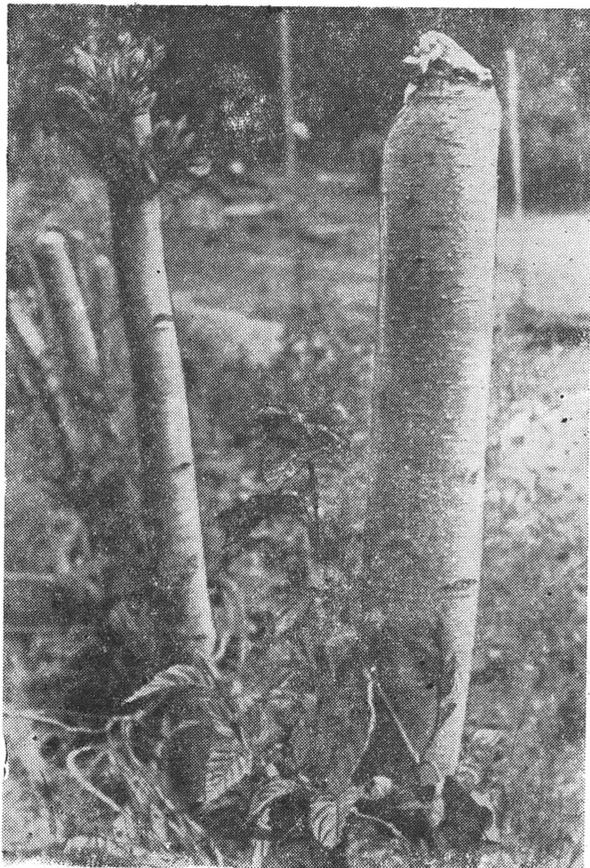
Только, провожая Андрея, выдала она ту капельку горечи, которую долго носила в сердце.

— Ты с Люсей дружишь? Хорошая она?

— С Люсей? А-а-а,— вспомнил Андрей.— Да. И с ее подругой тоже. Они, Шура, очень хорошие девчата. Но ты... ты всех-всех лучше.

И от этих слов сердце Шуры затрепетало.

Было темно, и она не видела лица Андрея. А жаль.

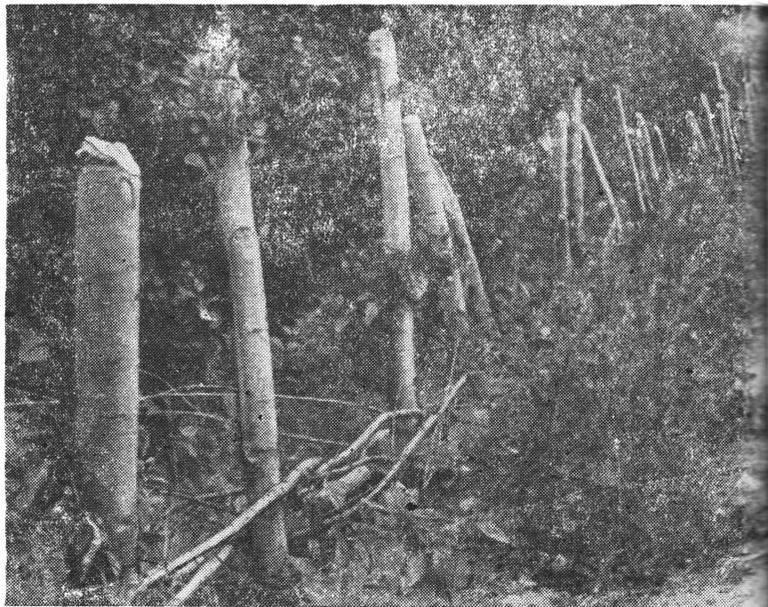

БЫЛ КОЛ, А СТАЛО ДЕРЕВО

Есть такая шутка: «Земля там такая, что посади оглоблю— тарантас вырастет». Но не зря говорят, что в каждой шутке есть доля правды. В прошлом году в одном огороде около Дегтярска забили осиновые колья для изгороди, а нынче хозяева смотрят и дивятся: колья «проросли» и пустили свежие веточки.

Был кол, а стало дерево.

Фото Г. СТАДНИКОВА

СЛЕДОПЫТЫ

Пьеса в 3-х действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Егоров Андрей Егорович, старый коммунист, участник боев с колчаковцами.

Прасковья Федоровна, его жена.

Коля, их внук.

Маринка

Аркаша

} товарищи Коли.

Ирина Васильевна, мать Маринки.

Сергей Калачинский, молодой геслог.

Соня Комарова, дипломантка университета.

Степан Ильич, секретарь горкома партии.

Старик.

Павел.

Виктор.

Полковник.

Капитан.

Солдаты.

Действие происходит на Урале в наши дни.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Первая картина

Перед занавесом Сергей. Он одет по-дорожному, в руке чемодан.

Сергей. Вот эта улица, вот этот дом... (Достает записку.) Квартира 17, Андрей Егорович Егоров. Он видел когда-то моего горемычного деда... Просто не верится в это счастье. Столько лет прошло, столько горя и поисков, и вдруг — первое доброе слово о человеке...

Печатается с сокращениями. Право первой постановки — за Свердловским театром юного зрителя.

Свет гаснет. Открывается занавес.

Комната в квартире Егорова. Прямо два окна. Справа дверь в прихожую и кухню, слева — в другую комнату. У окна письменный стол. Рядом книжный шкафчик. Пианино. Кушетка. Над кушеткой, на ковре, охотничье ружье. На столе телефон.

Андрей Егорович выдвигает ящики стола, разворачивает папки, просматривает бумаги. Он что-то ищет. Прасковья Федоровна шьет.

Прасковья Федоровна. Вчера Николай штанину распорол — через забор прыгал. Нынче о гвоздь разодрал... Другие дети как дети... Аркаша, к примеру, второй год ботинки носит, и еще в ремонте не были...

Андрей Егорович. Ума не приложу — куда карта делась? Ты не брала?

Прасковья Федоровна. И к столу-то не подходила...

Андрей Егорович. Помнится, здесь была...

Прасковья Федоровна. Ты Николая своего спроси. Все потекаешь парню, а он и до ружья скоро доберется...

Быстро вошли Коля и Маринка.

Маринка. Здравствуйте, Андрей Егорович, здравствуйте, Прасковья Федоровна!

Коля. Дедушка! Мы пионерский сбор проводили по твоей книжке и решили нашему отряду дать имя геолога Калачинского — героя гражданской войны.

Маринка. Вслух читали вашу книжку, все, что про Калачинского написано!

Коля. И песню пели потом. *(Сел к пианино и запел, аккомпанируя себе.)*

Грозные годы,
Суровые годы,
Красное гордое знамя свободы!
Мы никогда не забудем те дни,
В памяти нашей
Навеки они!

Мы написали в горкэм комсомола, чтобы нашему отряду дали имя Калачинского. Знаешь, дедушка, сейчас каникулы, и мы обязательно ходим на рудник «Глухой», где погиб геолог, где ты и бабушка когда-то партизанили...

Прасковья Федоровна. Еще чего не хватало! До рудника-то больше ста километров!

Маринка. А мы сначала поездом...

Коля. И пешком там не больше двадцати.

Андрей Егорович. С удовольствием вместе с вами пошел бы!

Прасковья Федоровна. Вот-вот!.. Сказала бы тебе, Андрей Егорович, да при детях совестно! *(Махнула рукой, ушла.)*

Коля. Бабушка!

Андрей Егорович *(смущенно)*. Оно, конечно... бабушку слушаться надо!.. Да, кстати, как это ты километры высчитал?

Коля. По карте.

Андрей Егорович. По моей? А где она?!

Коля. У меня... *(Подал свернутый лист.)* Я на сбор ее брал.

Андрей Егорович. Кто же позвонил тебе? Без спроса!

Коля. Дедушка! Тебя дома не было. А мы по карте путь вашего революционного отряда показывали...

Андрей Егорович. Я повторю — почему без спроса?

Коля. А я предупредил тебя, как договорились. Если что-нибудь важное надо сообщить — записку сюда. *(Подбежал к кушетке, ловко снял ружье, достал из патронника записку.)* Вот, читай: «Карту взял на пионерский сбор...»

Андрей Егорович. Н-да! *(Покачал головой.)* Права бабушка... До ружья ты уже добрался...

Маринка. Андрей Егорович, может быть, правда, пойдете с нами в поход?

В комнату влетел Аркаша, взволнованный, запыхавшийся. Остановился, молчит.

Андрей Егорович. Что с тобой, Аркаша?

Аркаша. Здравствуйте, Андрей Егорович...

Андрей Егорович. Здравствуй. Что случилось?

Аркаша. Ошибка!..

Коля. Какая ошибка?

Аркаша. В книге вашей ошибка, Андрей Егорович.

Андрей Егорович. Не понимаю.

Аркаша. Я со сбора домой забежал... Папа пришел из редакции, сказал, что в книге у вас крупная политическая ошибка.

Андрей Егорович. Политическая?

Аркаша. Геолог Калачинский вовсе не герой, а предатель.

Андрей Егорович. Что?!

Коля. Брось ерунду молоты!

Маринка. Он болен, наверное...

Андрей Егорович. Геолог Калачинский — предатель?.. Так...

Звонок телефона.

Андрей Егорович *(берет трубку)*. Слушаю. Да. Егоров... Что?!. *(Вошла Прасковья Федоровна.)* Это какое-то страшное недоразумение... Кто?.. Студентка Комарова? Нашла в архиве?.. Нет, этого быть не может!.. *(Повесил трубку, пауза.)* Ничего не могу понять... Звонили из издательства. Какая-то студентка Комарова нашла в архиве документы, в которых Калачинский значится предателем...

Прасковья Федоровна. Бог с тобой... Такие слова говорить... Ни одной

строчки неверной нет в книжке! И кто эта Комарова — еще неизвестно!

Входит Соня Комарова.

Соня. Простите, что без стука... дверь была открыта. Если не ошибаюсь, вы Егоров Андрей Егорович?

Андрей Егорович. Да.

Соня. Моя фамилия Комарова. Я студентка пятого курса, историк.

Андрей Егорович. Значит, вы и есть Комарова?

Соня. Вам уже известно?.. Тем лучше... Видите ли, Андрей Егорович, я хочу объяснить... *(Оглянулась на присутствующих.)*

Андрей Егорович. Ребята, идите-ка на улицу. *(Маринка и Аркаша неохотно двинулись к двери.)*

Коля. Я останусь, я не маленький!

Андрей Егорович. Или, Коленка, иди. Тебе еще рано... *(Выпроводил внука за дверь).* А это жена моя — Прасковья Федоровна, мой друг, бывшая пулеметчица нашего революционного отряда, о котором написана книга... Надеюсь, она не помешает...

Соня. Нет, безусловно... Мне трудно говорить, Андрей Егорович... Я заканчиваю диплом о борьбе уральских рабочих и крестьян против Колчака. Естественно, что выход вашей книги во многом облегчил мне работу... Но, изучая архивы и книгу, я наткнулась на две совершенно противоположные оценки геолога Калачинского. Ко мне в руки попал документ, в котором черным по белому написано, что в результате предательства Калачинского на руднике «Глухом» погиб командир революционного отряда Денисов и пять бойцов. Копию документа я принесла показать вам. *(Подает бумагу.)*

Андрей Егорович *(прочел)*. Это фальшивка, этого не могло быть. Взгляни, Паша...

Соня. Бумагу смотрели эксперты. Они не сомневаются в подлинности документа. Форма, печать, подпись — все соответствует истине...

Прасковья Федоровна. Разве в печати дело, товарищ Комарова... Читаю и глазам не верю.

Соня. Подпись ответственного работника Уралобкома. Вы должны знать его. Это был честный, преданный партии человек...

Андрей Егорович. Я знаю эту подпись... Но ведь и честному человеку можно ошибиться, если нечестный рядом...

Соня. Хотела бы верить этому, Андрей Егорович, но, сами посудите, факты против...

Андрей Егорович. Вам ли судить о фактах, девушка?.. Не кто иной, как Калачинский, рискуя жизнью, спас наш отряд от неминуемой гибели, вывел из окружения. А потом, в боях, ни пули, ни сабли не боялся. Редкой храбрости был человек... В Отечественную войну таким людям Золотую Звезду Героя давали... Это и есть факты!

Входит Степан Ильич.

Степан Ильич. День добрый... *(Соня.)* Пришли? А если бы пораньше? Так, мол, и так, Андрей Егорович, не знаю, что делать... Впрочем, теперь все равно. Заварил ты кашу, Андрей Егорович... Честное слово, не хочется тебя упрекать, но, вспомни, и я обратил внимание когда рукопись читал, нескладно история с Калачинским расписана, особенно его последние дни. Говорил я об этом?

Андрей Егорович. Говорил, Степан Ильич...

Степан Ильич. Ну, вот... А ты на дыбы поднялся: «И строчки не исправлю...»

Андрей Егорович. И сейчас исправлять не собираюсь!..

Степан Ильич. А как быть?.. Ну, давайте вместе подумаем, что предпринять?..

Незаметно в комнату вошел Сергей, остановился у порога.

Необходимо выяснить хотя бы, чем занимался Калачинский как геолог в том районе, где партизанил когда-то ваш отряд? Что он искал?

Прасковья Федоровна. Ходили слухи, что золото...

Андрей Егорович. Не знаю, Степан Ильич, золото или что другое... Ни разу о том разговора с ним не было...

Сергей. Геолог Калачинский мог искать только одно — радиоактивные руды. Если не ошибаюсь, вы Андрей Егорович Егоров?

Андрей Егорович. Да. Сергей *(подошел, взял руку Андрея Егоровича)*. От всей нашей семьи я привез вам глубокую благодарность... Вы впервые сказали о дедушке правду... Я внук его... Сергей Калачинский.

С о н я. Сережа! Сережа! Неужели это вы?!

В сопровождении Коли, Маринки и Аркаши вошла Ирина Васильевна.

И р и н а В а с и л ь е в н а. Здравствуйте... Андрей Егорович, что случилось? Хотела сейчас Маринке книжку вашу купить в подарок. Спрашиваю у продавца в магазине. Есть, говорит, такая книга, но...

С е р г е й. Что но?

С т е п а н И . л ь и ч. Пока не выясним, лучше не торопиться... Если бы у нас, Андрей Егорович, было хоть одно какое-либо доказательство...

А н д р е й Е г о р о в и ч (его взорвало, наконец). Да разве мне самому, жене моей, вот ему (указал на Сергея) меньше доверия, чем какой-то архивной бумажке. Есть и доказательства, я уверен! Они там, в руднике «Глухом», где погибли мои друзья!! (Положил руку на грудь, тяжело дышит.)

К о л я. Дедушка, тебе плохо?..

Занавес. Звучит мелодия песни, которую пели ребята.

Когда занавес открывается, на сцене та же комната, та же обстановка. Раннее утро. На кушетке Коля. Почти всю ночь мальчик не смыкал глаз. Vog он вытащил из-под подушки будильник, посмотрел, снова спрятал. Лежит. Снова достал будильник. Откинул одеяло. Встал. Открыл окно. Быстро оделся. Затем выдвинул ящик дедушкиного стола, вынул уже знакомую нам карту, положил ее в рюкзак. В окне показалась голова Маринки.

М а р и н к а. Коля!

К о л я. Я готов, Маринка.

М а р и н к а. Я тоже.

К о л я. Аркаши нет?

М а р и н к а. Проспал, наверное. Ничего, разбудим... Удочку не забудь. (Скрывается.)

К о л я. Я сейчас. (Сел к столу, пишет записку. Потом взобрался на кушетку, снял ружье и вложил записку в патронник.) Теперь можно в путь! (Берет рюкзак, удочку и на цыпочках выходит из комнаты.)

Снова звучит мелодия песни.

З а н а в е с

Вторая картина

Перед занавесом полковник и капитан.

П о л к о в н и к. Слушаю вас, товарищ капитан.

К а п и т а н. Удалось выяснить, товарищ полковник, что в 1921 году некий Джонсон, бывший советник в армии Колчака, упорно добивался концессии в рай-

оне старого рудника «Глухом». Ему отказали. В 1934 году правительство хотело было восстанавливать рудник, но один иностранный специалист дал отрицательный отзыв — нецелесообразно, мол, восстанавливать: руды мало. Впоследствии этот специалист был разоблачен, как шпион. Он оказался дальним родственником Джонсона.

После Отечественной войны дважды посылались в район рудника геологические партии. Одна из них попала в лесной пожар и вынуждена была изменить маршрут. Другая партия детально рудником не интересовалась...

П о л к о в н и к. Следует добавить, что еще в 1918 году на этом руднике проводил поиски геолог Калачинский...

К а п и т а н. Вы думаете, что Калачинский и Джонсон — звенья одной цепи?

П о л к о в н и к. Трудно сказать... Очевидно, одно: джонсоны знают о руднике то, чего не знаем мы. И сейчас, когда поднялся шум вокруг имени старого геолога, когда привлечено внимание к руднику, не исключена возможность, что кое-кто вновь попытается нам помешать... Я приказываю: без особого разрешения не допускать никого в район рудника.

К а п и т а н. Товарищ полковник, поздно. Сегодня утром туда уехали ввук Калачинского и студентка Комарова.

П о л к о в н и к. Почему не сказали об этом сразу?

К а п и т а н. Считал, что...

П о л к о в н и к. Немедленно на рудник!.. Слышите? Немедленно!

Свет гаснет, открывается занавес. Полянка в тайге, на взгорке. Среди сосен и травы — замшелые валуны. Кустарник. Развилка тропинок. Вдали синееет гряда гор.

Слышится приближающаяся песня:

Славные песни,
Походные песни!
Нет для нас песен
Родней и чудесней,
Словно далеких сражений огни,
В памяти нашей
Навеки они!

К о л я (с рюкзаком за плечами выходит из-за кустов, оглядывается по сторонам, затем машет рукой). Ко мне, ребята!

Входят Маринка и Аркаша с удочками.

Коля. Тут еще одна тропинка. Надо осторожнее.

Аркаша. Сколько осталось?

Коля. Сейчас подсчитаем. *(Достал карту.)*

Маринка. Поезд пришел на станцию утром.

Аркаша *(посмотрел на часы)*. Ровно в семь сорок. Я заметил. Теперь уже скоро одиннадцать.

Маринка. Вы знаете, я так боялась, что проводница нас не пустит в вагон. Куда это вы, говорит, так рано?..

Аркаша. Пустила все-таки.

Маринка. Еще бы, наговорили ей с три короба: родители на даче, на рыбалку торопимся...

Коля *(над картой)*. Ничего не пойму, ребята. Тут нет этой второй тропинки.

Маринка. По какой же идти дальше — по правой или по левой?

Коля. Наверное, по левой... До рудника километра четыре осталось.

Маринка. Тебе попадет за карту.

Аркаша *(вздыхнул)*. Предполагаю, что мне влетит за часы.

Маринка *(смеется)*. Всем понемножку за дальнюю дорожку.

Коля. А что же нам оставалось делать? Сидеть дома и ждать, пока другие разберутся? Да? Мы сами просили горком комсомола, чтобы отряду дали имя геолога Калачинского. Мы сами и должны выяснить правду.

Аркаша. Андрей Егорович очень расстроился...

Коля. Если бы дедушка был здоров, он непременно с нами пошел бы... Между прочим, я оставил записку, чтобы дома не волновались: «Мы пошли на рудник. Ждите с победой».

Маринка. Правильно сделал.

Аркаша. Как сказать... Прочтут записку, догонят нас и вернут.

Коля. Не вернут!.. Мы правильно поступили... Представляете, если найдем что-нибудь? И этой Соне нос утрет, и дедушкину книжку снова будут печатать.

Маринка. А Сережа? Вот будет рад! Аркаша. Странно все-таки... Слышали, Сережа говорил: «Все эти долгие годы лежало на нашей семье черное пятно...»? Разве может так быть?.. Я что-то сомневаюсь, ребята...

Коля. В чем сомневаешься?

Аркаша. А так... во всем...

Коля. Договаривай, если начал!..

Аркаша. Не обязательно.

Маринка. Нет, обязательно... Говори!

Коля. Сомневаешься в том, что дедушка прав?

Аркаша. Андрей Егорович, может быть, и прав... по-своему... А геолог Калачинский, может быть, действительно был виноват... Папа говорил...

Коля. Знаешь что?! Повсрачивай на станцию!

Аркаша. Папа ведь все знает, он в редакции работает...

Коля. Забирай свои продукты и катись!

Аркаша. Почему?!

Коля. Потому, что мы без тебя управимся... Нам сомневающихся не надо!

Аркаша. Подумаешь, командир нашелся!

Коля. В дедушкиной книжке засомневался!.. Дедушка всю гражданскую с винтовкой прошел!.. Ух, как бы я тебе двинул!

Маринка. Постой, Коля! Пусть ответит, почему же он тогда на сборе руку поднимал, чтобы отряду имя Калачинского дали?

Аркаша. Я же еще не знал, что в книге ошибка.

Маринка *(иронически)*. Не знал...

Коля. Трус ты, вот кто!

Маринка. А завтра кто-нибудь скажет, что папа твой неправ, ты и в папе сомневаться начнешь?..

Аркаша *(чуть не плача)*. Отстаньте вы от меня! Чего привязались?!

Коля. С нами не пойдешь! Возьми свое барахло! *(Выбросил куртку из своего рюкзака. Аркаша поднял ее.)*

Аркаша. Ну, и ладно! И не пойду, и не надо! *(Быстро пошел назад, скрылся.)*

Маринка и Коля молча проводили взглядами удаляющегося Аркашу.

Маринка. Он не заблудится?

Коля. Наплевать!

Маринка. Все-таки наш товарищ...

Коля. Он мне теперь не товарищ!
(Помолчал.) Удочки оставим здесь... Маскировка больше не нужна. (Прячет удочки в кусты.) Идем, Маринка.

Маринка. А я верю, Коля, что Калачинский — настоящий герой. Давай поклянемся: чего бы нам ни стоило, найдем правду. (Протянула руку.)

Коля (крепко пожал ее руку). Давай! Чего бы ни стоило!

Оглядываясь на бегу, влетел Аркаша; споткнулся, упал.

Маринка подбежала к дереву, ловко вскарабкалась на сук, посмотрела вдаль.

Аркаша. Ох! Там.. там кто-то идет... Сюда идут.

Коля (Аркаше). Ну и что?

Аркаша. Возьмите меня с собой... Я не хочу один...

Маринка. Сюда поднимаются по тропинке... трое.

Коля. Пожалуй, лучше спрятаться... Может быть, нас ищут. (Аркаше.) Ну, вставай!..

Ребята спрятались в кустах. На полянку выходит старик, сутуловатый и хмурый, с палкой в руке, с котомкой через плечо. Остановился. Огляделся. К нему подошли двое — мужчины средних лет. На вид туристы-охотники — Виктор и Павел.

Павел (старик). Чего стал?

Старик. Передохнем, любезные... До «Глухого» пять верст осталось...

Павел. К черту отдых, старик, веди!.. Как бы еще не встретили кого!

Старик. Ноги не те стали.. А насчет встречи не беспокойтесь... Мало кто сюда ходит... Глухомань!

Виктор. Да, знатный лес... Не налюбуюсь... Кажется, был сон дурной и долгий, а теперь просыпаюсь...

Павел. Но-но, разговоры!

Виктор. Отстань!

Павел. Молчать!

Виктор. Слушаюсь!..

Павел. Помни: не на прогулке. Философию оставь до счастливого возвращения...

Виктор. Слушаюсь!..

Старик. А, скажите, любезные, к чему вам старый рудник понадобился? Или секрет?

Павел. Научный интерес. Исключительно научный. Тут, говорят, в гражданскую войну бои были.

Старик. Помню, любезные, помню...

Павел. Говорят, что один из красных к белым переметнулся. А вину свою на другого переложил. И это помнишь?

Старик. Господи, прости! (Перекрестился.) Ну, любезные, поспевайте. Вправо пойдём, тут ближе.

Виктор (Павлу). К чему дразнишь старика? И так он волком на нас глядит.

Павел. Ничего, недолго осталось... (Ушли за стариком.)

Осторожно один за другим вышли Коля, Маринка и Аркаша.

Коля. Направо пошли...

Маринка. Кто они?

Коля. Не представляю...

Аркаша. О гражданской войне говорили... о том, что к белым кто-то переметнулся... Это про Калачинского, что ли?

Коля. Сам ты переметнулся!.. (Маринке.) Они, наверное, из музея... Дедушке звонили оттуда, рудником интересовались.

Маринка. Не похоже... Этот — Павлом его называли — грубый очень. Такие в музее не работают.

Аркаша. Всякие, положим, работают. Бывают и грубые...

Коля. Странно... Идут на рудник, знают, что произошло там в гражданскую... А слышала, они боятся встретить кого-нибудь...

Маринка. Я не слышала.

Аркаша. Я тоже.

Коля (Аркаше). Тебя не спрашивают!.. (Маринке.) Я слышал, старик еще ответил, не бойтесь, мол, глухомань. Вот что. Следом пойдём. Осторожно.

Маринка. А если догнать и вместе?.. Узнаем тогда, кто они и зачем на рудник идут...

Коля. А вдруг они такие же сомневающиеся? (Кивнул в сторону Аркаши.) Нет, лучше следом... Пошли! (Коля двинулся вперед. Маринка за ним. Аркаша остался.)

Аркаша (вдогонку). Ребята!

Коля (остановился). Что?

Аркаша (негромко, потупив голову). Я с вами хочу.

Маринка (Коле). Пускай.. идет.

Коля. Ладно!.. Но знай, в отряде имени Калачинского ты не будешь.

Аркаша постоял с минуту и, прихрамывая, двинулся за ними.

Невдалеке закуковала кукушка, откликнулась вторая.

На поляну вышли Сергей и Соня.

Сергей. Устали?

Соня. Ни капли.

Сергей. И все же надо отдохнуть.

Соня. Гляжу на вас и не верю... что это вы.

Сергей. Да, бывают встречи...

Соня. Вы знаете, Сережа, я запомнила только ваше лицо и ваше имя. Вы так быстро исчезли... И никто не знал вашей фамилии...

Сергей. Стоит ли вспоминать.

Соня. Вы спасли мне жизнь. Это не забывается.

Сергей. На берегу тогда было много людей. Если бы я не поплыл к вам на помощь, обязательно поплыл кто-нибудь другой.

Соня. Нет, нет, не говорите... Я три года надеялась на встречу... Ездил снова в тот дом отдыха...

Сергей. А я всю жизнь, Соня, ждал этого дня, когда смогу узнать, где погиб мой дед, где искал он руду... Я стал геологом только затем, чтобы продолжить благородный труд деда... И, может быть, там, в районе рудника «Глухого», лежат до сих пор неизвестные, но открытые дедом сокровища... Знаете, Соня, он был крупным специалистом, но за участие в революции 1905 года навечно был сослан в Сибирь. Его труды никто не печатал, даже в гимназии преподавать ему не разрешали... Не разрешали никуда выезжать... После Февральской революции он ринулся сюда. Писал моей бабушке, что дела идут превосходно... Потом Великий Октябрь. Дедушка встретил его, как праздник. Так он писал в последнем письме... И все. Как в воду канул. Через два года в ответ на бабушкины запросы пришла бумага... Копия той, которую обнаружили вы. Если бы не Андрей Егорович, не знаю, что бы я делал...

Соня. Сережа... Я отказалась от защиты ди-

плома. Меня убеждали выбросить спорные страницы. Я не согласилась. Пусть будет год потерян, но совесть чиста.

Сергей. А что будете делать год?

Соня. Вам помогать, Сережа...

Сергей (*внимательно посмотрел на Соню*). Спасибо... (*Соня смутилась, отвернулась. Сергей встал.*) Ну, в путь-дорогу... До рудника уже немного. (*Задумался, глядя вперед.*)

Соня (*нагнулась, подняла удилыще*). Сережа, смотрите—удочка... Сережа!

Сергей. Кто-нибудь спрятал. Надо на место положить... Пойдите... Я делал этот поплавок вчера вечером Коле Егорову. Ну, конечно... Они собирались на рыбалку... Вот так история!.. Надо идти, Соня, надо срочно идти... Здесь недавно прошли ребята, прошли на рудник.

Соня. Зачем же удочка?

Сергей. Для отвода глаз, неужели не понимаете?..

Пошли. В нерешительности остановились у развилки тропинок.

Сергей. Скорее всего, налево.

Занавес

Третья картина

Перед занавесом старик.

Старик. Веду я этих молодцов и думаю, конец! Их двое, я один — не совладать... «Научный интерес», говорят, «исключительно научный». Кто поверит?! Волки вы! И знаю я, зачем вы идете, знаю, ваш интерес — золото. Золото!.. Своими руками я тайну добыл, своими руками и отдал. А там, в тетрабочке у геолога, все записано было — где лежит оно, ненаглядное. Ни вода его не точит, ни время не берет — благородный металл — богатство!.. Ждал я, надеялся, свершится мое счастье. Бездомной собакой жил. Никто от меня добра не видел. А я все утешал себя: добро — что? Добро — серебро, а золото лучше. Где же слово ваше, господин хороший? Обманули! Обманули меня! Увезли тетрабочку за моря, утаили то место заветное, где золотишко покоится, а нынче молодцов подслали. Сдохну, а не дам! Мое оно! Знайте!..

Открывается занавес. Крутой склон горы, поросшей соснами. У подножия вход в рудник. Площадка перед входом поросла травой. Где в прежние годы ходила вагонетка, выросла березка. Входит старик, за ним Павел и Виктор.

Старик. Вот и пришли.

Виктор. Рудник «Глухой»?

Старик. Он.

Павел (*подошел к входу, потрогал столбы*). Прогнило все, еле держится!..

Старик (*отошел в сторону*). Прости мне, господи, мои прегрешения!..

Павел (*Виктору*). Готовь! Будь осторожен!

Виктор (*достал продолговатую коробку*). Маленькая, а сколько в ней горя для людей!..

Павел (*вполголоса*). Болтай поменьше!

Виктор. Слушай, Павел... Можно хотя бы в конце пути задать вопрос?

Павел. До конца далеко. Только начало...

Виктор. Я понимаю, заставили бы нас подбросить эту коробку в город, чтобы через неделю не хватило машин возить на кладбища... Но что за смысл тут?.. Живой души не встретишь...

Павел. Гарантия на несколько лет... Кто бы ни сунулся в рудник — уже покойник... Придут на розыски — лягут рядом...

Виктор. Кому нужна эта мокрая дыра? (*Указал на вход*.)

Павел. Хозяину видней... (*Разглядывая вход*.) Далеко не пойдем... Крепление ненадежное...

Виктор. Боишься?

Павел. Мне жизнь не надоела.

Виктор. А мне... все равно... Лучше в родную землю лечь, чем на чужбине загнуться.

Павел. Слушай, Виктор. Мне не нравится твоя болтовня. Ты о чем думаешь?

Виктор. Ни о чем.

Павел. Учти, если что — первая пуля твоя.

Виктор. Не пугай, Павел. Я пуганый. И тебя знаю — на все способен.

Павел. Тогда пойдешь первым.

Виктор. Пожалуйста.

Павел. Сам установишь коробку.

Виктор. С удовольствием.

Павел. И старика потом... (*Сделал ладонью жест, как бы смахнул крошку со стола*.)

Виктор. Раз плюнуть!

Павел. Смеешься?

Виктор. Во всяком случае — не плачу. (*Сломал ветку, понюхал листву*.) Эх, березонька, березонька, русская красавица! Знала бы правду, не далась бы мне в руки! (*Отбросил ветку*.) Идем, Павел. Время не ждет... Слушай, старика берем в рудник? Гляди, туча-тучей.

Павел (*сквозь зубы*). На золоте помешан, идиот.

Виктор. На золоте?

Павел. Тише.. Долгая история. Как-нибудь потом расскажу...

Старик. Не откажите, любезные... Я ведь знаю, зачем вы пришли... Поделится побратски. Всю жизнь ждал я этого дня. Всю жизнь! Вам не понять. Мое оно все, по праву. Но, коли так получилось, — поделится? А?

Павел (*помолчав*). Поделится, ладно. Только во все глаза смотри. Мы туда пойдем, а ты — здесь. В случае чего, сам понимаешь, головою рискуем.

Старик. Понимаю...

Павел. Жди. С богатой добычей вернемся.

Старик. А тетрадка у вас?

Павел. У нас, у нас. Все у нас. (*Кивнул Виктору*.) Идем! (*Виктор пошел первым, Павел за ним, оглянулся*.) Долго ждал, меньше осталось. (*Скрылись в руднике*.)

Старик. (*некоторое время молча глядел им вслед, потом отошел несколько шагов, снова вернулся*). Врут!.. Не поделится!.. Нет, нет! Знаю я вашего брата — все себе!.. Нет, нет!.. Не выпущу! (*Снял топор, укрепленный у пояса, ударил по бревну у входа. Еще раз, еще, еще. Бревно упало*.) Не выпущу! Все мое! (*Ударил по следующей стойке. Посыпалась земля*.) Могильным холодком потянуло... ха-ха! (*Хрипло хохотнул, еще раз ударил, внезапно опустил руку с топором*.) А тетрадь?.. Без тетради я ничего не найду. Калачинский все записал. Тетрадь надо... Отдайте тетрадь! (*Сжимая топор, заковылял в рудник, скрылся*.)

Из-за валуна выглянул Коля. Помахал рукой, к нему подбежала Маринка, подошел, хромяя, Аркаша.

Маринка. Где они?

Коля. Там. *(Показал на вход в рудник.)* Старик зачем-то столбы выбивал... Потом о тетрадке какой-то крикнул и с топором за теми двумя... Между прочим, он Калачинского знает...

Аркаша. А что еще говорили?

Коля. Издалека не расслышал. Ближе подойти никак нельзя было. *(Маринке.)* Брусок какой-то в руках держали... Вроде пенала. Черный...

Аркаша. А куда дели его?

Коля. С собой унесли.

Маринка *(подошла к входу)*. Земля сыплется...

Коля. Это старик устроил.

Аркаша. А что в пенале было?

Коля. Откуда я знаю...

Маринка. Как же нам дальше быть?

Коля. Пойдем за ними. Надо же выяснить, зачем они здесь, почему Калачинского знают... Я не боюсь идти.

Маринка. Я тоже.

Аркаша. И я.

Коля *(Аркаше)*. Во-первых, ты недостойн идти на рудник, во-вторых, что толку от тебя с больной ногой?.. Останешься здесь.

Аркаша. Я свободно могу ходить. *(Сделал шаг, охнул и сел.)*

Маринка. Типичное растяжение.

Коля. Сделай ему перевязку.

Аркаша *(горько)*. Ничего мне не надо! Ничего!

Коля. И нам от тебя тоже!

Маринка *(достала бинт)*. Сделаю холодный компресс. *(Нажала на ногу.)*

Аркаша. Больно!

Маринка. Потерпи!

Коля. Лишнего не возьмем. *(Аркаше.)* Охраняй, если хочешь. *(Снял рюкзак, кое-что рассовал по карманам. Достал клубок шпагата. Хочет привязать конец к березке.)* Из любого лабиринта выберемся с этим шпагатом.

Аркаша. Коля, не сердись... Дай шпагат, я сам устрою. Вот так... Буду в руках держать.

Коля. Как хочешь. *(Отдал моток.)* Некогда нам. Пошли, Маринка. Этот фонарик мне, этот — тебе.

Маринка *(остановилась у входа)*. Все-таки страшно. Темно там, сыро...

Коля. А говорила, не боюсь!

Маринка. Пошли!

Коля *(выковырнул носком ботинка что-то из земли)*. Смотри, Маринка, донышко гильзы.

Маринка. Верно!

Коля. Помнишь, у дедушки в книжке: «Отстреливаясь, Денисов, Калачинский и бойцы ушли, по-видимому, в рудник. Об этом свидетельствовали стреляные гильзы и трупы колючаковцев у входа. Что было дальше с нашими друзьями, осталось тайной». ...Идем!

Скрылись в руднике.

Аркаша *(он держит цилиндрический моток, с которого соскальзывают кольца шпагата)*. Идут... Шагают в тайну... И как это у Коляки получается всегда... А мне никогда не везет... *(Воткнул в землю две рогатки, просунул тонкую ветку, брошенную Виктором, в моток и положил на рогатки. Моток, вздрагивая, вращается.)* Буду обязательно инженером. Такую машину придумаю, что все от зависти лопнут... *(Сел)*. Пусть идут... Мне и тут хорошо...

Над входом что-то треснуло. Земля посыпалась сильнее. Аркаша вскочил. В это время, запыхавшись, вбежал Сергей, за ним Соня.

Сергей *(Аркаше)*. Где Коля?

Аркаша. В рудник пошли с Маринкой... Там трое неизвестных. Старик с топором. Калачинского знают, вашего дедушку, тетрадку....

Соня. Какие неизвестные?

Аркаша. Пенал у них черный...

Сергей. Какая чепуха... Это что? *(Указал на моток шпагата.)*

Аркаша. Связь — я сам придумал! А старик, заметьте, топором бревна выбивал. Видите, земля сыплется. Трещит что-то...

Сергей. Да ведь сейчас все это обрушится! *(Сбросил с себя рюкзак, кинулся в рудник. В глубине потонул его голос: «Ребята-а, наза-ад!»)*

Бревно над входом треснуло и упало, тотчас с грохотом осыпалась порода. Входа не стало.

Соня. Сергей! Сережа! *(Бросилась к завалу, схватилась за камень, попыталась*

оттащить его, но не смогла. Упала на колени. В отчаянии.) Сережа!

Аркаша (пораженный всем, что произошло, смотрит только на шпагат). Связь... не вернется!..

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Четвертая картина

В руднике. Штольня. Бревенчатое крепление. Синеватый свет. Коля, Маринка, Сергей. Они медленно идут вдоль штольни. Сергей впереди, внимательно осматривает крепление. Остановился.

Сергей. Тут, пожалуй, и остановимся... От обвала весь рудник вздрогнул... А много ли ему надо. Эти стойки еще в начале века, наверное, ставили, если не раньше... Ваше счастье, что порода здесь крепкая... Ну, чего приумолкли, правдоискатели?

Коля. Здесь столько разных ходов нарыто... заблудиться ничего не стоит... Мы, Сережа, кажется, вбок куда-то ушли?

Сергей. Кто его знает... Главная штольня, по-видимому, в стороне осталась... Я искал безопасное место.

Маринка. Скажите, Сережа, а здесь не обвалится?

Сергей. Вряд ли...

Впереди что-то глухо упало. Ребята вздрогнули.

Маринка. Надо спастись! Снова обвал!

Сергей. Стой, Маринка! (Схватил девочку за плечо.) Это уже паникой называется. (Маринка заплакала, прижавшись к Сергею. Коля тоже обхватил Сергея.) Ну, что это вы в самом деле! Чего раскисли? А ну, высморкать носы и нечего сырость разводить: тут и так воды хватает... Послушайте, ребята, что я вам скажу. Не было бы счастья, да несчастье помогло. Все, что стояло недвижно тут многие годы, от обвала пришло в движение... Андрей Егорович говорил, что много в руднике этаких карманов небольших, бревнами закрытых пустот, в которых оружие хранили они и продукты. Те, что знал, он сам обследовал, но ничего не нашел... Вполне возможно, что дедушка мой и Денисов тоже знали немало таких потайных пустот, где-то в них и спрятались от врага... Теперь от обвала стойки

зашевелились, кое-где раздвинулись, кое-где упали... Самое время нам поискать следы наших героев!..

Коля. А почему карманы эти образовались?

Сергей. Люди копали штольню и по бокам пробу брали. Если на руду натыкались, ответвление делали, если не было руды, закладывали бревнами и дальше шли...

Маринка. Сережа, а нас откапают?

Сергей. Конечно! Там Сося осталась и ваш Аркаша. Будьте спокойны — они уже подняли тревогу!.. Приедут рабочие, разберут завал — и пожалуйста домой чай пить с бубликами...

Коля. А долго они будут завал разбирать?

Сергей. Не думаю... Ну, день от силы... чуть подольше, может быть... Да, перетрусил вы изрядно. Настолько, что совсем забыли, зачем на рудник шли.

Коля. Нет, не забыли, Сережа. Будем искать эти пустоты... Только ведь там где-то еще старик с топором и те двое.

Сергей. А вам не приснилось все это?

Коля. Честное слово! Я сам слышал, как старик вашу фамилию называл, о тетрадке какой-то кричал.

Маринка. Одного из них Павлом зовут. Очень грубый.

Сергей. И бревна у входа сам старик выбивал?

Коля. Да.

Сергей. Аркаша мне про черный пенал говорил...

Коля. Вот такой. (Показал.) Черный, как телефонная трубка...

Сергей. Удивительная история... Впрочем, все может быть... (Задумался.)

Маринка. Слышите, ручеек журчит?

Сергей. Подземные воды.

Маринка. Холодно, как в погребе...

Коля (Маринке). Возьми. (Снял джемпер.) Мне жарко.

Маринка. Спасибо!

Сергей. Тетрадь... обвал... Непонятно.

Снова глухой шум, что-то упало.

Маринка. Слышите?!

Сергей. Кровля играет... Подумать только, ребята, когда-то здесь ходил мой дедушка.

Маринка. А папа у вас жив?

Сергей. Погиб на фронте.

Маринка. У Коли тоже нет папы, и мама умерла... После войны у многих ребят родителей не стало.

Коля. Мой папа посмертно был орденем Ленина награжден...

Сергей. Нам сообщил политрук. Когда отца моего окружили гитлеровцы, он взорвал их и себя противотанковой гранатой... Хороший он был... Смелый, веселый... Часто мне дедушкины стихи повторял:

Тяжелый, но великий путь
Достался нашему народу.
Не станет больше спину гнуть
Он угнетателям в угоду.

И я, как сын, клянусь сейчас
Земле, которая взрастила,
Что не покинут в трудный час
Меня ни мужество, ни сила!

Маринка. На сборе бы почитать всем пионерам отряда!

Сергей. И почитаем, и о наших приключениях расскажем... А теперь слушайте меня внимательно... Приказываю вам сидеть здесь — и ни с места! Приказываю себе — идти в разведку.

Коля. Зачем?

Сергей. Так надо, Коля... Попутно выход запасной пошу.

Маринка. Какой выход?

Сергей. На поверхность.

Коля. Разве он есть?

Сергей. Должен быть... Тогда, не дожидаясь пока нас раскопают, сами выйдем из рудника. Согласны?

Маринка. А вместе нельзя?

Сергей. Я совершенно не знаю рудник, Маринка. Мало ли что впереди...

Коля. Лучше бы вместе... Вдруг вы тех встретите?

Сергей. Тем более... И этого мы не знаем — кто они?

Коля. Старик с топором.

Сергей. Не страшно... Но вы дайте мне слово, что отсюда — ни шагу. Здесь надежная кровля, надежное крепление.

Маринка. Не уходите! Я боюсь!..

Сергей. Ни за что не ушел бы, Маринка, но сама посуди — еды у нас нет, одежды теплой тоже... Завал разберут, конечно, но рассчитывать и на свои силы надо. Надо искать запасный выход, вентиляционный колодец хотя бы...

Коля. Идите, Сережа. Мы будем ждать вас... Возьмите фонарик, в нем две батарейки.

Сергей. Помните, отсюда — никуда!

Пошел, освещая себе путь.

Маринка (*помолчав*). Тебе не страшно?

Коля. Немного.

Маринка. Мне страшно.

Коля. Я читал, что в Донбассе, во время войны, почти весь поселок спасался от фашистов в шахте. И взрослые и дети... Несколько месяцев... Значит, и под землей жить можно.

Маринка. Только кушать хочется.

Коля. У меня есть бутерброд... Держи.

Маринка. Поделим на три части: тебе, мне и Сереже.

Коля. Мою часть кушай. Я не буду... Я что-то спать хочу. Мы ведь очень рано встали сегодня...

Маринка. Ложись головой ко мне на колени.

Коля. А ты не будешь спать?

Маринка. Пока не хочу. Мама говорит, что женщины выносливее мужчин... Отдыхай.

Коля кладет голову Маринке на колени.

Коля. Тебе неудобно?

Маринка. Удобно. Спи...

Свет постепенно меркнет, темно. Когда прожектор снова дает на сцену свет, мы видим в штольне старика и его спутников. Некоторые перемены в декорации, в частности старая перевернутая вагонетка, подчеркивают, что действие происходит в другой части рудника.

Павел, Виктор, старик.

Павел (*старик*). Скотина! Ты понимаешь, что ты наделал?

Старик (*хрипло*). Тетрадь... Отдай тетрадь!

Павел. Снова сухим из воды хочешь выйти?

Старик. Мое золото!

Павел. Знай же, старый идиот, здесь никогда не было золота. Никогда!

Старик (*оторопел*). Как никогда?..

Павел. Геолог, которого ты убил, искал совсем другое. Джонсон ловко надул тебя и выманил тетрадь. А ты, как пес, этот рудник стерег. Понял?

Старик. Как же это?.. Нет!.. Нет!.. Геолог золото искал. В тетради записано... Отдай тетрадь!..

Кинулся к Павлу.

Павел. На! Получай! (*Бьет его наотмашь, старик мешком оседает на землю.*) Скотина!

Виктор. Напрасно, Павел. *(Наклонился к старику.)*

Павел. В ловушке!.. Так бездарно! *(Мычит от ярости.)*

Виктор. Жив. Дышит... *(Павлу.)*
Напрасно ты его бил... Возможно, он знает какой-нибудь выход...

Павел. На тот свет!.. Скотина!

Виктор. Ты не лучше его.

Павел. Молчи!

Виктор. Нет, знаешь ли, это даже забавно. Тысячи миль, тысячи опасностей—и такой величественный финал. Сам Хеопс — великий египетский царь — по-завидовал бы нашей гробнице.

Павел. Будь проклято все! Я жить хочу. Жить!

Виктор. А коробка уже стоит, и часики мерно отсчитывают наши последние минуты.

Павел. Когда сработает механизм?

Виктор *(посмотрел на часы)*. В пять пятнадцать.

Павел. Неужели нельзя остановить?.. Ты же специалист, Виктор. Неужели нельзя?

Виктор. Можно. Ценою жизни...

Павел. Я сойду с ума!

Виктор. Забавно будет.

Павел. Это ты накаркал! Ты!

Виктор. Конечно, теперь виноват я.

Павел. Через пятнадцать часов...

Виктор. ...и четырнадцать минут мы можем послать последний привет шефу. Даже сообщить кое-какие сведения. Аппарат мол, сработал отлично. Умираем медленно, но верно...

Павел *(схватил Виктора за руку)*. Кто-то идет.

Виктор. Тебе мерещится.

Павел. Свет, гляди! *(Слева по стене штольни, покачиваясь, скользнул луч света.)* Значит, есть выход!.. Есть.

Из темноты вышел Сергей. Осветил по очереди всех троих. Пауза.

Павел. Здравствуйте... У нас несчастье. *(Нагнулся к старику.)* Папаша, папаша, вам не лучше? *(Сергею.)* Плохо стало проводнику...

Сергей. Откуда вы?

Павел. Мы из... Москвы... Геологи мы. И такое несчастье. *(Виктору.)* Будь добр, помоги. Надо положить папашу удобнее.

Старик *(в забытых, хрипло)*. Тетрадь!.. Где тетрадь?..

Павел *(Сергею)*. Потерял какую-то тетрадь и беспокоится.

Сергей. Что с ним?

Павел. Споткнулся, упал, ударился... А вы кто будете?

Сергей. Тоже геолог.

Павел. Какое совпадение! Рад позвать вашу руку, коллега. Познакомимся... Павел.

Виктор. Виктор.

Сергей. Сергей Калачинский.

Старик *(внезапно очнулся)*. Калачинский!.. Спаси меня, боже!

Сергей. Что с вами? Я действительно Калачинский. Вы меня знаете?

Сергей шагнул к нему. Старик вскочил и отпрянул, затем с диким протяжным криком бросился бежать вправо.

Павел. Пропал старик. Видимо, *(покрутил пальцем у виска)* не выдержал... Мы ведь отрезаны — обвал. Знаете?

Сергей. Знаю... Но почему вы отпустили старика? Он же нуждается в помощи!..

Павел. Виктор, живо! *(Виктор быстро ушел.)* Вы не волнуйтесь. Мы заметили, что он нездоров, еще раньше. Но что было делать? Среди местного населения почти никто не знает этого староро рудника...

Сергей. У вас конкретное задание по руднику?

Павел. Совершенно точно... Впрочем, извините, мне неясно, с какой целью прибыли вы?

Сергей. Направлен на рудник Уральским геологическим управлением...

Павел. И вас не поставили в известность, что мы находимся здесь?

Сергей. Нет...

Павел. Удивительные вещи! Москва не знает, что делает Свердловск, а на Урале не знают, что делают в столице. Выходит, мы посланы дублировать друг друга?

Сергей. Право, не знаю... Вы что ищете?

Павел. К сожалению, могу ответить весьма общей фразой — ищем стратегическое сырье... Вы, наверное, знаете, что за последние годы в старых выработках, заброшенных рудниках нам удавалось найти такие ценные руды, которые, как хлеб, нужны сейчас государству.

Сергей. У меня примерно такое же задание... Уточнить его так же не имею права.

Павел *(рассмеялся)*. Вот и объяснились, называется. Ох, уж эти секреты... Ей-богу, мы подчас перегибаем палку.

Засекречиваем то, что давным-давно известно и вам и мне... Кстати, не родственник ли вы Владимиру Калачинскому — был такой геолог, незаслуженно забытый, и, я бы сказал, оклеветанный?

Сергей (*пересиливая волнение*). Первый раз слышу. Видимо, однофамильцы... А что произошло с тем Калачинским?

Павел. Обычная история. Погиб... (*Вздыхнул*). Да, время, время... (*Как бы отогнав грустные думы*). Но как же мы будем выбираться из рудника?

Сергей. Откровенно говоря, я надеялся на вас...

Павел (*горько усмехнувшись*). На нас?.. Что ж, придется вместе искать избавление... Когда я учился в институте, один преподаватель всерьез убеждал студентов: «Даже из безвыходного положения, если подумать, можно найти выход...»

Сергей. Мудро!.. А где вы кончали институт?

Павел. В Москве... Все там. И учился, и работаю...

Сергей. А как здоровье Петра Акимовича?

Павел. Простите, ослышался?

Сергей. Петр Акимович, как себя чувствует?

Павел. Петр Акимович... Как же, знаю... Здоровье... ничего, тянет ляжку...

Сергей. Курить не бросил?

Павел. Нет... Курит понемногу...

Сергей. Однако вы шутник... Петр Акимович, известный московский профессор-геолог, скончался в прошлом году. Он никогда не курил...

Павел (*натянуто улыбнулся*). Вы смеетесь...

Сергей. Честное слово, смешно... Проверяем друг друга, будто сомневаемся... Вот что, Павел, — не знаю вас по отчеству, — у меня рюкзак тут неподалеку, надо сходить за ним. А потом вместе выбираться будем. (*Повернулся, уходит*.)

Павел. Минуточку! Неужели не верите? Вот документы! (*Сунул руку за оборот пиджака, выхватил нож. Завязалась борьба. Сергеем удалась свалить Павла, но тот изловчился и ударил Сергея ножом*.)

Сергей. Бандит!.. (*Упал*.)

Вбежал Виктор.

Виктор. Старика не нашел!.. (*Увидел Сергея*.) За что ты его?

Павел. Он понял, что мы не геологи... Проклятая память! Знал же я про этого Петра Акимовича... Знал. И все вылетело!..

Виктор (*осмотрел Сергея*). Готов! Павел. Калачинский... Бывают совпадения!.. (*Виктору*.) Возьми его документы... Впрочем, все равно. Надо куда-то уходить... Он мог быть здесь не один... надо спрятать его... Тут вот что-то вроде ниши. Помоги...

Вдвоем отодвинули покосившееся бревно, еще одно...

Виктор (*осветил нишу*). Павел, здесь жил кто-то... Гляди — нары.

Павел. Черт с ними, с твоими нарами... Не все ли равно, куда — на землю или на доски... Бери! (*Подняли Сергея, кинули в нишу*.)

Виктор (*закрыв лицо руками*). Тошнит меня... От крови тошнит...

Павел. Пошевеливайся, хлюпик!.. Надо закрыть как следует!.. Ну, помогай! (*Снова поставили бревна, закрыли нишу. Павел притащил еще одно бревно, приставил*.) Идем!

Виктор. Куда?

Павел. Искать старика... Последняя надежда на него.

Ушли направо. Медленно померк свет.

Занавес

Пятая картина

У входа в рудник. В основном та же декорация, что в 3-й картине. Но заметно, что завал уже значительно разобран. Трудятся солдаты-саперы. Выносят на носилках камни и землю, ладят новое крепление. В паре с одним из солдат выносят носилки Соня.

1-й солдат (*кивнув на нее*). Странная какая-то... Ни слова не говорит.

2-й солдат. У нее брата там завалило...

3-й солдат. Технику сюда — сразу бы пробились...

Солдат-радист (*в стороне настраивает рацию*). Кремень, Кремень, Кремень. Я — Топаз, как слышите? Прямите радиограмму.

1-й солдат (*Аркаше*). Послушай, малый. Оружие было у тех троих?

Аркаша. Топор у старика.

2-й солдат (*первому*). Чего спрашиваешь? Такая публика на виду оружия не носит.

Аркаша. Пенал у них был...

2-й солдат. Букваря не заметил?

Аркаша (*чуть не плача*). Я правду говорю.

1-й солдат. Ты лучше скажи, почему в рудник не пошел?

Аркаша (*потупил голову*). Не взяли...

2-й солдат. Значит, заслужил.

Аркаша. И вовсе не поэтому! Я ногу вывихнул!..

Солдат-ради ст. Кремень, Кремень, Кремень. Я — Топаз... Перехожу на прием!.. Ребята, к нам подмога летит!

Со стороны горы слышен далекий крик: «Стой!». Ближе: «Стой! Стрелять буду!» На откосе, почти над самым входом, показался старик. Он взлохмачен, без шапки, одежка порвана. Звучит выстрел, старик выгнулся и скатился с откоса, следом за ним прыгнул Андрей Егорович. Вбежал капитан, сержант с автоматом, из рудника — солдаты. Окруженный со всех сторон, старик отступил, припадая на ногу, на несколько шагов.

Аркаша. Он! Держите его!

Старик. Там!.. Там!.. Покойник воскрес!.. За тетрадкой пришел, за мной.

Капитан (*Андрею Егоровичу*). Откуда он?

Андрей Егорович. Буквально из-под земли.

Капитан. Заметили, где?

Андрей Егорович. Знаю!..

Капитан. Значит, есть колодец. (*Подошел к старику*.) Ваша фамилия? (*Старик молчит*.) Где ваши приятели? (*Молчанье*.)

Ирина Васильевна. У него странный взгляд...

Андрей Егорович. Однако кинулся с топором...

Капитан (*старику*). Будете отвечать или нет?.. Кто воскрес?

Старик. Он... Калачинский!..

Соня (*рванулась вперед*). Кто?! Кто?! Повторите!

Старик (*опустился на корточки*). Покойник... Он сам, сам — раз, и умер... Золота не отдам. Никому не отдам! Мое!

Ирина Васильевна. Типичное помешательство.

Степан Ильич (*негромко Андрею Егоровичу*). Если знает Калачинского, то возможно, что был он у вас в отряде. Не припомнишь? Это бы многое прояснило...

Андрей Егорович (*вглядываясь в старика*). Сорок лет прошло, разве вспомнишь! (*Шагнул к старику*.) Ну-ка, гнилая твоя душа, смотри на меня! Прямо

смотри. (*Схватил старика за подбородок, приблизил к себе*.) Как звать-величать!?

Старик. Петром, батюшка... Не бей старика... Отдай золото!

Степан Ильич. Никак за попа тебя принял...

Андрей Егорович. Петр... Петр... (*Внезапно вспомнив*.) Не Лысиков ли Петр? Отвечай.

Старик. Он, батюшка, он... Давно это было... Перекрестили меня на другую фамилию... Спаси, батюшка, раба божьего...

Андрей Егорович. Вот оно что. Золото! Верно. Слух такой ходил по отряду, что искал Калачинский золото... (*Снова к старику*.) Где же ты скрывался, подлец, сорок лет?!

Старик (*пересыпая землю из ладони в ладонь*). Золотой песочек сыпется, золотое время тянется...

Степан Ильич (*взял Егорова под руку*). Он ничего не скажет, Андрей Егорович...

2-й солдат подошел к капитану и что-то докладывает. Капитан позвал Аркашу.

Капитан (*Аркаше*). Что же ты мне не все рассказал?

Аркаша. Надо мною и так все смеются...

Капитан (*сержанту*). На всякий случай подготовьте миноискатели! (*Солдату с автоматом*.) Старика отвести, глаз не спускать!

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Шестая картина

В руднике. Декорация окончания четвертой картины. Полумрак. Слева, освещая путь фонариком, свет которого очень слаб, идут Коля и Маринка.

Фонарик погас.

Маринка. Все, батарейка села.

Коля. Спички есть...

Маринка. А когда и они кончатся?

Коля. Пойдем на ощупь... Надо найти Сережу.

Маринка. Немного... постоим. Очень устала... (*Прислонилась к стене штольни*.)

Коля. А еще говорила, что женщины выносливее.

Маринка. Ты же поспал...

Коля. Дай руку. (*Взял Маринку за руку*.) Крепкая?

Маринка. Крепкая.

Коля (*хочет приободрить Маринку*). Нас не покинут в трудный час ни мужество, ни силы...

Маринка. Ой, нет, Коля!.. Все равно страшно... Сержи нет. Мы одни... Под землей... Вдруг снова обвал... Слышишь, все время потрескивает что-то. (*Помолчала, прислушиваясь*.) А вдруг те трое — настоящие враги?

Коля. Не знаю... Будем искать Сержу!..

Маринка. Идем отсюда... (*Испуганно*.) Что это?!

Коля. Где?

Маринка. Мне показалось, человек вздохнул. Тише... Слушай...

Коля. Ничего не слышу... Вода где-то капает, и только... Постой! (*Отшатнулся*.) Действительно!.. За бревнами.

Маринка. Я боюсь!

Коля (*в нерешительности*). Послушаем еще...

Негромкий, но явный стон.

Маринка (*шепотом*). Человек!..

Коля. Я спичку зажгу, а ты в щелку посмотри.

Маринка. Страшно.

Коля. Мне, думаешь, не страшно, однако... (*Быстро нагнулся, что-то поднял*.) Фонарик наш! Разбитый... Он у Сержи был!..

Маринка. Ой!.. Я закричу сейчас!

Коля. Успокойся, Маринка...

Маринка. Ладно... С-свети... Я буду смотреть. (*Коля чиркнул спичку, Маринка опасно приблизилась к щели между бревнами*.) В-выше! (*Коля поднял спичку выше*.) Ой! (*Отшатнулась, закрыла лицо руками*.)

Коля. Кто?

Маринка (*шепотом*). Сержа...

Коля. Ранен?! (*Навалился плечом на бревно*.) Ух, тяжелое... Помоги!.. (*Маринка подставила свое плечо, бревно пошатнулось*.) Берегись! (*Бревно упало*.) Теперь это. (*Снова навалились вдвоем, свалили бревно*.) Еще одно... (*Коля направил фонарик, осветил нишу*.) Сержа! Это мы!

Маринка (*к ней вернулось самообладание. Она наклонилась над Сергеем*). Кто его так?.. В грудь... Смотри, Коля, кровь запеклась...

Коля. Ты знаешь... как это... перевязку сделать...

Маринка (*окончательно овладела собой*). Воды, прежде всего, воды.

Коля. Тут где-то капало... Сейчас. (*Поискал, подставил фляжку под струйку воды*.)

Маринка. Пульс еле-еле... Воды быстрей... Под голову что-нибудь...

Коля. У меня нет ничего.

Маринка. Пошарь... хоть камень...

Коля (*осветил все углы ниши, заглянул под топчан*). Тут вроде полки. Сумка какая-то...

Маринка. Все равно... Давай... Подними ему голову... Вот и пригодились мои медикаменты... (*Накладывает бинт на рану*.)

Коля. Маринка!.. В сумке что-то есть... (*Засунул руку*.) Бумага!.. (*Зажигает спичку*.) Записка! (*Читает*.)

Маринка. Какая записка?

Коля. Вот... в сумке была... Маринка! Слушай! (*Читает*.) «Лысиков — сволочь. Он обокрал Калачинского, ранил его тяжело, навел на нас белогвардейцев. Мы отступили в рудник. Геолог умер у меня на руках. Он просил сохранить его уцелевшие записи...» Держи спички, зажигай!.. «...Я кладу их вместе со знаменем. Надежды на спасение нет... Денисов...»

Маринка. Коля, это же письмо командира отряда. Мы нашли документ!

Коля. Поверись, Маринка, сердце не бьется. Замерло...

Маринка (*достала из сумки пачку листов*). Карта какая-то, записи...

Коля. Записки геолога... Очень важно... Маринка! Мы мировое открытие сделали!

Маринка. А это что? Мягкое...

Коля. Дай спички. (*Зажигает*.) Знамя! Боевое знамя революции!.. Сержа, слышишь! Мы все нашли. Серженька!

Сергей (*со стоном*). Пить!

Маринка (*Коле*). Дай фляжку!

Коля. Это мы, Сержа!

Сергей. Бандиты в руднике... Меня ножом... Ищите колодец... наверх...

Маринка. Бандиты?

Сергей. Колодец наверх... Он должен быть...

Коля. Ну, нет! Мы не уйдем! А бандиты пусть сунутся теперь!

Вдалеке слышен выстрел.

Сергей. Оставьте меня... уходите...

Коля. Ни за что! Мы все нашли, Сержа, взгляните! (*Поднес к его лицу листки*.)

Сергей (*приподнялся на локте*). Почерк... дедушкин почерк... Дайте свет!..

Так... Так... *(Лихорадочно перебирает бумаги)*. Ребята, дорогие! Здесь в руднике богатейшие залежи радиоактивной руды!.. Я мечтал об этой минуте! *(Лег, тяжело дыша, прижал записки к груди.)* Это дороже жизни, ребята...

К о л я. Радиоактивной руды?!

С е р г е й. Берегите!.. Любую ценой... *(Снова попытался приподняться, но тут же упал)*. Ищите колодец!..

М а р и н к а. Нельзя вам, Сережа. Лежите... Вам вредно. *(Выстрел ближе.)* Стреляют. Что делать?

К о л я. Отсюда не уйдем. Сережу не бросим!

М а р и н к а *(наклонившись над Сергеем)*. Снова сознание потерял!..

К о л я. Смотри за ним. Прячь бумаги и знамя! А я... *(Взял в руки камень, встал посередине штольни.)* Пусть идут!

Выстрел совсем близко. Из-за поворота штольни (этот поворот виден зрителю) выбежали Виктор и Павел.

П а в е л. Почему не стреляешь?

В и к т о р. Бессмысленно.

П а в е л. Шкуру бережешь? Нет, брат, подышать вместе будем!

Виктор оглянулся, ярко осветил как бы окаменевшую фигуру Коли.

В и к т о р *(с изумлением)*. Кто это?!

П а в е л. Где? *(Резко повернулся, вскинул пистолет.)*

В и к т о р *(отвел руку Павла)*. Что ты делаешь? Это ребенок!

П а в е л *(Коле)*. Откуда ты? *(Коля молчит.)* Где выход, знаешь? *(Идет к Коле.)* Мы геологи, мальчик. Где запасной выход?

К о л я. Назад!

П а в е л *(остановился, увидел открытую нишу)*. О, все ясно! *(Сделал еще шаг.)*

К о л я. Назад! *(Размахнулся и кинул камень прямо в голову Павлу. Тот, охнув, схватился рукой за лицо. Но через мгновение выпрямился и сшиб Колю с ног.)*

П а в е л. До крови рассек, змееныш! *(Маринка.)* Откуда вы свалились? *(Маринка, прикрыв спиной Сергея, гордо подняла голову.)*

Из-за поворота штольни показался сержант и тотчас отпрянул. Выстрел Павла прозвучал с опозданием.

П а в е л *(Виктору)*. За вагонетку прячься!

К а п и т а н *(он за поворотом штоль-*

ни). Предлагаю сложить оружие. Сопротивление бесполезно!

В и к т о р *(Павлу)*. Он прав!

П а в е л. Молчи, сволочь.

В и к т о р. Остался час... Потом, хоть разверзнься гора, спасения не будет.

П а в е л. Старик проклятый предал!

К а п и т а н. Повторяю, сложите оружие! Через минуту откроем огонь.

П а в е л. Не откроете! *(Поставил Колю впереди себя.)* У нас дети! Ваши дети. Первая же пуля попадет в них!..

К о л я. Не слушайте его, стреляйте!

П а в е л. Молчи! Или... *(Отвырнул Колю.)*

С е р г е й *(со стоном)*. Пить! *(Маринка нагнулась к нему.)*

П а в е л *(Виктору)*. Добей его! Лучше мертвый свидетель, чем живой.

В и к т о р. Ты потерял голову.

К а п и т а н. Детей предлагаем передать нам. Не отягощайте своего преступления.

В и к т о р. Слышишь?

П а в е л. Ложь! Все равно смерть.

К о л я *(тихо Маринке)*. Бери сумку, Маринка. Держи крепко! Дай руку!

П а в е л *(капитану)*. Мы отпустим детей, если вы сохраните нам жизнь.

К а п и т а н. Это будет решать суд!

М а р и н к а *(тихо Коле)*. А ты?

К о л я. Так надо, Маринка... И помни, ты самый лучший мой друг!..

П а в е л *(капитану)*. Что ж! Тогда мы сами устроим суд! Учтите, нам терять нечего! *(Повернулся к детям.)* Просите у них, чтобы вас пощадили.

К о л я *(сделал шаг навстречу и вдруг прыгнул на Павла, как кошка. Повис у него на руке, которая держит пистолет)*. Беги, Маринка! Беги!

Маринка выскочила из ниши и побежала.

П а в е л *(Виктору)*. Стреляй!

Виктор не пошевелился. Павел пытается отбросить Колю, затем бьет его, мальчик падает. Маринка успела добежать до поворота штольни.

П а в е л. Почему не стрелял? На что надеешься?

В и к т о р. Павел, пойми, у нас выхода нет, лучше сдаться!

К а п и т а н. Последний раз предлагаю сложить оружие!

К о л я. Стреляйте в них! Стреляйте!

В и к т о р. Через час тут будет зона смертельной опасности... Как хочешь, Павел, я больше не могу! *(Бросил пистолет, побежал к повороту штольни.)*

Коля (*вырываясь*). От Сережи никуда не уйду!

Павел. Получай же на вечную память! (*Поднял пистолет, выстрелил, Виктор вздрогнул, подкосились колени.*)

В это время слева, с той стороны штольни, где основной вход, выбежали солдаты. Павел вернулся к ним, но — поздно! Один из солдат выбил у него пистолет.

Солдат. Руки вверх!

Занавес

Седьмая картина

У входа в рудник. Декорации пятой картины.

Ирина Васильевна (*в руках у нее чемоданчик, взволнованно говорит Андрею Егоровичу*). Вы скрываете! Я чувствую. Говорите правду.

Андрей Егорович. Не настаивайте...

Ирина Васильевна. Я была на фронте. Достаточно перевидала... Вы не имеете права скрывать. Я, наконец, мать.

Андрей Егорович (*помедлив*). Неладно там, Ирина Васильевна... Стало известно, что диверсанты заложили какую-то сложную штуку с часовым механизмом.

Аркаша. Черный пенал...

Из штольни вышел 1-й солдат, сменил 2-го.

1-й солдат (*второму*). Передай приказание. Всем покинуть гору, отойти от рудника. (*Радисту.*) Смайвай рацию! (*Андрею Егоровичу, Ирине Васильевне.*) Приказ — отойти от рудника!

Ирина Васильевна. Даже так! (*Быстро пошла к 1-му солдату, тот преградил ей доступ в штольню.*) Вы не имеете права. Я врач, фронтовой врач, а там, вполне возможно, требуется моя помощь.

Соня (*вбежала*). Неужели взрыв будет? Там же люди!

1-й солдат (*Ирине Васильевне*). Нельзя!

Ирина Васильевна. Я прошу вас...

1-й солдат. Приказано отойти от рудника! (*Соня, воспользовавшись тем, что солдат занят Ириной Васильевной, быстро прошла в штольню. Солдат крик-*

нул.) Назад! Приказываю вернуться! (*Повернулся к Ирине Васильевне.*) Не понимаете похорошему! Отойдите! (*Взял автомат на изготовку.*)

Андрей Егорович. Ирина Васильевна, нельзя... Понимаете, — нельзя!

Ирина Васильевна. Там дети, Андрей Егорович! (*Опустилась на камень, закрыла лицо рукой.*)

Степан Ильич (*быстро вошел*). Товарищи, немедленно отсюда! Разве не слышали?! (*Аркаше.*) В километре отсюда, где палатки, тебя отец ждет. Его не пускают сюда. (*Андрею Егоровичу.*) Праксovia Федоровна тоже там. (*Аркаше.*) Чего стоишь? Живо к отцу.

Аркаша. Не пойду. Пока не выйдут Коля с Маринкой, никуда не пойду!

Андрей Егорович. Скажи, Степан Ильич, толком, в чем дело?

Степан Ильич. Столько же знаю, сколько и ты...

Андрей Егорович. Мина?

Степан Ильич. Это, с их точки зрения, примитивно... Устаревший метод... Лучевая болезнь или чума — вот что их устраивает...

Андрей Егорович. Успеют ли выйти наши?..

Из штольни выходит Маринка. Ирина Васильевна схватила ее в объятия.

Маринка. Мапочка, родная! Мапочка!

Из штольни выходит Коля. Аркаша бросился к нему. Коля оборван, избит, но пытается держаться. Увидев деда, кидается к нему, прячет лицо у него на груди.

Андрей Егорович. Эх, сорви-голова!.. Жив!..

Коля. Мы все нашли, дедушка... Не волнуйся! Все...

Аркаша. А где Сережа?..

Из штольни быстро вышел капитан. В руке у него старая сумка.

Капитан. Степан Ильич, ознакомьтесь! (*Подав сумку, указал на листки. Обращаясь ко всем.*) Товарищи, положение серьезное. Рудник в опасности... (*В это время под конвоем сержанта выходит из штольни Павел.*) Мы не знаем, что оставил враг.

Павел. Скоро узнаете!
Капитан. Вы отказались отвечать, можете следовать дальше.

Павел. А я хочу сказать. Мне терять нечего... Я ненавижу вас! Всех ненавижу!

Капитан. Джонсон знал, кого послать.

Павел. Еще придут такие, как я!

Сержант подтолкнул Павла прикладом.

Капитан. И уйдут туда же, куда уйдете вы!..

Павел затрясся в рыданиях, замотал головой, как в агонии, пошел, ничего не видя.

Андрей Егорович. А где Сергей, товарищ капитан? Что с ним?

Автоматчики выносят на плащ-палатке Сергея. Бережно опускают на землю. Соня встала рядом. Подошел Егоров. Сергей, преодолевая слабость, приподнялся на локте.

Сергей. Андрей Егорович... наша правда!.. Руда!.. Дедушкин почерк... (Колем.) Нужно строить дорогу сюда, дорожные товарищи... Новый рудник... А название сохранить — «Глухой»! (Медленно лег.) Только вот... сосны кружатся... Зачем кружатся?.. (Замолк.)

Ирина Васильевна взяла руку Сергея. Все поняла... Капитан снял фуражку, Соня опустила на колени и, беззвучно рыдая, прикинула к груди Сергея. Маринка и Коля испуганно прижались друг к другу. Степан Ильич развернул знамя, найденное ребятами, бережно прикрыл им Сергея. Из штольни выбежал солдат.

Солдат. Товарищ капитан!.. Нашли!.. Обезвредили!..

Капитан (солдату, Сергею, Коле и Маринке). Спасибо вам... От Родины!..

НЕОБЫКНОВЕННАЯ КОШКА

Об этой кошке мне рассказала знакомая пенсионерка — П. С. Минеева.

В детстве Минеева жила в селе Пачнун Ржевского района Свердловской области. Домик стоял на окраине, а сразу за огородами начинался большой лес. Как и в каждом деревенском доме, была у них кошка. Звали ее Машкой.

Машку все любили. Никогда она не проказничала, ничего не трогала. Хорошо несла свою службу: мыши и крысы не водились дома. Любила Машка поохотиться за воробьями. А когда подросла, стала по ночам уходить в лес. Часто, словно собачонка, убегала за взрослыми, когда те уходили в сосновый бор за грибами и ягодами. Тут она словно преображалась. Услышит какой-нибудь шорох, прижмется к земле, наострит уши и замрет. Потом неслышно, но быстро поползет вперед. И так хорошо маскировалась, что ее нельзя было увидеть даже в густой траве. Потом сожмется в комок и, словно стрела, метнется вперед. Смотришь, в зубах мышь или птичка.

Появились у нее котята. Машка заботливо за ними ухаживала. Кормила она детенышей усердно, сама заботилась о пище: таскала им мышей, воробьев. А когда подросли, начала учить их кошачьему делу, да как-то по-необычному.

Легли однажды спать. Известно, в деревне окна невысокие, форточка открыта. Машка выпрыгнула в нее и ушла. Когда вернулась, не слышно было. Вдруг в комнате шум поднялся. Кто-то бегаёт. Смотрим, и глазам не верим: небольшой зайчишка. Как только косою станет удирать, Машка ударит его лапой, а мордой котят к нему толкает. Некоторых прямо зубами за шиворот берет. Учитесь, мол, ловить его. Те, по-видимому, понимают, что приказывает мать, и давай гоняться за зайцем. Когда котята наигрались, Машка задушила косою.

А однажды произошло вот что. Услышали мы ночью какую-то возню у окна. Видим, Машка прыгнет в окно и сорвется.

Что, думаем, с нею? Почему не может в форточку запрыгнуть? Оказалось, что она притащила из леса довольно большого зайца, а затащить не могла. Тогда она стала мяукать, вызывать котят на улицу. Они вышли через дыру в подполье и вместе с матерью распотрошили его.

Д. Георгиев

Что это за кошка?

Случаи охоты домашних кошек на мелких диких животных общеизвестны. Такие кошки нередко заходят далеко. Нам приходилось встречать их в 1,5—2 километрах от ближайшего человеческого жилья. Вред от таких кошек совершенно очевиден, так как они истребляют не только вредных грызунов (полевок, мышей), но и полезных птиц, их яйца и др. Поэтому бродячие кошки в ряде зарубежных стран, например в Румынии и Германской Демократической Республике, объявлены вне закона и подлежат истреблению. В Румынии за каждую уничтоженную кошку даже выплачивается премия в размере 5 лей. Можно добавить, что европейская дикая кошка, которая в СССР встречается в лесах Белоруссии, Украины и Кавказа, добывает не только мелких животных, включая зайцев, но и телят косули, серны, даже оленей. Размер тела ее немного больше домашней кошки — у самцов до 75 сантиметров, у самки — мельче.

В. Н. Павлинин,
кандидат биологических наук

ПОДСНЕЖНИК

*Потом, расхрабрившись немного,
на снег побуревший дохнет,
и глядь — на бугре у дороги
задорно подснежник цветет.*

*Сначала черты перехода
к весне нерезки, неясны,
сперва робковато проходит
весна по просторам страны.*

*В подснежнике что-то искрится.
Нагнешься — снежинка блестит.
Люблю я упряцев! В теплице
он просто не стал бы цвести.*

ГРОЗА

*Вчера парило. И с утра парило.
К земле приникла слабая трава.
Жарю даже тучи разморило,
и двигались они едва-едва.*

*Но встретились к полудню их дороги,
вот тучи сибились, как быки, вдали.
И дождик, как ребенок босоногий,
испуганно зашлепал по пыли.*

*Гроза прошла. И свежестью и хлебом
пахнуло. В каждой ямке, в каждом рве
блестит свеженаколотое небо
в умытой и щетинистой траве.*

ПАПОРОТНИК

*В светлый день, что кроток был и краток,
торопливо вспыхнув, как костер,
он шальную смесь осенних красок
над землей просторно распростер.*

*Да, конечно, он цветет лишь в сказке.
Но осенним днем горит огнем
вся его листва. Как будто краски
осень пробует сперва на нем.*

*Он стоит и гордо догорает,
будто погибает на посту.
Папоротник жаркий умирает,
оставляя миру красоту.*

Вслушайтесь в окружающий вас мир, ребята. Человеческая речь, гудки машин и паровозов, скрежет экскаваторов, пение птиц, лай собаки, рокот самолета наполняют звуком этот так хорошо знакомый вам мир — мир, в ко-

тором на протяжении тысячелетий господствует человек.

Но есть на земном шаре стихия, куда человек едва лишь заглянул и которая ждет освоения, это глубины морей и океанов, это мир безмолвия.

Прочтите книгу «В мире безмолвия», выпущенную в этом году издательством ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».

Авторы книги французы Жак-Ив Кусто и Фредерик Дюма — искусные ныряльщики. Они обладали техникой плавания в легководолазных костюмах — аквалангах. Имея за спиной запас сжатого воздуха в баллонах, защитив нос и глаза маской со стеклянным окошечком и привязав к ногам резиновые «ласты», они получили возможность свободно парить в морских глубинах, наблюдать подводную жизнь, фотографировать и даже снимать на цветную киноплёнку. Их цветной фильм «Голубой континент» многие из вас, наверное, видели.

В своей книге Жак-Ив Кусто и Фредерик Дюма рассказывают

об исследовании затонувших кораблей, о древнейших очагах цивилизации, погребенных морем и обнаруженных по остаткам произведений античного искусства и ремесла, о работах по разминированию моря. Особенно интересны страницы, посвященные описанию жителей «голубого континента» — животных и растений. Животные морских глубин не знают человека и подпускают его близко к себе. Немудрено, что «человеколюбам» удалось покататься на спине большой морской черепахи, поиграть «в пятнашки» с тюленями, потанцевать со спрутом, взяв его за щупальцы, приручить громадную, в рост человека, рыбку так, что она дала себя гладить и чешать за жабрами.

Советские ученые проф. В. Зенкович и В. Бабкин в послесловии к книге рассказывают об успехах плавания в легководолазном костюме, достигнутых у нас, в СССР, и о тех открытиях, которые сделаны нашими учеными в морских глубинах.

В. АРТЮШИНА

Как ты поступишь, если тебе всего тринадцатый год и твоих товарищей вместе с тобой застал в степи буран?

На этот вопрос отвечает рассказ «Мама и мы» из книжки «Тонкая струна» писателя Е. А. Пермяка.

Мальчик Коля не растерялся в трудную минуту. Выкопав в снегу пещерку, он отсиделся в ней от бурана, спас от гибели себя, братишку и двух школьниц.

Почему же тогда рассказ назван не «Храбрый Коля»? А потому, что подлинный герой рассказа вовсе не Коля, а его мать, собственным примером воспитавшая в сыне твердость характера и решимость.

Крепко любят своих родных маленькие охотники из рассказов «Тонкая струна» и «Набольший». Первые заработанные деньги они тратят не на себя, а на

подарки родным, вскормившим и воспитавшим их. Но этих двух ребят превзошел своей любовью к трудовым людям всей нашей страны безымянный мальчик из рассказа «Балкунчик». Не рассчитывая ни на какую выгоду для себя лично, выполняет он вместе с другими ребятами обязательство, взятое пионерским звеном. В зной, по горам несет он тяжелое ведро, полное воды, в которой плавают наловленные им караси, и выпускает их в новый водоем.

В книге Е. А. Пермяка немало и других рассказов. Все они учат добру, учат, как нужно жить. Учат, не поучая, а на примерах, иногда забавных, иногда печальных, всегда занимательных, потому что взяты они из жизни. Каждый из вас может оказаться в таком же положении, что и ребята из книжки.

Л. НЕВЕРОВ

Редакционная коллегия: В. Очеретин (главный редактор), И. Борисова, В. Волович, М. Гроссман, С. Захаров (зам. главного редактора), Ю. Курочкин (редактор отдела науки, техники и краеведения), Л. Неверов, К. Никитенко, Г. Перебатов, Кл. Рождественская, В. Шустов (редактор отдела прозы и поэзии).

Адрес редакции: г. Свердловск, ул. Малышева, 24.

Рукописи не возвращаются.

Художественный редактор В. Квитка.

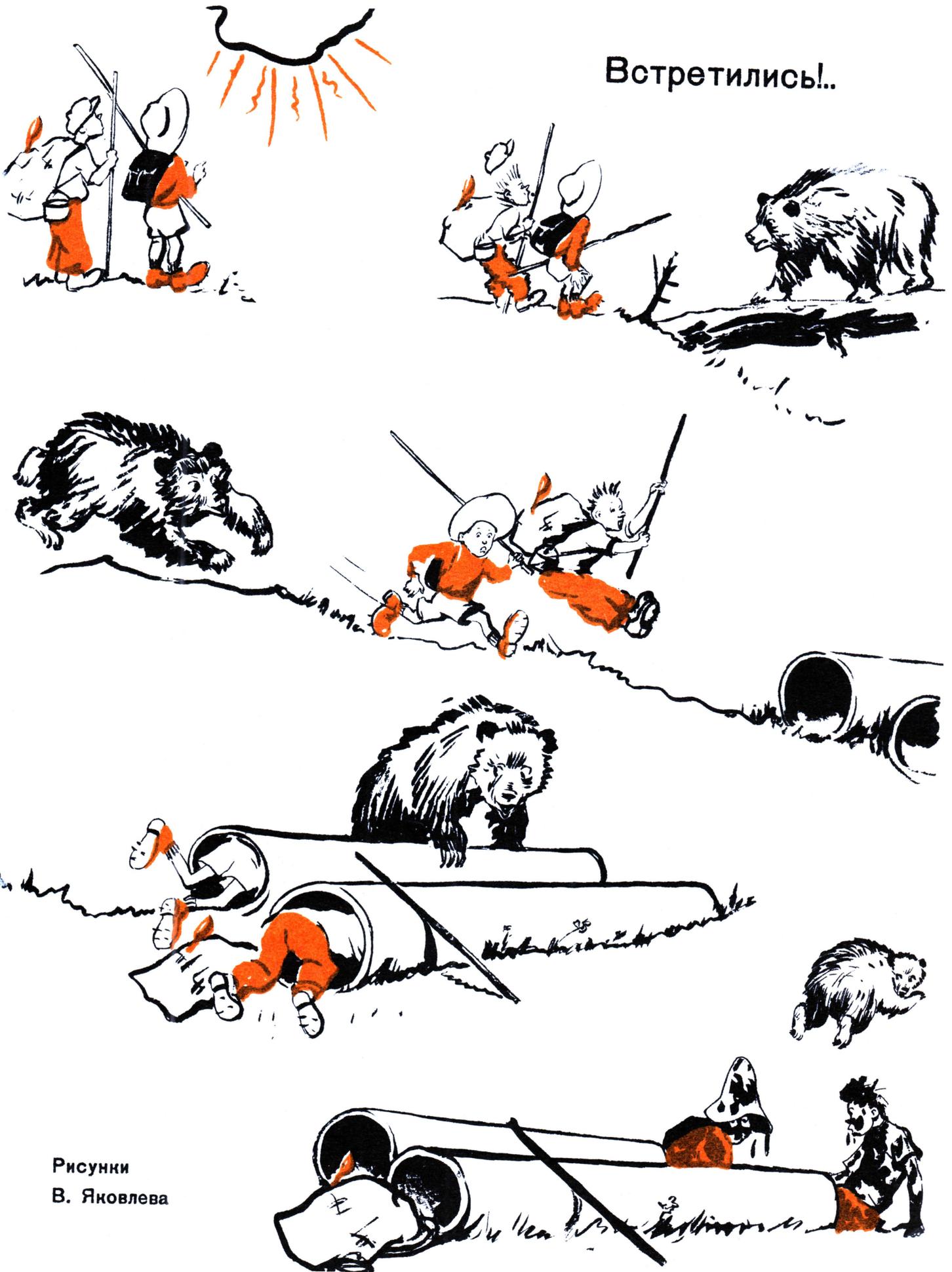
Технический редактор Т. Меньщикова.

Корректор О. Булгакова.

Подписано к печати 16/VII 1958 г. Бумага 84×108/16=2,5 бум. л.—8,2 печ. л. Уч.-изд. л. 8,83.
НС 21896. Тираж 50 000. Заказ № 215. Цена 3 руб.

Типография изд-ва «Уральский рабочий», Свердловск, ул. им. Ленина, 49.
Обложка и вкладка отпечатаны в Свердловской хромолитографии.

Встретились!..

Рисунки
В. Яковлева

Цена 3 руб.